

ТАТЬЯНА ЧИСТОВА

БАНДА ПОД КАБЛУКОМ

НЕТ СТРАШНЕЕ СУЩЕСТВА,
ЧЕМ ЗАГНАННАЯ В УГОЛ ЖЕНЩИНА

Татьяна Чистова

Банда под каблуком

Рита купила салон красоты. Здесь, под безобидной вывеской, она развернула подпольную киностудию. Бизнес уже начал приносить деньги, как вдруг объявился местный авторитет Гончаров. Рите был поставлен ультиматум: или платишь деньги, или бизнесу конец.

Она отказалась. Это стало началом войны с бандой «быков».

Тут еще как черт из табакерки появился бывший жених и начал вымогать у Риты деньги.

И начальник службы безопасности банка вдруг застал ее за обналичиванием фальшивых денег.

Порочный круг замкнулся. Конец всему?

Но Рита — не тот человек, чтобы так просто сдаться...

Татьяна Чистова
Банда под каблуком

До чего же мерзкое занятие — считать дни до зарплаты. Мучительно прикидывать, сколько осталось в кошельке, сколько на картах, и осталось ли там вообще хоть что-нибудь, выгребать мелочь из карманов, искать ценники со скидками в магазинах. Нет, не так все плохо, конечно, на еду и квартиру хватит и даже еще немного останется. Но одно дело, когда еще месяц назад собираешься эту самую квартиру купить, а сейчас едва-едва наскребаешь на оплату ее аренды. И чувство такое тошное, даже липкое, и злость разбирает до состояния «аж кушать не могу».

Рита посмотрела на два здоровенных куска торта, уже основательно подсохших. Они стояли тут с утра, с самого начала рабочего дня — Иркин подарок перед выстраданным отпуском. От тортиков чудесно пахло ванилью и шоколадом, но при одной мысли попробовать хоть кусочек желудок сжимался до размера наперстка, а в горле появлялась перегородка с крохотным отверстием для воздуха и тонкой струйки воды. Рита отвернулась к окну и откинулась в кресле. Крыло химеры с этого ракурса имело вид острого, но малость кривоватого копья с подозрительными ржавыми подтеками от острия по древку и ниже, точно чудовище ночью удачно поохотилось и потом славно пирило на этой самой крыше. «Химерам хорошо — сожрешь кошку, и нет проблем». — Рита чуть ли не завидовала каменному изваянию, а самой от злости хотелось что-нибудь немедленно разорвать или сломать, или разбить, обязательно вдребезги, в крохотные осколки, в космическую пыль. Когда-то начальником ее департамента был целеустремленный молодой человек, карьерист и сволочь, он быстро вырос по службе и перевелся в центральный офис. Юноша этот для снятия стресса держал в кабинете боксерскую грушу, небольшую, размером с арбуз, и та очень быстро пришла в негодность. На памяти Риты ее меняли дважды, третья уехала в Москву вместе с хозяином. Так вот, этой груши ей сейчас очень не хватало.

Загудел мобильник на беззвучке, Рита глянула на экран и зажмурилась — пришла беда, отворяй ворота. И не ответить нельзя, и заранее знаешь, что потом будет тебе плохо, очень плохо. Рита вдохнула, выпрямилась на стуле и взяла телефон.

— Привет, мам.

— Наконец-то, — буркнули из трубки, — дозвонилась. Я уж думала, что ты мать родную в черный список занесла.

Рита подошла к окну. Химера сыто жмурилась в ореоле ярко-зеленых кленовых листьев и на Риту не смотрела. Умиротворенный вид каменной морды действовал не хуже успокоительного, только перегородка в горле так и осталась, и ничего, кроме воды, Рита не могла запихнуть в себя уже больше суток.

— Я работала, — сказала она неожиданно спокойно, — хотела сама перезвонить.

— Хотела она, — проворчала мать. Она звонила пятый раз за последний час, и Рита только сейчас заставила себя ответить. Обе замолчали: мать готовилась к атаке, Рита к обороне, как всегда, впрочем.

— Мне деньги нужны, — раздалось из трубки, — очень срочно. На лекарства. У нас через дорогу закрывается аптека, там большие скидки, я хочу купить про запас...

— Лекарства нельзя покупать про запас, — перебила ее Рита. — Если они не пригодятся, то выйдет срок годности, ими можно серьезно отравиться.

— А ты только этого и ждешь! — визгливо оборвала ее мать. — Тебе бы только порадоваться, как мне плохо! Я на Восьмое марта «скорую» вызывала, у меня был сбой сердечного ритма, я могла умереть! А ты где была в это время? Мать страдает, а ей некогда!

Где была — хороший вопрос. Рита, чтобы не сорваться на крик, старалась припомнить, где она была, в самом деле. И череда дней сама собой прошла перед, как писали классики, мысленным взором, и дни все были одинаковые: дом, работа, дом. И деньги, настоящие, серьезные деньги, от коих сейчас и следа, считай, не осталось. От этой мысли на душе стало вовсе уж тошно и беспробудно, а мать продолжала бурчать:

— Такая прекрасная возможность — купить недорогие лекарства! На хорошие мне пенсии не хватает, хоть дешевыми запастись, если вдруг что случится. А у нее денег нет! На всякую ерунду и тряпки деньги есть, а на мать пожалела! Ничего, скоро помру наконец, вот радости тебе будет... — И осеклась: неделю назад Рита перевела ей на карту десять тысяч, и еще две недели назад столько же. Как и в прошлом месяце, как и в позапрошлом: мать уже полгода получала почти три пенсии вместо одной, честно заслуженной, как сама любила говорить. На языке так и крутился вопрос о судьбе эти немаленьких для их городишки денег, но Рита сдержалась. — Спасибо, доченька! — с истерикой в голосе выкрикнула мать. — Спасибо, милая! Ты мне очень помогла. Ну ладно, тебе деньги нужнее, конечно. Звони хоть иногда, узнавай, жива я или нет.

— Завтра счет проверь.

Рита первая отбилась, бросила телефон на кучу бумаг. Стопка лежала на столе с понедельника, и к пятнице она выросла до угрожающих размеров. Таблицы, распечатки, служебные записки — им предстояло стать отчетом за прошлый месяц, «линия смерти» приближалась все быстрее, а тут в полном смысле конь не валялся. И точно кто мысли ее читал, снова зазвонил телефон, на этот раз рабочий. Определился номер руководителя проектов комплаенс, мелко-лысого вьедливого мужика по фамилии Милютин, что даже сам себе не верил и всегда проверял отчеты и за собой, и за своими подчиненными. То есть делегировать полномочия и требовать результатов не умел от слова совсем, хотя Рите казалось, что дядя реально кайф ловил, копаясь в первичке и выискивая ошибки.

— Маргарита, я жду, — лживо-приторно проворковали из трубки. Наверное, химера, охотясь, именно так заманивает своих жертв сначала на «поговорить», а потом рвет когтями мягкую шейку доверчивой зверюшки. Рита прикрыла глаза и вместе с креслом отвернулась к стенке. Почему-то вид ободранных обоев не давал сорваться с катушек и здорово помогал держать себя в руках.

— Конечно, Алексей Алексеевич, я помню, — нарочито бодрим голосом сказала она. — Сегодня к вечеру будут предварительные данные...

— Предварительные? — Патока заливала кабинет, Рита почти по пояс утонула в липкой жиже. — Отчего же предварительные, солнце мое? Сегодня какое число? Вы одна остались, голубушка, все уже отчитались!

«Пятнадцатое сегодня, пятнадцатое». — Рите до чертиков хотелось побиться головой о драную стенку, если бы это помогло. К отчету она еще не притрагивалась, и сама мысль о нем отравляла жизнь не хуже вида пустого кошелька и нулей на карточном счете.

— До конца рабочего дня будут. — Рита впечатала трубку в аппарат и немного подержала ее так, точно для верности, что липкий Милютин оттуда не вылезет. С ненавистью глянула на бумаги, прислушалась к голосам за дверью. Если пару минут назад звуки напоминали отдаленный гул моря, то сейчас в нем явно слышались отдельные слова, голоса становились все громче. Потом послышался стук, будто упало что-то тяжелое, потом смех. «Какого черта!» — Рита распахнула дверь. Юлька, вся красная, с растрепавшейся «гулькой» на макушке, поднимала стул, Анька развалилась в кресле и лопала банан, только что ноги на стол не положила. Ирка с прямой спиной держала покер-фэйс и шустро крутила колесико мыши.

— А что вы жрать будете? — выдохнула Юлька. — Ты подумала, чем троих кормить? Это же не хомячки.

Анька кивнула, верхушка банана отломилась. Анька успела схватить ее зубами и теперь быстро заталкивала в рот, одновременно тряся пегой башкой.

— Само собой, — проурчала та, — мне сначала дадут пособие на третьего ребенка, потом материнский капитал, потом я больничный получу, — Анька только что пальцы не загибала. — Потом дадут наборчик со всякими ползуночками, ботиночками, кофточками, подгузничками, кремиками, лосьончиками, подушечками, одеялками для младенчика...

— Жалко, что мозгов в наборе нет, — едва слышно проговорила Ирка, храня невозмутимый вид. Юлька вцепилась в спинку стула и беспомощно глянула на Риту.

— А потом я как многодетная получу квартиру бесплатную, — Анька приканчивала банан и поигрывала шкуркой, — деток моих в школе будут бесплатно кормить, потому что они из многодетной семьи, потом мне каждый месяц будут деньги давать на ребеночка...

— За инвалидов хорошо платят, я слышала, — Ирка разговаривала с фотографией цветущего лавандового поля на мониторе. Пропущенный через фильтр вид аббатства Сенанк разил в самое сердце, и Ирка только что не облизывалась на эту красоту. Остроту эмоциям добавляло осознание, что она сама через пару дней физически окажется в центре этой картинки, обежит ее по периметру, по диагонали, зигзагами вдоль и поперек, дыша лавандой, срывая ее и, возможно, падая в заросли. В общем, дорвется, нахватается впечатлений, напьется ими, как вампир крови, и успокоится на полгода. А там придет время Адвента, горячего глювайна в тяжелых кружках, имбирных пряников, weihnachtsmarkt и прочих currywurst в хорошем смысле этого слова.

— Мужик-то твой хоть знает? — нашлась Юлька. Анька швырнула шкурку в мусорку и принялась чистить второй банан.

— Серега пока дома, — важно сообщила она, — ремонт делает, чтобы я из роддома ребеночка в чистую квартиру привезла. А потом ему сразу на работу, я же не смогу, на мне дети!

— Где он работает? — не поворачиваясь, поинтересовалась Ирка.

— Пока нигде, — донеслось вперемешку с пережевыванием банана.

— Фигню спросила, извините, — на грани слышимости проговорила Ирка, — могла бы и сама догадаться.

— Но сразу устроится, как только я рожу!

— Конечно-конечно, кто бы сомневался...

Юлька плюхнулась на свое место, задержала мышкой, только что не грохну-

ла ею по столу. Компьютер «проснулся», на мониторе появились платья, пальто, плащи, удобная дорогая обувь. Юлька с бешеной скоростью листала каталог, плечи у нее дрожали, «гулька» съехала на затылок.

— Какое платье классное, — сыто проурчала Анька, — дорогое?

— Очень, — бросила Юлька сквозь зубы. В ее голосе явно звучали слезы.

— Ты бы могла его купить, если бы не ЭКО, — скалилась Анька в сутулую Юлькину спину, — столько денег на ветер, да? Какая жалость, что ничего не получилось! Мне так жалко тебя, так жалко!

И принялась жрать торт, отламывая ложкой ломти попеременно от ванильного и шоколадного кусков. Юлька неторопливо удалилась вон, Ирка аж побагровела, но промолчала. Рита отступила в кабинет, закрыла дверь и бессмысленно смотрела на нее. «Сонная тупица, овуляшка и пенсионерка». — Марианка точно сидела за столом и гаденько так улыбалась при каждом слове. Рита обернулась, но Марианки там, разумеется, не было. Она давно обрета-лась в другом, по слухам, весьма хлебном и теплом месте, и в ус не дула, если бы у нее были усы. А бумаги со стола меж тем никуда не делись, их точно больше стало, будто в приоткрытое окно сквозняком затянуло. Рита сгребла эту кучу поближе к монитору, глянула на часы, точно засекая время: до конца рабочего дня оставалось несколько часов. Разобрала наскоро по стопкам, открыла сводную таблицу и только сосредоточилась, как снова зазвонил мобильный. На этот раз Женя, что показалось странным: они договорились общаться только по вечерам и в выходные, в другое время «партнеры по бизнесу» выходили на связь в крайних случаях.

— Они отказываются платить, — быстро проговорила Женя.

— Причину обосновали? — Рита плечом прижала мобильник к уху, а сама быстро вносила цифры в таблицу. В нижней графе быстро менялись цифры, но до итога было еще очень и очень далеко.

— Не понравились фабула и реализация проекта, — сообщила Женя.

«А я предупреждала, что это чушь собачья», — Рита снова прикусила язык и посмотрела на край окровавленного химеринового крыла.

— Глеб где?

— Он потерпел творческую неудачу и снимает стресс.

Женя помимо потрясающей модельной внешности обладала уникальными способностями изящно подавать ужасные факты.

— В смысле бухает, — уточнила Рита, — водку пьет?

— Вискарь, — беззаботно отозвалась Женя, — как и положено творческой личности. И, кажется, прямо из горла. Но я его еще не искала, так что это только предположение.

— Не искала? — удивилась Рита. — Ты что, не видела Глеба? Где он?

— Без понятия, — легко сказала Женя, — не знаю и знать не хочу. Приезжай, как сможешь, поищем вместе.

И отбилась. Рита еще с полминуты слушала гудки, «зависнув» над бумагами. Из услышанного только что она выделила суть — денег нет и не предвидится, клиент недоволен (на его месте она бы тоже отказалась платить за такую халтуру!) и может оставить плохой отзыв. «Приезжай, как сможешь». Взгляд упал на монитор, на итоговую предварительную цифру. Тенденция вырисовывалась почти точь-в-точь как в прошлом месяце, но сильно врать не хотелось. Рита отключила мобильник и два часа не отрывалась от бумаг. Еще

пару раз звонил рабочий, но это было не срочно, и она просто не отвечала. Глаза уже слезились, когда в таблице свое место заняла последняя цифра с листа, заверенного простенькой Анькиной каракулей, круглой, точно рожа имбецила. Рита машинально расставила пропущенные запятые, исправила несколько вовсе уж грубых ошибок и, отшвырнув бумажку подальше, ткнулась лбом в столешницу. «Аллилуйя, — крутилось в голове, — я это сделала». Понимала, что надо бы проверить все еще раз, перебрать документы, просмотреть, а где-то и пересчитать вручную, но не было времени, вот хоть убейте. Она быстро сбагрила отчет Милютину, снова уставилась на кучу бумаг, сжимая в руках телефон. Понятно, что в отчете полно косяков, что придется подавать уточненку, а комплаенс этого ох как не любит, и даже с подозрением относится к таким вот «корректировкам». А через неделю надо сдать форму четырнадцать, будь она неладна, а потом снова комплаенс, только уже за полгода. А тут клиент недовольный, и Глеб, вместо того, чтобы исправить свой же прокол, где-то бухает в свое удовольствие.

— Так не пойдет, — Рита складывала бумаги в стопочку, — так не пойдет, это не дело.

Дверь приоткрылась, заглянула нагло-радостная Ирка.

— Я пойду, можно? — Она не отпрашивалась, а предупреждала, да еще и бессмысленно улыбалась при этом. Если кто-то может остановить товарняк на полном ходу, то карты ему в руки — тормозить туриста в шаге от исполнения мечты. Рита бы не рискнула, да и смысла уже нет никакого. Она даже улыбнулась в ответ.

— Давай, отдыхай как следует.

Ирка радостно закивала, подбежала к Рите, обняла ее и чмокнула в щеку.

— Я тебе фотки пришлю, — пообещала она, — и мыло прованское привезу, оно самое лучшее, вот честное слово. Пахнет обалдеть как. И лаванды букет.

— Иди, иди. — Рита махнула на нее, Ирка с блаженной улыбкой отступала к двери. — Аккуратно там с лавандой, всю не вытопчите.

Ирка моментально сгинула, будто в воздухе растаяла. Юлька вяло махнула ей вслед, Анька гладила себя по едва заметному под мятой блузкой животу. Заметила Риту и заявила:

— Я беременная, мне положен другой график и более легкая работа. Или я в трудовую инспекцию жалобу подам. И в прокуратуру.

«Точно!» — Рита кинулась обратно и принялась звонить в кадры. Пятница, шестой час, вряд ли кто-то есть на месте, но вселенная явила чудо. Галанова, заместитель Шумилиной, отозвалась моментально, но, судя по голосу, уже убегала.

— Мне человек нужен, — потребовала Рита.

— Зачем? — У Галановой уже наступили выходные, и она неважно соображала.

— Работать, — терпеливо объяснила Рита, — отчеты делать, аналитику собирать.

— У тебя полно народу, — с порога вернулась в реал Галанова, — заставь их вкалывать.

Рита прислушалась к голосам из кабинета, прикрыла дверь и проговорила вполголоса:

— Анька в декрет собралась. Я теперь с нее должна пылинки сдувать, а ты

говоришь — работать. Юлька с Ирккой не справятся, у нас объемы выросли и отчетности добавили.

— Анька в декрет? — ахнула Галанова и, судя по звукам, плюхнулась в кресло. — За третьим? Вот дура, прости господи, ей и с двумя-то жить негде.

— Ей государство квартиру бесплатную даст. — Рита засмеялась в тон Галановой, та похихикала и вздохнула.

— Где мозги у людей, не понимаю. Ладно, пиши заявку, подберем тебе челочка. Да, прямо сейчас на почту мне сбрось, я девчонок озадачу в понедельник.

— Мне срочно надо, — на всякий случай сказала Рита, — я ее натаскать должна до отпуска хотя бы.

— Какой тебе отпуск, — радостно обломала ее Галанова, — работай, негр. Ладно, пока, мы на дачу собрались, а тут пробки — ужас. К ночи только приедем.

— Я тебе про Аньку ничего не говорила, — шепотом предупредила Рита.

— Само собой.

Галанова отбилась, Рита быстро нашла заявку в кадры на подбор нового сотрудника, заполнила обязательные поля типа возраст, образование, опыт работы, скинула кадровичке на почту и набрала номер Жени.

— Что там у вас?

— Все хорошо, — отозвалась та, — тихо и спокойно. Заказов нет, отдыхаем.

В такой манере хорошо объявлять о начале третьей мировой — никто ничего не заподозрит, и враг разбомбит пустые укрытия. С цунами тоже неплохо получится, волна смоеет к чертям с побережья все живое, да и с простым наводнением удачно выйдет, и со вспышкой чумы, например. Только с массовыми беспорядками не прокатит, нездоровая движуха издалека видна...

Анька с Юлькой уже ушли, Рита закрыла дверь, опечатала кабинет и помчалась на вторую смену. На подходе к дому привычно «проверилась»: издалека осмотрела двор и дорожку около подъезда, парковку, людей рядом, оглянулась на всякий случай и, только убедившись, что Черникова поблизости нет, побежала вверх. На площадке попала навстречу костлявая очкастая тетка, та недобро глянула на Риту и поджала губы. Бокон протиснулась к себе в жилище и моментально закрылась изнутри не только на ключ, но еще и на задвижку — видимо, чтобы Рита не ворвалась следом.

В квартире было очень тихо, только с кухни доносились тихие неразборчивые голоса и мрачная музыка. Женя сидела спиной к двери, закинув ноги на табуретку под столом, ела орехи из вазочки и смотрела сериал. На экране роскошная блондинка с тремя драконами на коленях о чем-то снисходительно спорила с бородатыми, похотливого вида мужиками. Один сунулся было к блондинке, но красный дракон, самый здоровый из троицы, разинул пасть, и нахал отпрянул, оступился и свалился со ступенек. Блондинка погладила дракона по башке и снисходительно улыбнулась.

— Глеб где?

Женя аж орехи выронила, они рассыпались по столу и скатились на пол. Женя принялась подбирать их, драконы тем временем лопали мясо: блондинка кидала им здоровенные куски, и монстры ловили их на лету, ссорились и чуть ли не дрались за еду. Женя нажала паузу, и красный дракон застыл, красиво изогнувшись с чьей-то ногой в зубах. Бородатые мужики виднелись по-

одадь, и вроде как живые, значит, блондинка скормила дракону чужую ногу.

— Самый рейтинговый сериал, — Женя собрала орехи и выкинула их в мусорку, — надо быть в курсе. Могут быть заказы на это, — она показала на дракона, — многие любят, чтобы как в кино.

— С драконом? — не поняла сначала Рита. Женя улыбнулась почти в точности, как блондинка с экрана.

— Это уже будет считаться секс с животными, мы такое не делаем.

— Если платят, то почему нет? — Рита выглянула на балкон, Глеба там не обнаружилось. Не было его и в кухне, если он только не прятался под мойкой, например, или в одном из стенных шкафов. Женя грызла орехи и задумчиво смотрела на дракона.

— Ни разу не пробовала, — проговорила она негромко. — Вот честное слово, ни разу. Предлагали как-то, но я подумала и решила, что пока не так все плохо...

— Глеб где?

— А? — Женя точно с облака свалилась, похлопала ресницами и кинула в рот последнюю горсть орехов. — Фиг знает, после того, как письмо получили, из квартиры он точно не выходил. Переживает творческую неудачу. Давай вместе посмотрим.

Глеб на памяти Риты так «пропадал» второй раз. Первый случился сразу после Нового года: он просто на ровном месте надрался вусмерть коньяком и заснул в шкафу. Там же и пил, как потом оказалось, бутылки валялись среди коробок с обувью. Не за столом, не под оным, а именно в шкафу, за закрытыми дверями, прятался от людей в укромные места, точно кто-то покушался на бутылку. Ну и не закусывал, само собой.

Первым делом осмотрели тот самый шкаф, но среди коробок с реквизитом Глеба не обнаружили. Рита заглянула под кровать, Женя зачем-то выдвигала ящички, потом отодвинула занавески на окне. На подоконнике валялась половинка засохшего яблока и розовый лифчик.

— Пардон, — Женя схватила его и скомкала, — это мое. Думала, куда он подевался.

Лифчик полетел в ящик, Рита вышла в коридор. Из темной гардеробной слышался тихий шорох, точно мышка пробежала. Женя подошла, принялась, скривила губы.

— Пусть сам проспится, — она вглядывалась в темноту, — один фиг от него сейчас толку ноль. Завтра поговорим. Я ему мозги вправлю.

«Какое завтра!» — Рита включила свет, осмотрелась. Все как обычно, вещи, полки, коробки и ящички на месте, потолок не упал, пол не провалился, Глеба не было. Рита осмотрелась еще раз, вспоминая, откуда раздавался шорох, Женя рывком отодвинула зеркальную створку справа. За ней тоже без разрушений, лишь небольшой беспорядок, но зачем тогда зеркальная створка, не только же для того, чтобы в нее смотреться! Весь бардак удачно прятался за ней, а вот Глебу пока удавалось скрываться. Женя постояла, покрутила головой, передвинула пару здоровенных коробок и вдруг легко вскочила на самую большую. Ухватила за полку, привстала на носки и принялась бить кулачком темный непонятный сверток.

— Хорош дрыхнуть, скотина, слезай! Давай, двигай! — Она обеими руками еще немного попинала сверток, принялась трясти его, слышалось недоволь-

ное ворчание и вполне отчетливые матюки. Рита не верила своим глазам — пьяный Глеб дрых на верхней полке гардеробной, почти под потолком! И как его снимать оттуда — непонятно. И ронять нельзя, и аккуратно вытащить им обеим сил не хватит.

— У него всегда так, — Женя на сдавалась и тормошила рычащего Глеба, — на верхотуру тянет. Психов к воде, например, а этого чем выше, тем лучше. Как-то на антресоли залез. Да вставай, сволочь, задолбал!

Она подпрыгнула на ящике и заорала Глебу прямо в ухо. Тот вскинулся, замотал башкой и врезался лбом в кронштейн. Рыкнул обалдело и свесился с полки, Женя держала его обеими руками, не давая упасть. Рита бросилась ей на помощь, вдвоем они кое-как вернули Глеба на землю. Он привалился спиной к стенке и все норовил упасть, при этом крепко сжимал в руке полупустую бутылку виски.

— Мы дом в поселке тогда арендовали, в комнате были антресоли с лесенкой. Был заказ на деревенское порно, и я по этой лесенке должна была лазить на каблуках, а антресоли были типа сеновал.. Глеб, ты скотина! — Женя отвесила тому пару пощечин. Глеб послал Женю по матери и грохнулся-таки на бок.

— Я говорю, что сегодня ничего не получится, — Женя вышла в коридор. Рита схватила Глеба за плечи, усадила тяжеленную тушу, вырвала бутылку из ослабших лап. Глеб зашевелился, приоткрыл глаза, потянулся к бутылке, Рита с размаху влепила ему пощечину, потом еще одну, потом еще. Глеб открыл глаза и смотрел на мир с видом только что прозревшего слепого.

— В ванную, быстро!

Жене ничего не оставалось, как помогать — вдвоем они поволокли Глеба в ванную. Тот особо не сопротивлялся, бормотал что-то невнятно и даже принимался плакать. «Повесили» его на бортик головой вниз, Рита включила душ и обдала Глеба ледяной водой. Тот заорал во всю глотку, затрепыхался, непослушные руки скользили по дну ванной. Рита снова окатила его водой, выждала еще минуту и повторила процедуру.

— Хорош, хорош, — орал Глеб, — сдурели, мать вашу!

— А ты не сдурел, — Женя швырнула ему на голову полотенце, — скотина пьяная! А ну быстро себя в порядок привел!

Глеб запутался в полотенце и матерно мычал, но справился-таки, сам поднялся на ноги. В мокрой футболке, взъерошенный, с мятой рожей, но трезвыми и злыми глазами он смотрел то на Женю, то на Риту.

— Пошли. — Рита пропустила его перед собой. Глеб покачивался, придерживался руками за стенки, но до кухни добрался благополучно, плюхнулся на стул, вцепился руками в волосы под полотенцем. Женя брезгливо, двумя пальцами держала за горлышко бутылку, осмотрела ее, точно дохлятину, и швырнула в ведро.

— Там еще осталось, — вскинулся Глеб из-под полотенца. Женя нарочно громко хлопнула дверцей и показала Глебу фигу. Рита развернула ноутбук, толкнула Глеба в спину, и тот едва не врезался носом в монитор.

— Смотри.

Ноут «проснулся», с экрана смотрел дракон с ногой в зубах, испуганные бородачи жались к стенке. Глеб прищурился, отпрянул.

— Да я видел эту серию, — пробубнил он, — она потом этими драконами го-

род разнесет к чертовой матери.

Рита глянула на Женю, та быстро нашла нужный файл, началось отвергнутое заказчиком кино. Женя в стандартной клетчатой юбочке и Глеб в чем-то вроде школьной формы, но почему-то в джинсах под синим пиджаком. К делу перешли с первых секунд, Глеб натурально застонал и отвернулся. Рита еле сдерживалась, чтобы не врезать ему по затылку.

— Смотри, смотри, — она наклонилась и чуть ли не орала ему в ухо, — смотри, чего тебе не нравится?

— Не надо, — Глеб закрывался от нее руками и замотал голову полотенцем, — не надо, не могу, пожалуйста. Мне плохо...

— Мне тоже плохо! — выкрикнула ему в ухо Рита. Глеб отшатнулся и стукнулся головой о шкафчик. Внутри что-то зазвенело, Глеб выругался нетвердым языком.

— Что не так? — язвительно осведомилась Женя. — Твой сценарий воплощаем вообще-то.

Глеб для надежности прикрыл голову руками, Рита нажала на паузу.

— Не могу, — донеслось из-под мокрой тряпки, — только не это...

— А клиент может? — не выдержала Рита. — Он за эту вот халтуру платит!

— Он не заплатил, — поправила ее Женя и принялась разглядывать свою маникюр.

— Я бы тоже не платила! — Рита толкнула Глеба в спину. — За что тут платить? За что, мать твою?

— Не ори, — пробормотал Глеб, — не платит — фиг с ним. Скажи, что мы отказываемся.

— Чего? — Рита схватила полотенце и дернула на себя, но Глеб успел раньше и держался за тряпку точно за щит. Полотенце затрепало, Рита изо всех сил тащила его на себя, но Глеб стоял насмерть. Женя развернула ноут к себе и включила «кино», раздались волнующие звуки и незатейливая музыка. Глеб скривился.

— Надо переснять. — Рита отпустила полотенце. — Свяжись с заказчиком, скажи, что мы все исправим.

Женя оторвалась от монитора, Глеб замотал башкой и принялся тереть полотенцем лицо.

— На хрен, — пробормотал он, — не нравится — пусть валит.

— И свалит. — Рита от греха отошла к балкону: так и тянуло огреть Глеба чем-то тяжелым, аж руки чесались. Он в своем уме вообще — такое говорить? На хрен, значит.

— Да, как? — Женя повернулась к ней. — Вообще я не понимаю, в чем проблема, заказ стандартный: клиент хочет посмотреть, как трахают его училку. Чего ему не нравится?

— Ты с ним говорил?

— О чем? — буркнул Глеб из полотенца. — Все условия были в письме. Я согласился и выслал ссылку на файл, клиент пошел в отказ. Сто раз такое было...

— Ты с ним говорил? — повторила Рита, с трудом сдерживаясь от крика. Ну как можно быть таким бараном? Клиент — это деньги для них, для всех троих, это их затраты, время, силы, это жизнь, в конце концов! И вот так запросто сливать ее в унитаз она не позволит.

— О чем говорить? — зло бросил Глеб. Он вполне уже пришел в себя и смот-

рел осмысленно.

— Как он это себе представляет, — спокойно сказала Рита. — Сколько училке лет, в каком классе было дело, как она выглядит, что преподавала: географию, химию, математику? Почему именно ее, а не училку физкультуры, например?

— Хорошо бы получилось, — встряла Женя, — у меня есть отличный спортивный купальник телесного цвета, как у гимнасток...

Глеб бросил ей скомканное полотенце, Женя поймала его на лету и принялась аккуратно складывать. Злой и мокрый Глеб уставился на Риту.

— На хрена? — переспросил он. — Какой смысл? На кой черт все эти подробности?

— Клиент платит, — Рита сдерживалась уже из последних сил, тупость Глеба выводила из себя. — Когда ты покупаешь новый телефон, тебе не пофиг на размер экрана, камеру, емкость аккумулятора?

— Сравнила, — фыркнул Глеб, — это разные вещи.

— Ничего подобного! И телефон, и фантазии — это товар, надо угодить клиенту!

— Я всегда так делал, — рыкнул Глеб. — Женька, чайник поставь!

— Сам поставь! — крикнула Рита. — У тебя прислуги тут нет, халтурщик хренов.

Женя скользнула к плите и зажгла газ. Рита повернула переключатель, и синий огонек погас. Глеб выругался и поплелся к плите.

— Себя представь на его месте, — уже тише сказала Рита, — он хотел, считай, в детство вернуться, а ты ему что подсунул?

— Да я всегда так делал, — Глеб грохнул полупустым чайником о плиту, — не понимаю, в чем дело вообще! Не нравится — вали...

— Ты с ним давно работаешь? — перебила его Рита. Глеб почесал бровь, сосредоточился.

— Года три, — сказал неуверенно. — И всегда все нравилось. Мы сено и деревню для него снимали, кстати.

Женя понимающе кивнула и снова включила сериал, убавив звук.

— Он рекомендовал тебя другим? — спросила Рита.

— Да, двое или трое потом от него были, — Глеб вернулся на место и развалился на стуле. — И они еще кого-то приводили.

Рита глубоко вдохнула, выдохнула, потрогала чуть теплый бок чайника.

— То есть ты хочешь сказать, что постоянный клиент может катиться на хрен и забрать с собой еще двух или трех? — уточнила она. — А если они, все трое, оставят о тебе плохие отзывы, тогда что?

Глеб прижал к вискам указательные пальцы.

— Ритка, у тебя способности к нашему ремеслу, — проговорил он с закрытыми глазами. — Хорошо мозг умеешь, — он постучал кулаком по раскрытой ладони, — качественно.

— А ты еще что-нибудь делать умеешь?

Глеб приоткрыл глаза, покосился на Женю, на полотенце.

— В смысле?

— В смысле, жить на что будешь, если все твои клиенты пойдут на хрен? Дороги подметать, дома строить или к бабке старой в альфонсы? Года два-три у тебя еще есть, но часики тикают, и молодое мясо из регионов поджигает!

Рита улыбнулась и выключила закипевший чайник. Глеб побагровел, но смолчал, хоть и смотрел с ненавистью.

— Мы все от их денег зависим, неужели непонятно! Где клиентоориентированность, где сервис?..

— В Караганде! — взвился Глеб. — Мне их что — в задницу целовать?

— И не только в задницу, — осадила его Рита. — куда скажет, туда и поцелуешь.

— Да пошла ты! — Глеб вскочил и схватил зачем-то полотенце. Женя бочком проскочила к плите и занялась чаем, руки у нее заметно дрожали, кипяток капал на столешницу.

— Хорошо, — Рита вдруг успокоилась и старалась смотреть на Глеба без улыбки. — Я пойду. Думаю, что дальше справлюсь без вас. Прошу завтра же освободить мою квартиру.

Женя повернула голову и непонимающе смотрела на Риту. Глеб за каким-то чертом намотал полотенце поверх джинсов и наклонил голову, точно пес, только что ушами не шевелил.

— В смысле — без нас? — как во сне повторил он, игнорируя требование выметаться вон.

— В прямом, — Рита смотрела ему в глаза. — За полгода я достаточно хорошо изучила этот бизнес, он прибыльный, и это мне подходит. Но меня не устраивает ваше отношение к клиентам. Если они недовольны, виноваты не вы, а заказчики. Я буду работать по-другому, вы так не умеете.

Глеб одним прыжком оказался рядом, схватил Риту за плечи и впечатал в стенку. Женя охнула, зазвенела посуда. От Глеба воняло потом и вискарем, Рита улыбалась, Глеб все сильнее вжимал ее в стенку. Рита посмотрела ему в глаза.

— На тебя уже есть одно заявление за растление малолетней, еще одно хочешь, за телесные повреждения? Будет заявление, я устрою.

Глеба аж перекосило. Он отпустил Риту и выскочил в лоджию, да так резво, точно хотел с разбега высадить стекло и улететь куда подальше. Женя подбирала с пола осколки блюда.

— Надо переснять. — Вдруг резко заболела голова, Рита едва держалась, чтобы не показать, что ей плохо. Женя смотрела на нее снизу вверх.

— Как ты себе это представляешь?

— Уточнить у заказчика, что именно он хочет, как себе представляет эту училку. Кстати, чего их на школу тянет? Одному однокласснику трахнуть приспичило, второму препода...

— Гештальты закрывают, — Женя выкинула осколки в мусорку. Раздался звон, Глеб обернулся и вроде как снова выругался, но отсюда было плохо слышно.

— Хотят компенсации за детские обиды и душевные травмы отторгнутого миром и одноклассницами подростка. Таких заказов у нас через один, у мужиков вообще с фантазией не очень. Либо актрису, в смысле ее персонажа, хотят, либо из детства что-то. Ну и совсем уж классика — медсестра или полицейский...

— Как ты себе это представляешь?

Глеб нарисовался на пороге лоджии, зачем-то накинул полотенце на плечи, выпрямился. Женя поднялась на ноги и машинально помешивала ложеч-

кой чай. Рита села за пустой стол.

— Свяжись с заказчиком и выясни у него все подробности: что за училка, как звали, какой это был класс, в чем она была одета — если он помнит, конечно. Идеально бы ее фото. Скажи, что мы все переделаем, причем бесплатно. Если ему понравится, то он заплатит, если нет — это будет подарок от нас.

Глеб кивал на каждое ее слово, Женя вертела головой. Глеб сел напротив Риты, положил локти на стол и сцепил пальцы.

— Хорошо, — покорно сказал он, — давай попробуем. Я все выясню.

— Если ты не хочешь, то я сама могу пообщаться.

— Не, — Глеб помотал головой и отвел взгляд. — Он с тобой не будет. В смысле, общаться. Я сам.

— Отлично, — Рита вышла в прихожую. — Звони мне сразу, как все узнаешь.

Женя позвонила в половине первого ночи, а еще минутой раньше прислала сообщение — скрин переписки с заказчиком. Тот писал под ником Pofigist и требования выдвигал вполне умеренные. Ни животных, ни извращений не просил, сообщил, что учительница вела у него математику в пятом классе, носила серый костюм и короткую светлую стрижку. Ничего более внятного добиться от Pofigist-а не удалось, кроме того, что в кабинете стоял глобус, и наличие глобуса в кино он считал обязательным.

— Сову на глобус, прости господи, — поражалась Женя, — это же надо, столько лет помнить про глобус. И костюма у меня такого нет.

— Ищи шмотки, а глобус я беру на себя, — Рита в который раз просматривала скрин переписки. — Высокая, худая, светлые волосы, — повторила она.

— Ну, — торопливо шептала Женя, — все это совсем не сложно. Парик, шмотки...

— Не пойдет, — Рита еще раз пересмотрела переписку.

— Обоснуй, — обиделась Женя. — Я что — толстая? Толстая, да?

«Да при чем тут это», — Рита увеличила картинку: там после описания цвета волос шло: «рожа квадратная». Квадратная, в смысле, с высокими скулами, и приятная Женкина физиономия ну никак не соответствовала запросу, и никакой грим тут не поможет. Хотя есть один человек, что идеально подходит под эти требования, но все равно надо уточнить.

Рита нашла в телефоне фото с корпоратива, где они всем отделом обнимались на фоне роскошной — натуральной, с ума сойти, на какие траты пошло их руководство в том году! — новогодней елки. Вырезала Ирку, поколдовала с фильтрами и отправила Женке подредактированное фото.

— Скинь клиенту.

Ответ пришел через пару минут — Pofigist опознал в Ирке свою мечту и буквально требовал, чтобы «ученик» поймел именно ее, грязно и как можно дольше.

— Ты права, — расстроилась Женя. Фоном что-то бухтел Глеб, потом он отобрал у нее телефон.

— И что дальше? — В голосе слышалась насмешка и скрытое торжество. — Женька рожей не вышла. Что делать будем?

— Найдем похожую, — сказала Рита, — и ты ее трахнешь. Делов-то.

— Где найдем? — вкрадчиво поинтересовался Глеб, Женя шепотом возмущалась «за кадром».

— Наймем профессионалку и заплатим ей.

Очень хотелось спать, вопрос решился и организм требовал хоть несколько часов сна в тишине и покое. А у Глеба энергия перла через край.

— Профессионалку? — выдохнул тот. — Ты хоть знаешь, сколько это стоит? Ты в курсе их расценок? Я имею в виду реальных, качественных девок, а не обдолбанную шваль.

— Вот и узнай, — глаза уже закрывались, Рита поудобнее устроилась на отличном жестком матрасе и до носа закрылась одеялом. — Посмотри, что там есть приличного, пришли мне несколько фото, я сама выберу шлюху и договорюсь с ней. А деньги будут, не беспокойся.

Деньги будут, это не вопрос, сложнее другое — уговорить профессионалку сняться в домашнем кино. Фиг знает, как они к такому относятся, могут заломить вдвое или втрое, как за извращения, или взять по повышенному тарифу. «Или Ирку уговорить?» — подумалось уже в полусне, но она уже далеко отсюда, на полпути к счастью, а время не ждет.

Утром на работе она первым делом выкинула окончательно засохшие куски торта, протерла стол, приготовила скотч, острые, как скальпель, ножницы. И только сейчас сообразила, что понятия не имеет, сколько стоят услуги профессионалки, какую цену заломит приглянувшаяся Пофигисту шлюха. Прикинула быстро, что с прошлого раза осталось двенадцать склеек, плюс будут новые, понадеялась, что этого хватит и даже получится дотянуть до зарплаты. Закрылась на замок, села поудобнее и принялась резать пятитысячные и сотки сначала пополам, потом еще на несколько частей.

Успела, как и планировала, к началу рабочего дня, к приходу остальных все было готово. Рита слышала, как хлопнула входная дверь, потом еще раз, потом что-то недовольно буркнула Юлька и раздался сытый Анькин смех.

— Окно открой, — капризно потребовала та, — мне душно.

Юлька, судя по звукам, предложила ей пойти куда подальше.

— Я не могу вставать на подоконник, я беременная, мне надо беречь себя и ребенка. У тебя детей нет, так что открой окно, я задыхаюсь!

— Задыхайся, мне-то что? — философски заметила Юлька.

— Ты тварь бездушная! Хорошо, что у тебя деток нет, ты бы их убила! Боженька все видит, все, ты грешная, поэтому он тебе деток не дал...

— Заткнись! — завизжала задетая за живое Юлька. Рита приоткрыла дверь. Анька развалилась на стуле и лопала конфеты, фантики валялись на столе, некоторые упали на пол. Юлька нацепила наушники и с невероятной скоростью лупила пальцами по клавиатуре. Анька заметила Риту и закатила глаза.

— Ой, мне плохо, мне плохо. Откройте окно, я задыхаюсь!

— Я сейчас «Скорую» вызову, — Рита вышла из кабинета, — и тебя увезут в больницу. Оттуда ты принесешь мне больничный и справку о сроке твоей беременности.

Анька мигом села нормально, принялась собирать фантики со стола.

— Но мне правда плохо, — она заискивающе смотрела на Риту, — у меня токсикоз...

— Справку давай, — прикрикнула на нее Рита, — или нечего комедию ломать! Где статистика за вчерашний день? Пока справки нет, я тебя в два счета отсюда вышибу за однократное грубое нарушение трудовой дисциплины и уклонение от исполнения трудовых обязанностей!

Анька едва ли половину поняла из сказанного, но слово «вышибу» оказалось решающим. Она тоже уткнулась в комп и даже чего-то там принялась искать. Юлька дернула плечом и страдальчески глянула на Риту.

«Может, правда на фиг уволишь ее? Я за двоих буду вкалывать!» — пришло от Юльки в мессенджер. Хорошая мысль, кстати, но тогда придется передать новому сотруднику Анькины обязанности.

«Потерпи. Вдруг она правда того? Можем крупно нарваться», — ответила она и еще раз проверила сумку. «Склейки» лежали во внутреннем кармане сумки, довольно толстенькая и приятная на ощупь пачка, стыки почти незаметны, края ровные — загляденье. Банкомат их сожрет и не подавится. Карта тоже здесь, можно сразу снять наличку и вечером спокойно идти домой, а к тому времени уже наверняка станет известна цена вопроса. «За час успею». — Рита прикинула, что до банкомата на парковке она дойдет пешком, а вот к другому придется ехать, и лучше на такси. Постояла немного в раздумьях, не вызвать ли заранее, но решила сделать это на месте. «Неплохо быть начальником, — она быстро накрасила губы перед небольшим зеркалом, — не надо отпрашиваться ни у кого, чтобы слинять на пару часов по своим делам». И только открыла дверь, как зазвонил рабочий. Милютин, будь он неладен, Рита аж зубами скрипнула, но ответить пришлось.

— Голубушка, — запричитала трубка, — ну как же так. Вот уж от вас я такого не ожидал. Сколько лет все идеально, и нате...

— Что такое, Алексей Алексеевич? — взволнованно проговорила Рита. — Что-то не так с отчетом?

Милютин невежливо чихнул прямо в трубку, шмыгнул носом и снова запел жалостливо:

— По двум доп. офисам нет данных, ну как же так, светлая королева Марго? В прошлом месяце были, и в позапрошлом, и год назад. А сейчас куда подевались? Я уж грешным делом решил, что их закрыли, проверил, уточнил, время свое потратил. А вы просто забыли о них.

Рита прикусила губу и сморщилась: вьедливый Милютин прав. Она помнила про эти доп. офисы, но они всегда подавали статистику на день позже, за это отвечала Анька, и проворонила со своей беременностью. Вернее, наплевала, так будет точнее. Нет, человек сюда нужен срочно, вчера нужен был, позавчера.

— Я виновата, — покаялась Рита, — поручила сотруднику все проверить, а он... Ну, в общем, не сделал. Я сейчас же все выясню, и к обеду у вас будет полная аналитика.

— Жду, очень жду, — прокурлыкал Милютин, — вы же понимаете, голубушка, для кого и зачем мы делаем эту отчетность. Понимаете, что зависит от количества инцидентов. Да что вам говорить, вы лучше меня это знаете.

Как в воду глядел, Рите аж подурнело и очень захотелось немедленно выйти на свежий воздух, ну или хотя бы окно открыть. В сумке лежали «склейки» на сумму зарплаты их отдела за полгода примерно, но придется им еще полежать.

— Еще раз прошу прощения.

Рита бросила трубку и выскочила из кабинета. Юлька так и сидела в наушниках, но уже не долбила по клавишам, а преспокойно рассматривала легчайшие летние платья и покачивала «гулькой» в такт музыке, что приглушенно

звучала из наушников. Анька привалилась плечом к стенке и натурально спала. Рита хлопнула ладонью по столу, Анька подскочила и вытаращила глаза.

— Где отчеты двух последних доп. офисов?

Аньке понадобилось с полминуты, чтобы сообразить, о чем вообще идет речь, и догадаться, что она крупно накосячила. Анька вжалась в спинку стула и обеими руками схватилась за живот, точно у нее резко начался понос.

— Ой, простите, я забыла, — еле слышно прошелестела она, снова закатывая глаза, — мне было так плохо, так тошнило... Я хотела их принести, но не успела, мне нужен воздух, здесь так душно.

Закрывает глаза и вцепилась в живот обеими руками. Рита хлопнула в ладоши у Аньки перед носом. Та вместе со стулом шарахнулась к подоконнику.

— Аня, ты меня достала. Еще один косяк, и я пишу на тебя докладную. Мало того, что ты работаешь на отвали, так еще и меня подставила. — Рита не орала, смотрела Аньке в глаза, а та не знала, куда деваться.

— Мне плохо, — твердила она одно и то же. Юлька приподняла одно желтое «ухо» и насмешливо глядела на Аньку.

— Ты в курсе, что при беременности мозг усыхает на тридцать процентов?

Анька замерла, будто что-то подсчитывала в уме.

— Двое детей — уже минус шестьдесят, — продолжала Юлька, — а еще один — уже девяносто. Ты инвалид на всю башку, десять процентов остаются, чтоб ты в магазине могла цены больше-меньше различать. Кстати, инвалидам на голову платят хорошую пенсию. Ты узнай.

Анька с самым серьезным видом уставилась на Юльку, потом схватила мышь, подъехала к столу.

— Поищи, поищи, — Рита вся кипела от злости, — начинай сразу с пенсии для безмозглых.

Юлька фыркнула и отвернулась.

«Успею». — Рита закинула сумку на плечо и побежала в хранилище. Оригиналы отчетов доставлялись вместе с инкассацией, а педант Милютин всегда требовал не копии, а сканы документов, непременно с живыми подписями и синими печатями.

По коридору до лестницы вниз и дальше под низким потолком к мощной двери и посту охраны перед ней. И дальше, мимо, считай, родных уже шкафов и сейфов под потолок: направо, налево, еще раз налево. И затормозила в последний момент, остановилась на «развилке» — тут шкафы расступались, и по правому проходу можно было попасть к стеллажам с архивом, а левый вел собственно в святая святых, и оттуда доносились громкие голоса. Очень громкие, даже слишком для этого места, учитывая, что деньги любят тишину. Повышать голос, а уж тем более орать в хранилище считалось верхом неприличия. И тем не менее, двое наплевали на это правило. Рита прислушалась — это Казарцева распекала Леру.

— Не так, не так, — разносилось эхом под сводами, — сто раз тебе говорила, что в этот столбик вносится номер кассеты, а в этот — номер пачки. А ты что натворила? Целую неделю путала показатели, и как искать концы? Кто это будет делать?

— У меня все записано! — со слезами в голосе оправдывалась куколка-Лера. — Я делала все, как вы мне сказали! Вот...

Послышался шорох, Рита посмотрела в просвет между шкафов. Вся в готи-

чески-черном, на черных же каблучищах, Лерочка метала из ящика на стол блокноты, тетрадки, разноцветные папки, дергала из них листы и совала их чуть ли не под нос Казарцевой. Та восседала в своем кресле, тощая и костлявая после операции, сутулилась над клавиатурой и прижимала пальцем дужку очков к переносице.

— Почему я знаю, что ты там нацарапала, — ворчала она, — я такого сказать тебе не могла! Вот Вика тоже бестолковая была, почти как ты, но эти показатели она ни разу не перепутала, все вносила в нужные столбики. Будешь переделывать!

— Переделывать? — Лерочка поникла. — Как же так? Я все записала, я по шпаргалке делала!

Она принялась перебирать свои записи. Рита толкнула коленкой в металлическую дверцу шкафа. Тот загудел на все хранилище, Рита чертыхнулась, Казарцева аж подпрыгнула на своем кресле. Лерочка продолжала раскопки и ничего вокруг не замечала. Рита вышла из укрытия.

— Напугала, — Казарцева зачем-то перекрестилась, — давно не виделись. Как твои дела?

— Нормально. — Рита подошла к столу. Тот весь завален наличкой, стоят пустые и не тронутые еще кассеты, сверху валяются реестры и рулоны банковской ленты. Только что была инкассация, и всю эту прорву денег надлежало пересчитать, упаковать и приготовить для дальнейшего оборота, а кое-что из одного изъять по итогам проверки.

— Где статистика с доп. офисов за прошлый месяц? Я про них забыла, а Милютин мне с утра мозги выносит. Срок вчера прошел, боюсь, он докладную накатает.

Была у Алексея Алексеевича такая поганая манера: найти косяк, по-дружески сообщить об этом виновнику, дожидаться устранения (зачастую — мгновенного) и наябедничать руководству. За такие вещи принято морду бить, но за свою Милютин не опасался и при случае делал гадости всем и каждому, до коего мог дотянуться в силу служебной необходимости.

— Там, — Казарцева показала на заваленный бумагами соседний стол, — ищи, сверху должны быть. Помню, где-то сверху лежали.

Залежи на «том» столе разбирали примерно раз в месяц, когда формировали архив за предыдущий: все подшивали в папки, нумеровали, считали листы, печатавали и убирали на веки вечные в недра хранилища. Рита прикинула, что на раскопки уйдет минут двадцать, плюс надо сделать сканы, чтобы в Милютинской статистике все было красиво — итого полчаса, а то побольше.

— Вот, — вдруг подскочила Лера, — вот, смотрите! Вы мне сами диктовали!

Она чуть не сбила Риту с ног, кинулась к Казарцевой с каким-то исписанным листком. Та еще сильнее вжала очки в переносицу, точно резкость так наводила, брезгливо двумя пальцами взяла листок.

— В отчете за сутки по банкоматам надо заполнить графу с номером, количеством, номиналом... так, это все верно, количество кассет, дата с бирки. В первый столбик записать...

Лера задвинула Казарцеву к стенке, та чуть ли не носом ткнулась в листок, обе отвернулись. Рита помедлила, покосилась на камеру, поставила сумку на стол и повернулась так, чтобы закрыть обзор второму «оку». Быстро вытаскивала склейки, рассовала их по необработанной наличке, сгребла несколько гото-

вых пачек со стола.

— Стой! — крикнула Казарцева. Рита застыла с деньгами в руках. Пальцы задрожали, перед глазами все поплыло, воздух исчез и дышать стало нечем.

— Стой, не трещи! — Казарцева махнула на без устали тараторившую Лерочку. — Сюда смотри: в первый столбец номера кассет, в правый — номер банкомата. Записала ты правильно, только сделала черт знает как. Переделывай.

Отбросила лист и выпрямилась в кресле. Лерочка таращилась в свою шпаргалку, крутила ее в тоненьких пальчиках с нежно-розовым маникюром, и вдруг расплакалась. Казарцева поморщилась и сняла очки.

— Я не нарочно, — Лерочка аккуратно моргала мохнатыми ресничками, — я случайно ошиблась. Тут работы на целый день, я не успею...

— Конечно, не успеешь, — Казарцева отвернулась к монитору, — обработаешь инкассацию, потом приготовишь еще две, потом исправишь свои косяки. Я предупрежу охрану, что ты сегодня задержишься. Рита, ты чего?

Сумка отказывалась застегиваться, «молния» трещала, не желая сходиться, Рита так и этак уминала толстые бока, но деньги в сумку не помещались.

— Застежку заело, — Рита рванула замочек еще раз, ткань предохраняюще треснула.

— Бывает, — Казарцева потеряла к Рите интерес и уткнулась в свои цифры. Лерочка тихонько плакала в углу и смотрелась в круглое зеркальце, злополучные шпаргалки валялись у нее под каблуками. Рита обняла сумку и добралась-таки до стола. Отвернулась, вытащила несколько пачек сверху и сунула их сначала в рукав жакета, но место оказалось ненадежным, деньги вываливались оттуда при каждом движении. Зато сумка застегнулась, стала приятно-круглой на вид, Риту так и подмывало бежать из хранилища (да и из банка) без оглядки. Но вместо этого она заправила блузку в юбку, бросила «лишние» пачки в подобие мешка, сразу потолстев на пару-тройку кило, и принялась искать документы. Те и правда лежали сверху, так что оставалось лишь сделать сканы и переслать их на свою почту.

— Я все. — Казарцева лишь уткнула что-то в кулак, не отрываясь от монитора. Лерочка еще всхлипывала и передвигала по столу купюросчетную машинку. Сгребла наличку, сложила в аккуратную пачку, положила машинке в пасть, нажала кнопку. Раздался дивный шорох, Рита, чуть ли не бегом двинула прочь. И едва оказалась наверху, как посыпались эсэмэс и сообщения в мессенджер: Юлька прислала фото спящей Аньки — та откровенно дрыхла в рабочее время, положив голову на папки, а Галанова, кадровичка, просила срочно ей перезвонить. И две картинки красивой жизни от Ирки: лазурное море с мелкими белыми барашками на волнах и бокал белого вина по соседству с полным котелком мидий. Рита написала Юльке «я разберусь», Ирке ничего отвечать не стала, ибо нужды не было: та от распивавшего ее восторга рассылала фотки всем контактам. А вот Галановой перезвонила немедленно.

— Два кандидата есть, — сказала та, — уже ждут внизу. Иди быстрее, я без тебя не начну.

— Какие кандидаты?

Галанова вздохнула.

— Ты же сама меня в пятницу просила и заявку скинула на подбор. Рита, ты забыла, что ли?

«Блин, забыла, конечно!» Пачки денег под блузкой царапали живот, все время хотелось чесаться. И сумку тоже следовало как можно скорее опустошить, уж больно вызывающе она выглядела. Нет, безнал намного удобнее, но грех было упустить такой удобный случай. Улов намного больше суммы «склеек», по этому поводу наверняка будет внутреннее расследование, расслаживаться некогда. «Может, послать все?» — Рита слушала фон в телефоне — голоса, смех и негромкую музыку. Галанова что-то говорила, прикрыв микрофон, времени на раздумья не оставалось.

— Быстро как, — сказала она, — я не ожидала.

— Людям нужна работа, — наставительно сказала Галанова. — Я обзвонила десять человек, шестерым назначила собеседование, пришли двое, самые замотивированные, так что бегом сюда. Я запускаю первую, Латова Елена, отличное резюме и есть рекомендации.

Рита поправила пачки денег под блузкой, прижала локтем сумку к боку и пошла в переговорку на втором этаже. Галанова уже поджидала ее на пару с высокой полной темноволосой девушкой. Кадровичка перечитывала пространное резюме кандидатки, Рита поздоровалась и села напротив соискательницы. Та довольно приятно улыбалась заметно подкачанными губами, и пока Галанова задавала дежурные вопросы, Рита разглядывала девушку. В светлом простом платье и жакете чуть темнее, туфли в тон, неброский макияж и маникюр, блестящие идеально ровные волосы — ну бизнес-леди с картинки глянцевого журнала. Впрочем, картинкой дело не ограничилось, девушка не только отвечала и охотно говорила о себе, но и сама задавала вопросы: когда можно взять отпуск, есть ли дресс-код, сколько ждать первой премии и есть ли в их компании ДМС.

— Вы для комплаенс отчет делаете? — Она с легкой улыбкой смотрела на Риту. Та кивнула, помедлив. Латова подвинулась ближе к столу.

— Я тоже делала на предыдущем месте, — сказала она, — и никогда ко мне не было претензий. Я знаю, как заполнять эту форму. Если вы поручите мне эту работу, то проблем не будет.

Рита улыбнулась в ответ, но промолчала. Галанова что-то быстро писала в резюме, потом отложила ручку.

— Отлично, Елена, думаю, вы нам подходите. Предварительно, — она выделила это слово. — Надо будет согласовать вашу кандидатуру с безопасниками. Вы же согласны на обработку ваших персональных данных?

— Пожалуйста, — с достоинством сказала Латова, — проверяйте. Меня три банка проверяли, мне скрывать нечего.

— И что, у всех трех отозвали лицензию? — не удержалась Рита. Латова кивнула с улыбкой.

— Да, представляете. Такое чувство, что глава Центробанка имеет ко мне личные счета. Больше года нигде не работала, к сожалению.

— Вы прямо как черная вдова банковской системы, — улыбнулась Рита. — Елена, спасибо, что пришли, мы вам перезвоним в любом случае.

Латова удалилась, Галанова любовалась ее резюме, разглядывала явно прошедшую через фильтр фотографию.

— Все отлично, надо ее брать.

Рита еле заметно поморщилась и почесала кожу под ребрами. Пачки повисли тяжким грузом, блузка потихоньку вылезала из-за пояса и резко вста-

вать было опасно.

— Что не так? — накинулась на Риту Галанова. — У Латовой опыт, образование, безопасники ее одобряют — к гадалке не ходи. Возьмем пока по договору на три месяца, Анька твоя рожать свалит, а эту переведем на постоянку. Как раз испытательный срок у нее пройдет.

— Ты говорила, что их двое. Давай вторую посмотрим, — уклончиво сказала Рита. Латова была всем хороша, идеально подходила по всем параметрам, кроме одного — на нее не навесишь всю работу. И она задавала слишком много вопросов. Галанова покорно вздохнула и достала из папки второе резюме, покрутила его в руках.

— Ну я даже не знаю. Но раз она здесь, то посмотрим. Читай пока.

С фотографии смотрела прибитая жизнью тетка под полтинник, хотя, судя по дате, лет ей было на десяток меньше. Опыта не было от слова совсем, если не считать работу бухгалтером на оптовой продуктовой базе, а перерыв в трудовой деятельности продолжался более десяти лет. Реальность полностью совпала с описанием: в кабинет вошла сутулая особь женского пола с мятым землистого цвета лицом и длинными мелко вьющимися волосами, собранными в неаккуратный «хвост», больше всего они напоминали старую металлическую мочалку для мытья посуды. Очки в слишком толстой оправе точно впечатались в переносицу, одежда была чистой, но ее, похоже, первый раз за те самые десять лет достали из шкафа. Тетенька села напротив Риты, Галанова сухо представила их друг другу и, что называется, самоустранилась. Пришлось выкручиваться самой: Рита еще раз пробежала резюме. Женщину звали Наталья Руснакова, было ей сорок семь лет, опыт работы в банках отсутствовал. Первым порывом было спросить, на что она рассчитывала, придя на собеседование, но Рита сдержалась. И тут Руснакова выдала сама:

— Я в банковском деле ничего не понимаю, но мне очень нужна работа. Я живу недалеко, могу раньше приходить и оставаться сверхурочно, если надо. От меня ушел муж, у меня полно кредитов и мне очень нужны деньги. Я быстро научусь всему, что надо делать. Мне очень нужна работа.

И умолкла, смотрела в окно у Риты за плечом. Та разглядывала ее цветастую кофточку в залежалых складках, не очень чистые мелкие завитушки волос длиной ниже лопаток. Галанова толкнула Риту под столом, пачки денег тяжело колыхнулись, по спине обдало сквозняком — блузка-таки вывалилась из-за пояса. Рита выпрямилась, стараясь не двигаться, хоть больше всего на свете хотелось почесать исцарапанный банковской упаковкой живот. Руснакова точно заснула, правда, с открытыми глазами.

— А на компьютере работать вы умеете? — спросила ее Галанова. — У нас много программ, работа автоматизирована. И надо будет отправлять сообщения по электронной почте, вы знаете, как это делается?

— Да, — медленно кивнула Руснакова, — знаю. С почтой я работать умею, а программы быстро выучу. Могу прямо сегодня начать, хоть сейчас. Можете даже не платить за первый день. Мне очень нужна работа, я буду стараться.

Пискнул телефон, снова писала Юлька. «Эта курва выпалась и ушла жрать, ее нет больше часа. Мне тут умереть?» — «Потерпи, я бегу», — быстро ответила Рита. Руснакова с открытыми глазами спала напротив, Галанова рисовала в ее резюме красивые цветочки.

— Наталья, думаю, вы нам подходите.

Галанова сжала ручку так, что едва не сломала ее. Руснакова медленно кивнула и поднялась с места. Вместо сумки у нее был большой черный пластиковый пакет, Руснакова шуршала им, Галанова молчала из последних сил.

— Как только безопасники проверят вас, я с вами свяжусь, — улыбнулась Рита. — До скорой встречи.

Руснакова попрощалась и выплыла из переговоров. Рита успела выставить руки перед собой — Галанова кинулась на нее чуть ли не с кулаками.

— Ты спятила? — шипела она, потрясая изрисованным резюме. — На кой черт тебе эта кикимора? Да меня безопасники разорвут за такого кандидата, там куча проблем! Рита, скажи, что ты пошутила! Нет?

— Нет, — Рита качала головой, — я выбираю ее. Я объясню!

— Попробуй. — Галанова резко успокоилась и села на место. — Объясняй.

— Латова хороший специалист, но ей нужен рост и перспективы. У меня нет ни того, ни другого. Ты же не думаешь, что я отдам ей свое место?

Галанова переменялась в лице и уже серьезно смотрела на Риту. Та подняла вверх указательный палец.

— Если у нее нет перспектив в моем отделе, то она свалит в какой-то другой, где ей пообещают рост. А мне придется снова искать сотрудника и обучать его. А эта, — Рита забрала у Галановой богато иллюстрированное резюме второй кандидатки, — Руснакова которая. Она в гробу видела карьерный рост. У нее нет мужа и денег, зато полно долгов и жить не на что. Я ее быстро обучу, и она будет пахать за двоих, да еще и благодарить меня, что вошла в положение. И тебя тоже.

Галанова прошла по кабинету, приоткрыла дверь и выглянула в коридор, точно Руснакова могла их подслушивать. Но оттуда донесся лишь гул голосов: начался обед, сотрудники торопились в столовку. А тем временем злая и голодная Юлька второй час сидит в кабинете одна и уже успела порядком озвереть, ее срочно надо спасать. Заодно и ей работа найдется, будет обучать Руснакову работе, а Анька... Да фиг с ней, пусть тащит справку и катится в декрет, и обратно уже не вернется, как бы ни старалась. Надо просто пережить эти несколько месяцев, и дальше все будет, как задумано.

— Не убедила, — Галанова закрыла дверь, взяла со стола оба резюме, развернула их веером.

— Обо всех подумала, кроме меня. Во-первых, что скажет Шумилина — я должна согласовать с ней кандидата. И безопасники, им еще надо ее проверить. И что они все, и Шумилина, и Тарновский, подумают о моей профпригодности, как ты думаешь? Что скажут, когда я притащу им это? Что я с ума сошла — такое подбирать? Да этой Руснаковой место на рынке селедкой торговать...

— Шумилина одобрит того, кого выберу я, — перебила ее Рита, — с меня и спрос, если что-то пойдет не так. А безопасникам я сама ее документы передам. Скинь мне на почту все, что нужно, я разберусь.

— Ну ты даешь. — Галанова разорвала резюме Латовой и бросила клочки в мусорку. — Надеюсь, ты хорошо подумала. Обедать идешь?

— Потом.

Галанова ушла, Рита привстала и поймала на лету две пачки денег. Кое-как запихала блузку под пояс, сунула пачки обратно в «мешок» и пошла неспешно на рабочее место. Юлька, бледная и злая, тигрицей металась по кабинету и

кинулась к Рите, едва та вошла в предбанник.

— Иди, иди, — та не дала Юльке и слова сказать, — можешь задержаться. С Анькой я решу в ближайшее время.

— Заткни ее, или я сама, — со слезами в голосе выдохнула Юлька и умчалась на выстраданный обед. Рита закрылась в своем кабинете и вывалила улов на стол, пересчитала деньги. Их оказалось почти в два раза больше, чем сумма брошенных в хранилище «склеек». «Обнаглела ты». — Рита смотрела на приятные глазу стопки из перехваченных банковской лентой крупных купюр. Последствия она себе отлично представляла, внутреннее расследование начнется уже сегодня, может, Казарцева как раз в эту минуту докладывает Тарновскому о крупном расхождении в кэше и отчетах. Перед Новым годом безопасники удачно подумали на Вику и быстро избавились от нее, сегодня станет понятно, что Акела тогда промахнулся. Загудел мобильник на беззвучке, это оказалась Женя. «Нашли хороший вариант, — прилетело от нее сообщение, — клиенту понравится». И сумма, примерно четверть от той, что лежала сейчас на столе. Отбить ее не получится, клиент получит подарок и, если его все устроит, порекомендует их «кино» другим богатым извращенцам. Вот тогда и придет время считать прибыль, а пока это «длинные» деньги.

В почту пришло письмо от Галановой, Рита открыла несколько вложенных файлов с припиской: «Шумилина в ужасе и категорически против. Но если безопасники одобряют, то она подчинится». В приложении оказалось резюме Руснаковой, ее, Риты, заявка на подбор и данные кандидата. Это вводная, дальше безопасники сами размотают тетку по своим связям и возможностям: и на наличие судимостей, и банкротства, и долгов по коммуналке и кредитам (хотя в этом она сама призналась), заодно проверят, что она в соцсетях пишет. Рита распечатала документы, убрала деньги в стол и позвонила Тарновскому. Тот — редкий случай — оказался на месте, ответил сразу, выслушал и проговорил что-то невнятное, будто жевал и никак не мог проглотить пережеванное.

— Сергей Иванович, извините, — решила уточнить Рита. Главный безопасник терпеть не мог повторять одно и то же, но она реально ничего не поняла из сказанного.

— К Дмитрию, к Дмитрию обращайся, — очень медленно произнес Тарновский. Теперь казалось, что его разбудили вот только что, и он говорит спросонья. И добавил, чтобы полностью исключить недопонимание:

— Черникову звони, радость моя. Он все сделает.

Черников не ответил, Рита долго слушала короткие гудки, потом перезвонила со своего номера. И моментально услышала резкий знакомый голос.

— Маргарита! — не скрывая, обрадовался Черников. — Хоть один приятный момент за целый день! Чем могу служить?

— Надо кандидата проверить, — сказала Рита, а губы сами растягивались в улыбке. Странно, слышать Черникова ей было приятно, но она старалась говорить быстро и по-деловому. Черников примолк, потом сказал «ээээ», потом выдал:

— Это срочно?

— Очень, еще вчера надо было.

Руснакова нужна тут сейчас, сию секунду, время не терпит, а Черников мычит что-то невнятное, как и Тарновский. Вообще время обеденное, может, правда, ел прямо на рабочем месте, чтобы на хождение в столовку не отвле-

каться.

— Маргарита, мы же перешли на ты, верно?

Рите показалось, что Черников улыбается. Он как-то странно это делал: выражение лица почти не менялось, только губы чуть кривились, а вот взгляд становился другим, в нем мгновенно загоралась радость, но так же быстро пропадала.

— Да, Дмитрий. Было дело.

Еще зимой, когда обедали в ресторанчике через дорогу от банка. Мило провели время, надо сказать, Черников тогда и дал ей свой «секретный» номер, по которому она сейчас и звонила. И даже прислал на Восьмое марта какую-то ерунду в мессенджер, а потом еще и позвонил. На этом все и закончилось.

— Я на учебе сейчас, — сказал Черников, — вернусь в конце недели. Отправь мне на почту досье, я сам займусь.

— Надо срочно, — умоляюще повторила Рита, — у меня просто пожар, работать некому. Может, другой кто-нибудь из вашего департамента займется.

— Утверждать-то я буду и Тарновский, — напомнил ей регламент Черников, — до понедельника успеем, не волнуйся ты так. Все, мне бежать пора, у нас перерыв закончился. Я, кстати, корпоративную почту с телефона смотреть могу, так что жду письмо.

И тоже провалился, точно утонул в коротких гудках. Рита отправила ему документы Руснаковой и решила тоже пойти пообедать, благо время позволяло. Вышла в общий кабинет и наткнулась на Аньку, та выгружала из пакета коробочки и стаканчики, расставляла все на столе. От свертков тошно пахло хот-догами или подобной дрянью, Анька только что не облизывалась и терла ладони влажной салфеткой.

— Где ты была? — Рита встала между Анькой и накрытым столом. Та сунулась вправо-влево, Рита оттесняла ее от еды и почти прижала к шкафу у входа.

— Приезжал мой муж и привез мне ключи от квартиры! — задрав пегую башку, заявила Анька. — Он забрал моих детей и перевез их к себе, остались только некоторые вещи, я привезу их сама. А сегодня вечером мы всей семьей идем есть гамбургеры!

«Обалдеть какое развлечение». Рита отсекла сунувшуюся вперед Аньку от прохода, только что не впечатала в шкаф. Анька испуганно заморгала и на всякий случай прижала ладони к животу.

— Мне нельзя волноваться, это вредно для ребенка!

— Анята, я очень рада за тебя, — улыбнулась ей Рита, — и так же рада, что ты решила свой жилищный вопрос. Думаю, премия тебе теперь не нужна.

Анька вытаращила глаза, Рита освободила ей дорогу, но Анька не тронулась с места.

— Как... почему... — блеяла она и вдруг покраснела, покрылась багровыми пятнами. — Мне очень нужны деньги, у меня дети...

— У тебя муж хорошо зарабатывает, раз содержит тебя и двух, ой, уже трех твоих детей. А ты наслаждайся беременностью, готовься к материнству. Кстати, не забудь принести в кадры свидетельство о заключении брака.

Вошла Юлька с яблоком в руке, злобно зыркнула на Аньку и уселась на свое место, нацепила наушники. У Аньки дергалась челюсть, в глазах появились слезы.

— Хочешь премию — работай, мать твою. Еще один такой загул — и я пишу докладную, пусть Шумилина с тобой разбирается. Или Черников. Второй залет тебе не простят, дорогая.

Анька переминалась на месте и старалась на Риту не смотреть.

— Это ж надо, порнуху по всей адресной книге разослать, — не поворачиваясь, бросила Юлька. — Хорошо бы еще в опеку сообщить о твоём аморальном поведении.

Повернулась к Аньке, догрызла яблоко и швырнула огрызок в мусорку. Анька, пригнувшись, уползла за свой стол и принялась жрать остывшие сосиски в тесте.

— Хочешь? — Она показала Юльке нетронутую, та демонстративно отвернулась и принялась перебирать документы. В мессенджер посыпались фотки — Ирка прислала виды Марселя и странной церкви с морскими флажками под куполом и множеством лодок и корабликов на фоне барочных статуй. «Nòstra Dòna de la Gàrdia» — Ирка уже освоила окситанский, — «крутая базилика, отсюда вид просто огонь». И снова фотки моря, пляжей и взлохмаченных ветром платанов. «Мистраль дует второй день, — всплыло еще одно сообщение, — значит, завтра он не прекратится. Или один день, или три, или девять». Юлька смотрела те же фотки и вздыхала, Анька лопала вонючий фаст-фуд. Ирка, похоже, вышла из зоны покрытия бесплатного вайфая, и поток новостей иссяк.

— Везет людям.

Юлька согласно мотнула головой и включила музыку, да так, что слышно было сквозь наушники. Анька шуршала пакетами и бубнила в телефон. Рита только вышла в предбанник, как снова загудел мобильник, это оказалась Женя.

— Нашли двух похожих, — сообщила она, — девки красивые, но несговорчивые.

— Сколько? — Рита отошла под фикус. — Цена вопроса?

— Точно не говорят, — вздохнула Женя, — эту самую цену набивают. Намекают только, что за работу по сценарию дороже.

— По сценарию? — не поняла Рита.

— Ну да, ты же хочешь учесть все пожелания клиента: и костюм, и рожу квадратную, и глобус. Никакой импровизации.

«Глобус!» Рита совсем забыла о нем и поняла, что обед отменяется. Неподалеку есть книжный магазин, придется срочно бежать туда, вечером никак не получится.

— Шмотки подходящие есть?

— Ага, — успокоила ее Женя, — юбку с пиджаком похожим я сегодня в стоке купила, сойдет. Но с девками сама будешь разговаривать.

— Само собой. В полседьмого приду.

Рита кинула телефон в сумку и побежала в книжный, на ходу вспоминая, закрыла она свой кабинет на ключ или несколько сотен тысяч рублей лежат за открытой дверью. Ничего с ними ужасного не произошло, и вечером Рита впервые за последние полгода спокойно шла к дому, точно зная, что Черников с неба не свалится и из-под земли не выскочит, так как его учеба продлится до пятницы. И хорошо, что его не было поблизости, на нее смотрели так, точно она на поводке дракона вела или химера слетела с крыши и порхала следом —

глобус был в центре внимания. Так, с земным шаром в руке и полной сумкой денег, Рита благополучно добралась до дома и облегченно выдохнула, оказавшись в безопасности. Глеб немедленно схватил глобус и принялся изучать его со всем пылом пионера-шестиклассника. Женя включила ноутбук и повернула монитором к Рите.

— Вот эти. Как тебе?

На сайте с предложениями интима в избранном были две страницы. На первой Марианна (Рита едва сдержала улыбку) предлагала стандартный набор услуг, на второй шлюха по имени Олеся обещала «все и даже больше» солидным господам, подтвердившим свою платежеспособность. При этом в «резюме» Марианны не было ни единой ошибки, даже запятые на своих местах, а вот при виде Олесиной самопрезентации так и тянуло взять красный карандаш и привести русские слова в надлежащее состояние.

— Это в смысле предоплата или выписка со счета нужна? — Рита разглядывала девок. Обе, считай, под копирку сделаны: сероглазые блондинки, лица из тех, что называют жесткими, скулы торчат, точно подпертые изнутри кирпичами, глаза чуть прищурены, губы тонкие, без улыбки.

— Мегеры какие-то, — Глеб глянул в монитор и вернулся к изучению глобуса, игрался с ним так, точно видел впервые в жизни. Подробно изучил Северный полюс с Арктикой, сместился к центру Восточно-Европейской равнины и что-то высматривал там, ведя пальцем от Уральских гор в сторону Магадана.

— На любителя, — бросила Женя, скептически разглядывая профили профессионалок. Тела, кстати, у них тоже мало чем отличались: ни талии, ни бедер, а отлично прокачанные и подсушенные прямоугольники с силиконовыми сиськами. Глеб хмыкнул и переместился по глобусу вниз, в сторону пустыни Гоби. Рита изучила ценник каждой потенциальной училки, прикинула, что денег в сумке должно хватить. И еще мелькнула мысль, что Черников, скорее всего, закончит свою учебу раньше срока: придется расследовать сегодняшний инцидент, хотя Тарновский запросто справится и сам.

— Звонили им?

Женя помотала головой, Глеб так увлекся глобусом, что вряд ли расслышал вопрос. Рита со своего набрала номер Марианны, нарвалась на автоответчик, но говорить ничего не стала и сбросила вызов. Глянула на Глеба, что вовсю забавлялся с глобусом и уже перешел на «темную» сторону — изучал Бразилию в Аргентиной.

— Ты бы кого выбрал?

— Канкун, — Глеб прищурился и чуть ли не носом тыкался в мексиканское побережье. — Это там пляжи офигенные?

— Там, там, — зло бросила Женя, — оставь глобус в покое.

— Не могу, — Глеб обхватил земной шар обеими руками, — я в роль вхожу, в образ, так сказать. Чего? — Он уставился на Риту.

— Ты бы кого выбрал? — Она повернула к Глебу монитор.

— Да пофиг мне, они обе одинаковые. Сама решай.

Женя встала, пинком задвинула табуретку под стол и вышла из кухни. Глеб точно этого и не заметил, он поднял глобус над головой и присматривался к Антарктиде. Рита прислушалась, но из глубины квартиры подозрительных звуков не доносилось, там вообще было очень тихо. И набрала Олеся. Та ответила моментально, будто ждала звонка.

— Привет, — призывно раздалось из трубки, — чем займемся? Есть отличная идея на вечерок...

— Добрый вечер.

В трубке стало очень тихо, в точности, как в квартире. Рита уже решила, что связь оборвалась или Олеся, услышав женский голос, решила не тратить время.

— Лесби дороже, — уже деловито сказала шлюха, — и только на моей территории. Полторашка в час тебя устроит?

Глеб прижал глобус к животу, прислушался и скривился.

— Дорого, — пробормотал он еле слышно, — борзее девка. Сбивай цену.

— Есть вариант получше, — сказала Рита, — я хочу посмотреть, как тебя будут трахать. Но на моей территории. Две с половиной в час.

Олеся призадумалась, судя по короткому сухому щелчку, закурила, раздался томный вдох.

— Три, — выдала она ровно через минуту, точно по часам засекала, — и только у меня. Тут все нормально, тебе понравится.

— Три с половиной, но у меня. Такси за мой счет.

Глеб прижал указательный и средний палец к виску, точно хотел так застрелиться. По коридору из ванной в комнату прошла Женя, прошла с таким видом, будто плевать хотела на происходящее в кухне. Глеб проводил ее взглядом и принялся подкидывать глобус как мячик.

— Конечно, за твой, — хихикнула Олеся, — и давай не будем мелочиться. Раз тебе так приперло, то четыре за час и смотри, сколько влезет, только не снимать. Достанешь телефон, и я сразу ухожу. Аванс за первые полтора часа можешь на мой кошелек перевести, я сразу приеду.

Глеб с Ритой переглянулись, Олеся шумно курила, фоном слышалась музыка и звонок второго телефона.

— Облом, — прошептал Глеб. Вошла Женя, налила себе воды из чайника и гордо удалилась.

— А чего сниматься не хочешь? — спросила Рита. — Я для себя, на память. Четыре с половиной за десять минут съемки.

Обычно их видео длились дольше, но Рита боялась спугнуть шлюху, ведь время поджимало: Пофигист ждет еще сутки, и дальше они, все трое, могут остаться без работы и без денег, само собой.

— Не, мне проблемы не нужны, — затараторила Олеся, чувствуя в предложении подвох. — Выложишь потом в Сеть и каждая скотина будет (имитировать половой акт) на мое кино, причем бесплатно. И я не фотогеничная.

— То есть я плачу тебе, чтобы потом бесплатно слить видео в Сеть?

Олеся призадумалась, не в силах постичь такое логическое построение причинно-следственных связей. Рита не дала ей опомниться.

— Пять штук и десять минут видео. И я не буду смотреть. Раздвинешь ноги на камеру, делов-то.

Глеб поймал глобус и повторно «застрелился», поставил земной шар на холодильник. Олеся помалкивала, видно, искала подвох, но гонорар ей тоже очень нравился, иначе разговор давно бы оборвался.

— Шесть и снимай, — выдала она, — но меньше чем на три часа я не приеду.

— Думаю, пять или шесть, — прикинула Рита, — не меньше. Аванс могу

хоть сейчас закинуть. Договорились?

Женя призраком маячила в дверях, Глеб разглядывал фото Олеси так и этак, только что носом по монитору не водил. Рита прикинула, что на карте денег должно хватить, но это в последний раз. Платить лучше только наличкой, она не оставляет следов в процессинговых банковских системах, и вообще приятнее держать в руках толстенькую пачку купюр, чем считать цифры в смс-сообщении о пополнении счета.

— Лады, — откликнулась Олеся, — семь, и я выезжаю. И учти, если что — у меня есть друзья — спортсмены по армейской рукопашке.

«У меня тоже». — Рита вдруг вспомнила побитую новогоднюю физиономию Черникова и снова сдержала улыбку. Продиктовала Олесе адрес и отбилась. Номер кошелка имелся на сайте, Рита достала карточку. Глеб возвел глаза к потолку.

— Семь штук в час! Ритка, ты спятила, эта кошелка того не стоит. Любой из этих, — он ткнул пальцем в монитор, — трешка красная цена. Клиент же не заплатит, ты просто выкинешь бабки на ветер. Видеть это не хочу!

Он выскочил из кухни, Женя едва успела отойти в сторону. Рита зашла на сайт платежной системы и принялась вводить номер карточки. Хорошо, что она неименная и там осталось впритык, чтобы заплатить Олесе аванс.

— Это дорого, — сказала Женя, — она тебя развела. Еще минута, и вы бы до десятки доторговались.

— Другие варианты есть? — Осталось кликнуть на кнопку «оплатить», но Рита медлила. Посмотрела на Женю, та пожалала плечами. Для очистки совести Рита еще раз набрала Марианну, но та оказалась вне зоны доступа. Рита нажала «оплатить», и деньги улетели на Олесин счет. Та моментально перезвонила, уточнила адрес и сообщила, что выезжает.

— Она точно приедет, не обманет? — Риту ничего другое не волновало. Денег жалко, конечно, но гораздо хуже, если шлюха просто кинет их и сменит номер телефона.

— Там отзывы есть, на сайте. Если ты напишешь про кидалово, это увидят все ее клиенты, и Олесе придется идти работать по другому профилю. Она приедет как миленькая, но положительный отзыв тоже надо будет оставить. Если все понравится, конечно.

— Посмотрим, как отработает, — подал голос Глеб. — Отзыв, как и бабки, надо заслужить.

И закрылся в ванной.

— Шмотки покажи.

Женя принесла «учительский» костюм, дешевые тряпки в клеточку. Насчет размера можно было не волноваться, плоская Олеся в них запросто поместится, они и нужны-то ей первые пару минут. В комнате уже стояли декорации с прошлой, отвергнутой клиентом, съемки, все, кроме актрисы, было готово. Та ввалилась через полчаса, и первое, что пришло в голову Рите, было старое слово «мосол». Так называлась огромная кость, тяжелая и длинная, и вот из таких мослов целиком состояла Олеся. Будто лошадь в квартиру привели, высоченную, поджарую, с длинной размалеванной рожой. Шлюха и заняла собой половину коридора, да еще и жвачку жевала.

— Мне куда? — с порога осведомилась Олеся. — Время пошло, кстати.

Она демонстративно глянула на телефон и уставилась на Риту. Вышел Глеб

в джинсах и без футболки, оценивающе оглядел Олесю, та ухмыльнулась и скинула легкую куртку. Под ней оказалась майка на «спагетти» и кожаные короткие шорты. Глеб почесал подбородок, буркнул «пойдет» и включил свою фирменную улыбку. Рита встала между ними.

— Умыться и переодеться. Вот сюда.

Она показала Олесе на дверь ванной. Шлюха распахнула ее и первым делом наткнулась на костюм — тот висел на дверном крючке. Олеся вытянула шею и чуть ли не обнюхала вещи, повернулась с таким видом, точно крысу увидела или раздавленного таракана.

— Это? — Она показала на костюм. — Мне это надеть? Извращения дороже, десять штук в час, половину сейчас, наличными...

— Семь, — Рита отодвинула сунувшегося вперед Глеба, — как договорились. Тебе не пофиг, что надевать?

— Не пофиг, — заорала вдруг Олеся, — ты не предупредила насчет шмоток! Я ухожу!

И рыпнулась к двери. Рита подставила шлюхе подножку, и та едва удержалась на ногах.

— Аванс верни и проваливай.

Вот уж не ожидала, что один только вид обычного костюма способен вызвать столько эмоций. Олеся ткнулась лбом в дверь и едва удержалась на ногах.

— Еще чего, — вернув равновесие, завизжала она, — это неустойка, я могла это время отработать, я час потеряла!

— Закройся, — негромко сказал Глеб, — ты и этих денег не стоишь. Клиент хочет костюм — наденешь костюм. Скажет ласты — будешь в ластах. Или на лыжах. Шмотки на ценник не влияют.

Олеся шумно топала копытами и ковырялась с замком. Рита дернула задвижку и распахнула дверь.

— Газуй, дешевка. А я пока оставлю на твоей странице такой отзыв, что в вокзальном туалете клиентов обслуживать будешь. Вали на хер.

На площадке мелькнула тень, и напротив их двери остановилась высокая тощая блондинка-соседка. Она на ходу копалась в большом кожаном рюкзаке, но сбилась с шага, остановилась и смотрела то на Риту, на Олесины кости, то на Глеба с голым торсом, что держал проститутку за локти: то ли выкинуть вон ее хотел, то ли, наоборот, втащить в квартиру.

— Добрый вечер. — Рита захлопнула дверь перед соседкой, Олеся попятилась, топя копытами, Глеб отпустил ее.

— Если мне понравится, накину тебе премию и оставлю хороший отзыв. Давай, переодевайся и морду умой, макияж не нужен. Пошла, пошла.

Рита хлопнула Олесю по заднице, шлюха скрылась в ванной и зачем-то закрылась там на задвижку, послышался шум воды. Глеб удалился в комнату, Женя выбралась из кухни. Рита взяла сумку и принялась отсчитывать наличные.

— Вот, отдашь ей, — она протянула деньги Жене, — сделайте два-три дубля, я выберу, какой клиенту отправить.

Женя взяла деньги, зажала их в кулак.

— А мне что делать? — В ее голосе явно звучали слезы, Рита даже растерялась немного.

— В смысле — что? Руководить, само собой. Гонорар ты свой получишь, как обычно. Кстати, проследи, чтобы она волосы убрала вот так, — Рита пригладила Женькины рыжие вихры, — чтоб образ соответствующий был. Ну, ты меня поняла. Туфли пусть оставит, они пойдут. И глобус не забудьте.

— Ага, — Женя кивнула и пошла следом за Ритой в коридор, — ты что, уходишь?

— Разумеется, ухожу. — Рита взялась за дверную ручку и прислушалась. Шум воды стих, из ванной слышалось сопение и приглушенные матюки — Олеся входила в образ.

— Работайте, работайте, — Рита встряхнула поникшую Женю за плечи, — надо угодить клиенту. Старайся.

Она вышла на площадку, Женя захлопнула дверь и зачем-то закрылась изнутри на все замки. Моментально открылась соседская, блондинка стояла на пороге и злобно пялилась на Риту.

— Это что такое, что за бордель? — бешено прошипела она. — Вы что тут устроили? Здесь люди живут, между прочим, и я не позволю...

— Моя квартира, что хочу, то и делаю, в рамках закона, само собой.

Ругаться не хотелось, да и сил не было, соседка это словно почуяла и окрысилась еще больше:

— То музыка целыми днями орет, то проститутки ходят! Я в полицию обращусь!

— Проститутки — это соседи в смысле? Вы тоже оказываете интимные услуги населению? И что, на престарелых спрос есть? Почему за час берете, если не секрет? Извращения, половые девиации, секс с животными рассматриваете?

Соседка плюнула в Риту и захлопнула дверь.

Файлы пришли в одиннадцатом часу вечера, Рита уже засыпала, решив, что сегодня ничего не дождется. Но пришлось просыпаться и смотреть кино, три видео по десять минут. И каждое можно было с чистой совестью отправлять клиенту: Глеб и Олеся отработали с полной самоотдачей. Не «Оскар», конечно, хотя и для подобных фильмов тоже составляются рейтинги и даже выбираются лучшие образцы в своем жанре, но получилось действительно здорово. Выбор пал на третий ролик, где глобус улетает со стола куда-то к чертовой матери как раз перед тем, как собственно на столе начинается самое интересное. Она скинула видео Пофигисту и позвонила Жене.

— Все нормально, — та заметно повеселела, — телку сплавили, Глеб дрыхнет. Как тебе?

— Отлично, — Рита не стала скрывать эмоций, — просто супер. Надеюсь, нам это зачтется.

— Хорошо бы.

На том и распрощались. Рита немного полежала в темноте и заснула незаметно для себя, и едва не подскочила от длинной прерывистой трели. Мобильник странно пиликал и дрожал, Рита прихлопнула его ладонью, тот еще немного потрясся на тумбочке и успокоился. На экране светилось уведомление: в мессенджер пришли двадцать шесть сообщений, и все от Ирки. Просто прорва фотографий в лазурном, бирюзовом и фиолетовом цветах: море, море, камни, море, камни и водоросли, море, бутылка белого вина, розового, снова море, еще немного камней, мидии, снова вино и какие-то приятного цвета

бруски, обломки вроде шоколада. «Прованское мыло, — обнаружилась подпись под одной из фоток, — лучшее в мире. Его даже в Голливуд заказывают. Тебе купить?» Была половина третьего ночи. Ирка где-то нашла WiFi и щедро делилась своей радостью первооткрывателя. «Купить», — ответила Рита и постаралась снова заснуть. И получилось, надо сказать, как раз за полчаса до звонка будильника.

Вечером на карту пришли деньги, довольно приятная сумма и совершенно непонятого происхождения. Все терялись в догадках, Рита уже предположила ошибочную транзакцию и решила, что банк скоро отзовет эти деньги, когда вопрос решился сам собой. Вернее, его решил благодарный и довольный Пофигист, он разродился аж двумя сообщениями. В первом горячо благодарил за полученное при просмотре «кино» удовольствие и обещал со своей стороны «подогнать еще клиентов», как сам выразился. А во втором кратенько сообщал, что каждый труд должен быть оплачен, а уж работа, сделанная от души и с огоньком, достойна и небольшой премии. Примерно в половину стоимости услуги, как выходило по прикидкам. Рита уже мысленно разделила сумму на троих и только собралась предупредить Женю с Глебом, что придет вечером, как позвонил Черников.

— Проверил я эту твою... тетю.

Уже по голосу было понятно, что хорошего ждать не приходится. Рита сделала вид, что ничего не заметила и только собралась задать встречный вопрос, как Черников предложил:

— Пошли обедать, заодно и поговорим. Жду внизу.

«Можно и пообедать». — Рита пару минут рассматривала себя в зеркале, накрасила губы и выглянула в общий кабинет. Юлька громко болтала по телефону, Анька развалилась за монитором и лопала батончики. На столе валялась куча красно-золотых фантиков, Анька с мерзким шуршанием разворачивала очередную конфету. «Надеюсь, они без меня не подерутся». — Рита подмигнула всполошившейся Юльке и вышла в коридор. И первым делом заметила Черникова, тот стоял у фикуса и махал Рите, звал к себе.

— Что такое? — подошла она. Черников бесцеремонно взял ее под руку и повел к другой лестнице, что вела во двор.

— Столовка закрыта, у них проверка какая-то, — Черников крепко держал Риту за локоть, — а я зверски есть хочу. Тут рядом есть одно место, поехали.

На ходу вытащил брелок сигнализации и нажал кнопку. Черный «ровер» слева от входа заморгал фарами, Черников открыл Рите заднюю дверцу, сам моментально оказался за рулем. Машина рывком дернула с места, Рита схватилась за скобу над окном.

— Извини, — Черников выруливал с банковской парковки, — я всегда так, привычка.

— Спортивный стиль вождения, — Рита на всякий случай ухватилась за ручку двери. «Ровер» тяжело выехал на дорогу и оказался в левом ряду. Было действительно недалеко, могли бы и пешком дойти: пока искали место, пока парковались, прошло минут пятнадцать. Зато в «хорошем месте» оказалось полно свободных столиков, как внизу, так и на втором этаже.

— «Контрразведка». — Рита остановилась в дверях. — Нормально ты обедаешь.

— Тут бизнес-ланчи неплохие и недорого. — Черников взялся за дверную

ручку в виде позолоченного «калаша» и галантно пропустил Риту в приятно пахнущий полумрак. Глаза быстро привыкли к светотени, зал был довольно большой с очень простой обстановкой: полированные «советские» столики в несколько рядов, красные стулья, длинные лампы через весь зал светят приглушенным золотым светом, от стены до стены разлеглась широкая ковровая дорожка, тоже красная с зелеными боковинками. Черников на ходу кивал официантам, те сдержанно улыбались в ответ, молодой бородатый парень что-то бросил неразборчиво, как пароль, и Черников придержал Риту за руку.

— Пошли наверх, там вид хороший. Захватим место, пока народу мало.

— Да откуда тут народ? — Рита разглядывала то картины и постеры с батальными сценами, то монитор, где в черно-белом кино брутальные мужики палили в невидимых зрителю врагов.

— Сейчас набегут, — пообещал Черников и пошел по проходу к торцевой стене и огромному окну с широким подоконником. На нем отлично уместилась сумка, Рита села напротив и стала смотреть вниз. Вид и правда был шикарный: на огромную площадь, откуда с узких улиц стекались потоки машин и людей, на огни светофоров и крыши старого города, высившиеся за ними в белесой дымке многоэтажки окраин. Бородатый юноша принес меню и бокал красного вина, поставил его перед Ритой и отошел в сторонку.

— А как же бизнес-ланч? — Она положила руки на колени. — И это тоже входит?

— Входит, входит, — Черников изучал перечень блюд, — это комплимент от заведения. Хорошее, кстати, рекомендую.

— Ну ты тут постоянный клиент, я тебе верю.

Вино оказалось очень даже ничего себе, ароматы, дорожки — все на своих местах, от первого же глотка закружилась голова. Вспомнилась Ирка — где-то она сейчас отрывается по полной? Тоже, наверное, вино пьет, только шабли или совиньон, ну или бордоское красное. Хотя под мидии лучше белое, от мидий Ирку за уши не оттащишь.

— Хорошее вино, — Рита поставила бокал на стол.

— А то, — ухмыльнулся Черников с таким видом, точно он лично отвечал за винный бар заведения, — фигни не держим. Слушай, я сам заказал, я их кухню знаю. Все нормально будет. И давай сначала поедим, я когда голодный, то малость в неадекватности.

Кухня не подкачала: мясо понравилось, салат из свежих овощей тоже оставил приятное впечатление, ну и вино делало свое дело. Настроение не могла испортить даже туча, выползавшая из-за старых крыш на безупречно-синее июльское небо. Впрочем, сил у тучи хватило ровно наполовину, и она точно зацепилась за трубы и антенны, колыхалась над ними, но и только.

— Короче, — Черников отодвинул тарелку, — я так и не понял, что это было. Ты поиздеваться надо мной решила? Я тебя чем-то обидел?

Рита отвлеклась от тучи и посмотрела на Черникова. Тот сцепил пальцы и смотрел Рите в глаза.

— Русакова эта...

— Русакова, — поправила его Рита. — С ней что-то не так?

— Проще сказать, что там так, — Черников отвернулся к окну, — фамилия, имя и отчество только. В остальном ад. И отказ, само собой.

— Почему?

Подошел официант и принялся собирать посуду. Черников быстро сунул ему в нагрудный карман какой-то листок, парень кивнул еле заметно и отошел. Рита ничего не поняла, а Черников сделал скорбное лицо.

— Стоп-лист, черный список — как тебе больше нравится...

— Почему? — перебила его Рита. Черников посерьезнел.

— Ты же знаешь, что служба безопасности может не сообщать причину отказа. Мы выражаем свое мнение, и, по нашему мнению, Руснакова для этой работы не подходит.

Рита подперла кулаком подбородок и смотрела Черникову в глаза. Тот не сдавался минуту или две, потом выдохнул, отвернулся и зажмурился, точно ему солнышко глаза слепило.

— Зачем тебе? Меньше знаешь — крепче спишь. Найди себе кого-нибудь другого, попримечнее. Я слышал, что еще кандидатура есть, более подходящая.

— Что не так с Руснаковой? — спросила Рита и никак не могла поймать взгляд Черникова. Тот постоянно отворачивался или смотрел куда угодно, только не на нее.

— Что не так? Я никому не собираюсь говорить об этом. Ее видели только я и Галанова. Мне срочно нужен человек, а ты заваливаешь мне работу отдела.

— Отлично, я виноват, — Черников возвел глаза к потолку, скривился и потянул узел галстука, но тот не поддавался.

— Зараза... Ладно, нарушу инструкцию. — Черников перестал терзать галстук и исподлобья посмотрел на Риту. — У твоей прекрасной Руснаковой муж сидит за мошенничество в особо крупном, а сын наркоман. Она пыталась лечить его, но неудачно, он сбежал из клиники, теперь выносит все из дома, пару раз его ловили на мелких кражах. У нее долг по коммуналке почти три сотни и два кредита с просрочками больше, чем полгода. Рита, о чем тут говорить, ты требования к кандидатам читала? Нет? А должна была, ты же руководитель.

Теперь бледный и помятый вид Руснаковой получил свое объяснение, но легче от этого не стало. Пусть сама тетка не при делах, но по правилам безопасности проверяют не только кандидата, но и его ближайших родственников. Кто ж знал, что тут все настолько плохо.

— Ты ее видел?

— Нет, — удивился Черников, — в смысле, только на фото. На кой черт мне на нее смотреть? Кстати, в соцсетях ее нет, это тоже подозрительно.

Вернулся официант, положил перед Черниковым тот самый листок и снова молча отвалил в сторонку. Черников не глядя сцапал листок и сунул уже себе в карман и поморщился: зазвонил мобильник. Черников глянул на экран и зачем-то принялся трясти телефоном, точно таким образом сбрасывал звонок.

— Она почти десять лет сидела дома, муж обеспечивал ее и сына. Потом все изменилось, у нее нет ни копейки. Руснаковой срочно нужна работа, ей скоро есть нечего будет, и жить негде, если банки откроют против нее судебное производство о взыскании долга. У нее одежда десятилетней давности. А если еще и сын выносит все из дома, то скоро и квартиры не останется — он просто продаст свою долю мошенникам.

— Рита, к чему все это? — Черников устало смотрел на нее. — Пусть идет в супермаркет кассиром, если все так плохо. У нас с ней вопрос решен. Я еще по-

ка в своем уме, чтобы одобрять таких кандидатов. Мне Тарновский голову оторвет.

— Под мою ответственность, — попросила Рита. — Если что, пусть лучше мне отрывает. Скажи, что я тебя шантажировала.

— Чем, — оживился Черников, — чем ты можешь меня шантажировать? Например?

В бокале оставалось еще вино, на один хороший глоток. Рита покрутила бокал в руках, втянула в себя терпкий запах, и тут до жути захотела все бросить и оказаться рядом с Ирккой в Провансе, среди таких же безумных туристов, что полгода экономят, отказывают себе во многом ради возможности две недели колесить по Лазурному побережью, попивая розé (или что там оказалось в придорожном супермаркете). Сыр точно был, да такой, что можно голову потерять, да и не жалко, честно говоря.

— Пожалуйста, — попросила Рита, — мне ее жалко, честное слово. А ты получишь плюстик в карму. Это очень важно — чистить карму.

— У меня с этим и так полный порядок, — Черников вдруг помрачнел и снова вцепился в свой галстук. Туча выползла-таки из-за крыши и накрыла площадь, асфальт покрылся мелкими темными крапинками, появились первые раскрытые зонтики. Черников, сам мрачнее тучи, смотрел в окно и точно забыл про Риту. Народу в ресторане прибавилось, как он и предсказывал, свободных столиков почти не осталось.

— Ладно, — Черников тяжело повернулся к ней, — уговорила. Понятия не имею, на кой черт она тебе нужна, но бери, пользуйся. До первого ее косяка, даже если опоздает на минуту, Шумилина спросит с нее по полной. После обеда отправлю резолюцию в кадры.

Рита с двух рук послала Черникову воздушный поцелуй и одним глотком допила вино.

— И ты будешь мне должна, — врасстяжечку проговорил Черников, без улыбки глядя Рите в глаза. — Я приду получить с тебя должок.

— Хорошо, — Рита закрутила головой, высматривая официанта, — давай заплатим и пойдем работать. Сколько с меня?

— Подарок от заведения, — Черников выбрался из-за стола и взял Риту под руку. — Пошли, пошли, обед скоро закончится, а на дороге пробка, застрянем.

— А заплатить...

— Да успокойся уже, давно уже заплачено.

Только сейчас она сообразила, что таинственные передачи листочка и были оплатой: Черников в него то ли карту спрятал, то ли написал номер и прочее, необходимое для транзакции.

— Твоя карта скомпрометирована, ты в курсе?

Они спустились на ковровую дорожку и шли к выходу. На мониторе мужики били друг другу морды, и до того красиво, ну прямо глаз было не оторвать от этого мордобоя.

— Давно уже, — сказал Черников, — они меня тут хорошо знают, и я их тоже. Побежали!

Дождик вдруг усилился, быстро набирались лужи. До «ровера» добежали почти без потерь и застряли по дороге в предсказанной Черниковым пробке. Ненадолго, но все же опоздали, вбежали в фойе банка, и первым делом Рита наткнулась на сытую Юльку. Та выходила из столовой с вполне себе умиро-

творенным видом и на ходу доедала пирожок. Сделала вид, что не заметила Риту с Черниковым, отошла за колонну и — к гадалке не ходи! — рассматривала их из укрытия.

— Столовую закрыли, значит? — Рита загородила Черникову дорогу, а тот улыбался с довольным видом.

— Но «Контрразведка» же гораздо лучше этой забегаловки, не так ли? Аргументируй, где я не прав?

Прав, конечно. Рита тоже не смогла сдержать улыбки, и тут заметила, что за ними наблюдает не только Юлька. Та хоть маскировалась, и довольно удачно, а другие сотрудники в открытую пялились на них, некоторые даже оборачивались на ходу. Черников поцеловал Рите руку и двинул вверх по лестнице в свой кабинет под крышей. Рита отошла в сторонку и позвонила Руснаковой. Та ответила моментально, будто сидела и смотрела на телефон.

— Наталья, все в порядке, — Рита вдруг поймала себя на том, что улыбается. — Вы прошли проверку, жду вас в понедельник.

— Спасибо, — лепетала Руснакова чуть не плача. — Спасибо, вы меня просто спасли. Вы не пожалеете.

«Надеюсь». — Рита пошла к себе в ожидании бури, что непременно устроит Шумилина. Это будет похлеще мистраля, что и крыши, говорят, срывает, и деревья с корнем выворачивает, но Ирке, как и остальным русским туристам, никакая стихия отпуск испортить не посмеет.

Странно, но то ли буря пронеслась стороной, то ли так и не вышла за пределы кабинета директора департамента по персоналу. Рита получила в почту лишь набор стандартных документов, и только принялась читать их, как позвонила Женя. Причем снова в «запретное» время, так что пришлось ответить.

— Он просит ее телефон, — выдала она на одном дыхании. — Что делать?

— В смысле? — Рита поплотнее закрыла дверь и подошла к окну. Мокрая химера недовольно топорщила гребень на спине и кривила облитую дождем морду. Тот уже почти закончился, над крышами в тучах появились ярко-синие прорехи, и они стремительно росли.

— Пофигист хочет лично пообщаться с этой коровой, — пояснила Женя, — готов еще заплатить за информацию. Что делать?

— Так, погоди. — Рита быстро собралась с мыслями. Зазвонил рабочий телефон, это был Милютин, Рита чертыхнулась и не ответила. Тот с упорством дятла набрал еще раз, потом еще, потом успокоился. Женя ждала, Рита в темпе соображала. Телефон давать нельзя, но и Пофигист им тоже дорог, как и его похотливые приятели. Он просит телефон шлюхи, хочет встретиться с ней в приватной обстановке...

— Предложи ему главную роль.

— Чего? — оторопела Женя. — Какую роль?

— Ну, в кино, в нашем кино. Предложи ему сняться самому.

Женя молчала, переваривая услышанное, слышался голос Глеба, но слова звучали неразборчиво. Снова позвонил Милютин, Рита еле сдержалась, чтобы не схватить трубку и не грохнуть ею со всей дури об аппарат.

— Ладно, — неуверенно выдала Женя, — я скажу. Но зачем, как...

— Вечером поговорим, — оборвала ее Рита, — я приду к семи. Телефон училки Пофигисту не давать, только озвучить мое предложение. Все, мне сей-

час некогда.

Отбилась, подумала, что сегодня же вытрясет из Глеба контакты всех заказчиков. Возможно, придется снизить свой процент, но дело того стоит — они едва не потеряли одного клиента, довольно жирного, заметим. И вообще, им пора разделить зоны ответственности, но это позже. Рита открыла окно, вдохнула сырой теплый воздух и принялась звонить ненавистному Милютину. Тот, к счастью, не ответил, зато пришло письмо от Шумиловой: «Рита, вы с ума сошли. Я подчиняюсь, но это безумие. Жду вашу «избранницу» в понедельник к девяти на оформление».

— И придет, — сказала Рита в монитор, — и вы поймете, что я была права. Надо давать человеку шанс.

К семи, как обещала, не получилось, опоздала почти на час. Прибежала, не забывая оглядываться и проверяться, до квартиры добралась благополучно. И уже на пороге на нее накинулась Женя:

— Я ничего не поняла, передала ему, как ты сказала, клиент обещал подумать. Спросил только про цену, и все. Ты как себе это представляешь?

— Да, как? — Глеб сидел за кухонным столом и крутил в пальцах глобус. Подставка куда-то исчезла, и сам земной шар был малость помятым, со стороны Мадагаскара и Филиппинских островов виднелись две большие вмятины. Рита поплотнее прикрыла дверь в кухню, словно их могли услышать.

— Делаем новую услугу: клиент реализует свои фантазии на камеру, играет главную роль с профессиональной актрисой. Или с актером.

Глеб приподнял брови и хлопнул земной шар по Северному полюсу.

— Это что, я со всякими старыми козлами буду? — протянула Женя с недовольным видом.

— Ага. И с козлами, и с козлихами тоже. Кто закажет, с тем и будешь.

Женя сделала вид, что не слышит, и уставилась в окно. Глеб скептически фыркнул.

— Ну я даже не знаю...

— Я знаю, — перебила его Рита. — Мне нужны контакты заказчиков. С этого дня каждый делает свою работу. Вы занимаетесь тем, что у вас хорошо получается, а я беру на себя организацию и общение с клиентами.

Глеб поставил глобус в вазочку прямо поверх яблок, привалился к стенке.

— Это мои клиенты, — сказал он, — они ко мне привыкли и доверяют только мне.

— Я смогу договориться с ними.

Глеб засмеялся и погрозил Рите пальцем.

— Ну это вряд ли. Любители клубнички — народ пугливый, осторожный. Это очень деликатный бизнес, как ты смогла заметить.

— Я заметила, — Рита села напротив Глеба. Женя оказалась посередине и крутила головой по сторонам.

— Они кормят меня уже несколько лет...

— И поэтому ты недавно чуть не послал на три буквы одного из своих кормильцев?

— Кого я послал? — искренне удивился Глеб. — Ты о чем вообще?

Он реально не понимал, о чем идет речь, и таращился на Риту. Пришла ее очередь удивляться.

— А Пофигист, — улыбнулась она, — забыл? Что ты сделал, когда ему не по-

нравились твои художества?

— А, это, — Глеб махнул рукой, — ерунда. Сняли бы для кого-нибудь другого.

— Ну да, — встряла Женя. — Чего такого-то? Сто раз им не нравилось, это ты кипишь подняла.

— Ты зачем этим занимаешься? — Рита повернулась к ней. — Из любви к искусству?

Глеб заржал и снова схватил глобус, принялся играть им, как кот с большой игрушкой.

— Из-за денег, конечно, — Женя снисходительно смотрела на Риту, — платят хорошо, как ты успела заметить.

— Бухгалтерам тоже хорошо платят.

— Вот еще, — Женя дернула плечом, — горбатиться в офисе с девяти до шести, общаться со всякими дураками. А тут приятное с полезным, и всегда при деньгах.

— То есть ты отказал Пофигисту, чтобы заработать, так что ли?

Глеб в очередной раз подкинул глобус, Рита вскочила и отбила его, как волейбольный мяч, глобус улетел в коридор и загремел где-то в районе гардеробной. Глеб разозлился.

— Ритка, хватит мне мозг клевать. Не Пофигист — так кто-то другой. Контакты я тебе не дам. Придумывай, ищи девок, считай бабки — это у тебя хорошо получается. Но клиенты привыкли работать только со мной, с тобой на контакт они не пойдут. Ты вообще в курсе, что за порнуху в Уголовном кодексе статья есть?

В курсе, само собой, изучила уже давно. Статья двести сорок два, до шести лет можно схлопотать.

— Рекомендуй меня им, — сказала Рита. — Так для всех будет лучше. С вашим подходом вы скоро останетесь без заказов, и без денег соответственно. У вас тоже есть конкуренты, не забывают.

— Отвали, — поморщился Глеб, — я все сказал. Получаешь свой процент и радуйся.

Женя выпятила губки и похлопала ресницами. Рита перегнулась к Глебу через стол.

— А что ты будешь делать, если заказов не будет? Из каких денег будешь платить мне, чтобы я не сдала тебя полиции? Вчера тебе плевать на одного клиента, завтра на другого, а через месяц от твоей базы не останется ничего! Как планируешь рассчитывать со мной? И заметь, тех денег, что мы получили вчера, могло и не быть. Это я их заработала, а не ты. И не ты. — Рита глянула на Женю и поднялась с места. Глеб смотрел в стенку и постукивал пальцами по столу.

— Ну, допустим, слил я тебе базу. Дальше что?

Он поглядывал в темноту, куда укатился глобус, будто все остальное его вообще не интересовало.

— Еще раз, — сказала Рита. — С этого дня каждый занимается своим делом. Вы, как и раньше, снимаете видео, я занимаюсь организацией. В том числе и переговорами с клиентами. Условия для нас всех прежние, никто ничего не потеряет. Вот и все.

Глеб не выдержал, вышел-таки в коридор и принялся рыскать там, загре-

мел чем-то в полумраке, чертыхнулся. Женя села верхом на стул и раздвинула свои невероятные ноги.

— Ритка, это ерунда какая-то. В нашем бизнесе главное — красивая картинка, чтобы у клиента на нее стояло. Ну вот зачем ты все усложняешь?

Рита потрогала холодный бок чайника, включила газ, нашла чистую чашку с блюдцем. Подумала, что хорошо бы еще и лимон, но в хозяйстве были только яблоки. Женя так и сверлила ее взглядом, Рита села на место Глеба и тоже прислонилась к стенке.

— Сейчас домашнее видео снимают все кому не лень, у нас полно конкурентов. Это такой же бизнес, как и любой другой, и важно, чтобы клиент шел именно к нам и нес нам свои деньги. А для этого клиента надо любить, угадывать его желания и предлагать что-то новое, а не плевать на него и не подсовывать лажу вместо качественного товара. Я хочу, чтобы заказчики обращались к нам снова и снова, чтобы приводили новых, и чтобы они все тащили нам свои бабки. Знаешь, как в Праге, каждый год проводят конкурс среди пивнушек по розливу и качеству продаваемого там пива. Так вот, борьба всегда идет за второе и третье место, потому что первое всегда берет только одна пивная, и никто не может с ней равняться. Вот и я хочу, чтобы в этом бизнесе были мы и все остальные, чтобы у клиентов и мысли не было отнести свои деньги кому-то другому...

— А ты сможешь? — Глеб нарисовался на пороге, он бережно держал в руках глобус и сдувал с него пылинки. Женя аж подпрыгнула от неожиданности и резко повернулась.

— Хуже точно не будет.

Чайник закипел, Рита выключила газ и налила себе чай.

Через два часа у нее в почте была вся база Глеба, еще через час она заставила его обзвонить всех клиентов и сообщить, что отныне по поводу заказов обращаться надо по другому телефону. В субботу Рите написали трое и еще один позвонил. Долго мямлил нечто несуразное, потом, стесняясь, заказал «блондинку из кино с драконами, но это еще до драконов, сразу после ее свадьбы, где она на фоне заката в степи с мужем». Рита ничего не поняла, но все записала, решив проконсультироваться с Женей. «Нужен парик», — отметила сразу и пообещала клиенту все исполнить в лучшем виде. И попросила аванс.

— Раньше не было, — уже другим голосом выдал тот.

— Все меняется, — улыбнулась Рита, — но вы же понимаете, что в наших интересах выполнить ваш заказ как можно скорее. Не сомневайтесь, вам понравится.

Клиент буркнул что-то недовольно, попрощался и вдруг спохватился:

— Там еще лошади были, белая и черная. Нет-нет, они просто рядом стояли, было очень красиво.

«Лошади», — добавила к парик Рита и продиктовала номер своей карты, что использовала для обналички. Деньги пришли через сорок минут, Женя тяжело вздохнула при словах «блондинка с драконами».

— Я так и знала, что пора платиновый парик покупать, — нервно выдала она, — теперь пойдет, только держись.

В воскресенье долго совещались насчет лошадей, причем Глеб на полном серьезе предлагал арендовать пони. Рита эту идею отвергла как заведомо халтурную, взяла паузу подумать. А в понедельник думать стало некогда, потому

что в одиннадцать из кадров пришла Руснакова в белой мятой блузке с бантом и черных, слишком коротких и тесных для нее брюках. Она поставила на Юлькин стол торт в картонной коробочке и чуть ли не поклонилась коллективу.

— Это наш новый сотрудник, Наталья. А это Юлия, это Анна. Еще у нас есть Ира, но она сейчас в отпуске.

Руснакова радостно сверкала очками.

— Я очень рада. Куда мне сесть?

Юлька выпрямилась, развернулась на стуле и в таком виде окаменела. Рита показала Руснаковой на Иркин стол, стерильно чистый, без единой бумажки или пылинки. Помогла включить компьютер и отправила письмо айтишникам, чтобы те быстро создали новую учетку. Анька тем временем разорвала упаковку тортика, отрезала себе чуть ли не половину и уволокла его за монитор, принялась лопать там, забыв про чай. Юлька пришла в себя, метнула коробку с остатками торта на Анькин стол и за спиной Руснаковой скорчила растерянно-испуганную физиономию. Рита старательно этого не замечала, она показывала новому сотруднику, в какой папке что лежит и где что искать. Руснакова первым делом заблокировала учетку: три раза ввела пароль, не переключив раскладку клавиатуры. Рите пришлось звонить и упрашивать айтишников, чтобы те по-быстрому, без заявки дали другой пароль на вход. С пятого раза Руснакова зашла-таки в программу и замерла, глядя в таблицы и мелкие цифры в каждой графе. Анька сожрала торт и посматривала на остатки в коробке. Рите показалось, что еще немного, и Анька начнет грызть прямо от куска, не утруждая себя нарезкой. Юлька стояла около шкафа и делала страшные глаза, показывая в сторону двери. Рита отмахнулась и чуть ли не до обеда сидела рядом с обалдевшей от потока информации Руснаковой — очень хотелось побыстрее вбить ей в голову все, что знала сама, и заняться своими делами.

— Мы делаем отчеты для службы безопасности, для комплаенс, на основе наших данных главный бухгалтер передает сведения в Центральный банк. Также на нас внутренняя статистика для руководства и прочие отчеты по запросам вышестоящих департаментов. Понимаете меня?

— Да. — Руснакова смотрела в монитор и водила мышкой по таблице. Пискнул мессенджер, Рита отвлеклась. «Это что за на фиг?» — прилетело от Юльки. Сама она так и стояла у шкафа со страшными глазами, Анька спешно дожирала торт, буквально давилась, но лопала облитые шоколадом вафли. «Это наш новый сотрудник. Ей надо помочь, если она не справится на первых порах», — Юлька прочитала ответ и покрутила пальцем у виска. Руснакова вздрогнула всем телом.

— Тут у нас сканы отчетов кассиров, — Рита открыла первую папку, — они сдаются ежедневно, мы получаем их на следующий день. Статистика делается на основе отчетов, но иногда бывают нестыковки и приходится ходить в хранилище и сверять первичку. Вам этого делать не придется.

— Хорошо. — Руснакова до судорог вцепилась в мышь, курсор застыл в углу таблицы.

«Что у нее на голове? Это парик? Потрогай». — Юлька вернулась за свой стол и строчила сообщения, сидя спиной к Рите.

«Не парик, успокойся». — «Ты проверила? Или я сама!» — «Отвали и зай-

мись своим делом». — «Я боюсь оставаться с ней в одном кабинете. У человека не может быть таких волос». — «Тебе больше делать нечего?» — «Как руководитель ты обязана обеспечить мою безопасность». — «Это к Тарновскому, он ее одобрил». — «А Черников? Как у вас дела, хорошо пообедали? Что ели, кто платил?»

— Здесь формы для статистики. — Рита забрала у Руснаковой мышь и открыла следующую папку. Здесь...

Снова запищал мессенджер, и едва Рита открыла приложение, как посыпались фотки: море, море, поля, заросшие маками и васильками, васильковое же небо, светлый город из белого камня, платаны и дивная волшебная полутьня, огромный фонтан с причудливыми фигурами по краю чаши, снова платаны, вино, еще здания с налетом готики, потом фото собаки с шипами как у химеры и треугольным хвостом. Собака улыбалась с каменной плиты в полстены, рядом толпились полные неповоротливые тетки с фотоаппаратами, на краю кадра виднелись две высокие тонкие дамы. «Это местный дракон, он сто лет жил в пещере и никому не мешал, потом пришла какая-то принцесса и решила вышибить его из пещеры. А это барельеф с реками, девушка изображает Рону, у нее своенравный характер». На фото был кусок стены с женской и мужской полуголыми фигурами, причем девушка сидела так, что ее нога реально свешивалась с края композиции. «Дракон. Нет, лошади все-таки лишнее, и это дорого. Выкачу ему двойной ценник, потом сбавлю из-за лошадей».

— Наталья, прошу прощения, это родственники пишут.

«Ирка пошла в отрыв», — моментально настрочила Юлька. Рита решила не отвечать.

— Здесь архив статистики, он нужен — у нас постоянно компаенс запрашивает данные за прошлые периоды.

— Мы же им отправляем, — подала голос Руснакова. Юлька обернулась, нахмурила брови, окатила Руснакову испепеляющим взглядом и отвернулась.

— Это компаенс, им все можно...

— А ну не ори на моих детей! — раздалось от двери. Юлька подскочила, Руснакова не шелохнулась, Рита встала с места. Анька подбирала с обертки шоколадные крошки и вопила в мобильник.

— Не ори, я сказала! Это же дети, соображать надо! Подумаешь, колбасу съели, еще купишь... Сам убери, Лиза всегда молоко выливает на пол, она так в котика играет. Это же ребенок, надо соображать! Не ори, я сказала!

— Сама не ори! — рывкнула Юлька. Анька по привычке пригнулась и, точно под обстрелом, выскочила из кабинета. Зазвонил рабочий, Рита бросилась к себе, едва не столкнулась с Анькой в проходе. От нее отвратительно воняло патокой, губы и пальцы вымазаны в чем-то темном и липком. «Милютин?» — при одной мысли аж сердце замерло, но это оказалась Галанова.

— У Руснаковой срок действия паспорта истек, — сказала она, — напомни, чтобы поменяла. А то на штраф налетит, и мы тоже. Как у вас там?

— Нормально, — Рита обернулась. Юлька копалась в своей сумке, Руснакова сидела с прямой спиной, вот реально точно швабру проглотила, и смотрела в монитор. Рита порадовалась, что Милютин отвалил, пожелала ему мысленно всего самого нехорошего и пошла обратно. Руснакова не шевелилась, точно примерзла к месту.

— Я на обед, — Юлька на дорожку еще раз оглядела Руснакову со спины, по-

качала головой и испарилась. Вернулась Анька, красная и злая, плюхнулась на место и вдруг опомнилась, схватилась за живот. Рита отвернулась.

— Так, на чем мы остановились... Ага, тут список сотрудников — с ними мы взаимодействуем по отчетности. Вот самый главный, он нас курирует в этом смысле. Милютин Алексей Алексеевич. Вы меня слышите?

— Да, — Руснакова медленно наклонила голову, — я вас очень хорошо слышу. Милютин. Я запомню его.

— Лучше записать. — Рита побежала к принтеру, вытащила несколько чистых листов и положила их перед Руснаковой, та взяла ручку, положила ее сверху и прикрыла ладонями.

— Так, — Рита села, выдохнула, — это мы посмотрели. Теперь еще важно, вот тут у нас формулы для формы четырнадцать. Этот отчет для...

И едва сдержалась, не выругалась вслух — зазвонил мобильный, это оказалась мать.

— Я на секунду. — Рита улыбнулась, точно оправдывалась, и выскочила из кабинета. В коридоре было шумно, под фикусом место было занято, пришлось просто отвернуться к стенке.

— Рита, мне срочно нужны деньги, — заявила мать. — У меня плохо работает прибор для измерения артериального давления, мне необходим новый. Я видела в аптеке...

— Хорошо, — перебила ее Рита. — Я на карточку вечером переведу.

— Я потеряла карточку, — сказала мать, — лучше привези наличными.

— Потеряла? — Рита уже пошла обратно, но пришлось остановиться. — Когда, где потеряла, помнишь, сколько там было? Ты ее заблокировала?

— Что? — перебила ее мать. — Что заблокировала, деньги? Ты в своем уме, что ты городишь! Мать старая, больная, ничего не понимает, мне плохо, у меня мерцательная аритмия, а я даже не могу давление померить, я умру прямо сейчас, мне нельзя волноваться! Я звоню дочери за помощью, а она несет какую-то чушь! Хорошо, я без тебя обойдусь. Спасибо, что помогла, большое спасибо! О моих похоронах тебе соседи сообщат, я дала тете Тамаре со второго этажа твой номер.

— Я привезу деньги, — Рита на все была готова, чтобы мать умолкла.

— Когда, — деловито поинтересовалась та, — не через год, надеюсь? Мне срочно надо, это очень хороший прибор!

— Я позвоню. Извини, мне сейчас очень некогда. Пока.

Руснакова так и сидела, прижимая ладонями ручку к чистым листам. Рита устроилась рядом, вспоминая, на чем они закончили. Просьба матери путала все карты — теперь придется тащиться к ней, это почти полдня потерянного времени. И еще надо будет позвонить в процессинг, узнать, что там с картой, заблокировать ее и сделать новую...

— Мой сынок всегда на полу валяется, у него такая игра. Попроси его, нет, не заставляй, а попроси, скажи: встань, пожалуйста. Не ори на моих детей, у них ранимая психика! Я тебе что сказала?!!

Рита громка кашлянула, Анька притаилась за монитором и злобно зашипела в мобильник. Рита вдохнула-выдохнула, покосилась на Руснакову. Та будто приросла к стулу и не моргая смотрела в монитор.

— Продолжим. Значит, список сотрудников мы посмотрели, теперь регламент...

И едва не запустила в стену загудевший мобильник. Это была Женя, снова пришлось бежать в коридор.

— Пофигист согласен на съемку, — сказала она. — Просит уточнить ценник.

— Отлично, я с ним свяжусь.

— А Олеся? — недовольным голосом уточнила Женя. — С ней что?

— Я сама решу. Вечером приду, после семи.

И все, все мысли побежали в другую сторону. Посидела еще рядом с Руснаковой — она даже что-то записала, и поняла, что так дело не пойдет. Пусть сама ковыряется в папках, там есть вся информация. В крайнем случае Юльку спросит или Аньку, они хоть что-то должны сообщать.

— Наталья, вы сами дальше изучайте, — Рита направилась в свой кабинет, — если будут вопросы, то Юля или Аня вам с удовольствием подскажут. У меня срочное дело, надо закончить.

Закрылась в кабинете на замок и с телефона написала Пофигисту условия, задумалась только насчет цены. Потом прикинула гонорар Олеся, добавила долю Жени с Глебом, ну и себя не забыла. Получилось довольно прилично, почти в половину дороже стандартного заказа. Вписала цифру и скинула письмо, прислушалась. С улицы доносился обычный шум, вокруг химеры шевелились ветки клена, точно опахала, чудище сидело с довольной мордой. Из кабинета не доносилось ни звука, будто все разом смылись по своим делам. Рита уже хотела выйти посмотреть, как отозвался Пофигист. Его все устраивало, оставалось лишь выбрать дату и время. Рита пообещала решить все сегодня же и принялась звонить Олеся. К семи вечера все вопросы были решены. Дебют назначили на субботу, на половину третьего дня.

— Я его сама встречу, познакомлю с девкой. А ты настроишь свет, камеру и пойдешь гулять, пока я не позвоню. Ты тоже.

Женя выдохнула через губу, Глеб потер подбородок.

— Может, я на балконе посижу? — попросил он. — Неохота полдня по городу шляться.

— Погуляешь, — повторила Рита, — клиент платит, он имеет право на уединение.

— Тут бордель, что ли? — фыркнула Женя.

«Давно уже». — Рита промолчала, прикидывая, что до двух она вполне успеет смотаться к матери, отдать ей деньги и новую карточку. Жалко время тратить, но куда деваться.

Городишко встретил мелким противным дождем, зонтик от него мало помог, колючая водяная пыль летела в глаза и за воротник. Пришлось бежать через площадь к ТЦ, до отказа набитому гуляющей публикой. С развлечениями в провинции туго: кто-то бухает, кто-то к телевизору прилип, а кто-то идет в огромный магазин: тут тепло, светло, полно интересных вещей в стеклянных витринах, а с верхнего этажа заманчиво пахнет фастфудом. Жители просто гуляют, как раньше в церковь ходили: людей посмотреть и себя показать, а теперь шатаются между бутиками, пялятся на товары и даже покупают что-то, например, расческу или заколку в сейлах.

Рита остановилась напротив банкоматов и позвонила матери. Та долго не отвечала, потом еще минут пять не могла сообразить, куда ей идти, потом явилась, злая и мокрая, буквально вырвала у дочери деньги и принялась пере-

считывать их.

— Держи, — Рита подала ей конверт с новой картой, — пин-код внутри. Не пиши его на карте и, если потеряешь, сразу звони в банк. А лучше мне.

— Тебе никогда не дозвониться, — проворчала мать и снова пересчитала деньги. — До меня тебе дела нет. Жива я или померла уже — неважно. У людей дети как дети: внуков рожают, привозят их на выходные поиграть, на море все вместе отдыхают, на даче. Только у меня все не как у людей...

Рита смотрела над ее головой в толпу и вспоминала, когда пойдет следующая хорошая скоростная электричка — не хотелось толкаться при посадке, бежать сломя голову, занимать место и ехать потом, зажатой «пельменями», задыхаться от табачного дыма из тамбура. Ведь смотрела расписание, но, как назло, именно сейчас все вылетело из головы. И поклялась себе, что последний раз притащилась сюда лично, или мать получит деньги на карту, или не получит их вообще. Или пусть сама приезжает, если так приперло.

— Я ту нашла, — мать оттолкнула руку Риты, — в шкафу на полке валялась. Зачем мне сто карт, я что, про каждую помнить должна? Мать старая уже, памяти нет, витамины надо купить, а они дорогие. Кстати, и тебе надо принимать витамины, ты очень плохо выглядишь.

— Работы много, — сказала Рита.

— Работаешь-работаешь, и все зря, — недовольно глянула мать сквозь очки.

— Почему зря? — искренне удивилась Рита.

— Толку от твоей работы нет, — мать в который раз пересчитывала деньги и на дочь не смотрела.

— Я квартиру купила, — вырвалось у Риты. Она прикусила язык, но было поздно. Мать застыла на месте, оторвалась от денег.

— Что? Квартиру? — Она явно растерялась и даже расстроилась, как показалось Рите.

— Как — квартиру? — Мать медленно и неумолимо приходила в себя от шока. — Квартиру? А матери показать? Хотя тебе же на меня плевать!

— Там еще ремонта нет, — торопливо врала Рита, — сплошной бетон, показывать нечего. На ремонт денег нет.

— А сразу с ремонтом не могла купить, — буркнула мать, — ненамного дороже вышло бы. Ничего не соображаешь, деньги только зря потратила. Вот и живи теперь в бетоне. А мне к врачам надо, у нас в городе одни коновалы, а ездить далеко и неудобно. Быстро делай ремонт, я приеду к тебе пожить, пока лечусь. — Мать махала у Риты перед носом кулаками с зажатыми в них деньгами и наступала, пока не прижала дочь к стенке.

— Хорошо, хорошо, — соглашалась Рита с этой ахинеей, — я уже рабочих нашла и материал понемногу покупаю. Я сообщу, когда все готово будет.

— А деньги у тебя откуда? — насторожилась мать. — Кредитов набрала?

— Меня повысили, — сказала Рита. Мать сжала деньги в руках и так застыла.

— Повысили? Тебя? Больше некого, что ли?

Рита глупо улыбалась, мать брезгливо поджимала губы и презрительно смотрела на дочь. Потом вздохнула тяжело, возвела глаза к потолку.

— Какая же ты бестолочь, не могла нормальную квартиру купить. У меня даже давление из-за тебя поднялось!

Мать принялась тяжело дышать и прижала ладони к груди.

— Иди купи себе лекарства.

Рита сунула матери в карман конверт с картой и пошла в ТЦ. Надо было где-то переждать время до электрички и заодно еще раз проиграть мысленно предстоящую встречу с Пофигистом. От того, как все пройдет, много зависит, это постоянный клиент и друзей у него полно, надо из кожи вылезти, но угодить ему, и тогда все будет хорошо.

Для начала Рита решила просто пройтись: прогулялась по ювелирным магазинчикам с витринами, полными дешевой штамповки, заглянула в салон связи с дорогущими телефонами и бородатыми вежливыми юношами-консультантами, заглянула в парфюмерный с косметикой и духами по космическим ценам. И даже на этот товар нашлись покупатели, к кассе стояла небольшая очередь. Рита обошла весь первый этаж, сверилась с расписанием: до электрички оставалось около часа. И решила пообедать — неизвестно, как сложится день, поэтому поесть заранее не мешает. Направилась к эскалатору вверх, под крышу ТЦ, откуда открывались потрясающие виды и имелся приличный ресторанчик. Идти пришлось мимо карусели, там играла музыка из мультиков и орала дети, карусель медленно кружилась, обгоняя ее, скакали восторженные родители и фотографировали свое визжащее потомство.

— Рита, Рита! — раздалось из толпы. Голос показался знакомым, но Рита не оборачивалась. Мало ли кому кричат так восторженно, может, вон той толстой девчонке, что обеими руками вцепилась в уши ярко-розовой лошадки и остервенело колотит ее пятками по расписным бокам. Пошла дальше, и снова раздалось это «Рита!», только уже ближе, а потом кто-то дернул ее за локоть. Рита перехватила сумку обеими руками, обернулась резко. Напротив стояла невысокая, тощая, как швабра, тетка, морщинистая и загорелая, из тех, что называют «печеное яблоко», в мини-платье под «леопарда» и с поясом с огромными стразами. Тетка моталась на каблучищах черных с алыми подошвами туфель и радостно улыбалась, то поправляя в палец толщиной золотую цепь на мятой шее, то выпадающие из разреза бретельки черного лифчика.

— Ритка, привет! Ты классно выглядишь, я тебя еле узнала!

У тетки зазвонил мобильник, заиграла мерзкая приставучая песенка, что в это лето неслась из каждого утюга. Карусель остановилась, орава ринулась к родителям, а толстуха так и продолжала терзать лошадь.

— Ритка, ты чего? — Леопардовая тетка продолжала наступать, Рита пятилась. Тетка дернулась вперед, желтые короткие волосы упали ей на лицо, она мотнула головой, и тут Рита узнала Вирскую. За несколько месяцев Ленка полностью переродилась, ее бы сейчас и мать родная не узнала, да что там мать, и дети шарахнулись бы прочь или, наоборот, утащили бы домой или еще куда подальше от позора. От Ленки отчетливо разило коньяком и душными «пудровыми» духами, того и другого она употребила внутрь и наружу более чем достаточно.

— Ленка, — Рита выставила руки перед собой, — я тебя не узнала. С ума сойти, как ты изменилась. Как жизнь?

Спросила чисто из вежливости. Вирская с довольным видом щелкнула пальцами и полезла в усыпанную стразами кошелку из черной тряпки. Выкопала оттуда мобильник, тоже весь в кристаллах, и громко, на весь зал, выкрикнула:

— Мяу! Мяу, лапочка! Да, да, я уже тут, жду! Мяу-мяу!

Больше всего Рите хотелось сейчас бежать без оглядки: Вирская явно не в себе, в нее точно демон вселился и фиг знает, что он отколет через секунду. Может, закаркает по-вороньи или заставит Ленку танцевать голой на этой самой карусели. Или еще что похуже. Но путь был отрезан — на карусель ломилась очередная толпа детей, два «пельменя» безуспешно отрывали толстуху от лошади, слышались рев, смех, визг и отчетливые матюки — детки выражений не выбирали. Рита растерялась, Вирская подскочила к ней и взяла под руку.

— Ритка, я так рада тебя видеть! — Она поднялась на носки и чмокнула Риту в щеку. Та отшатнулась и тут заметила, что Ленка, что называется, «поправила губки», причем сделала это где-то в подвале. «Вареники» выглядели устрашающе, да еще и в вишневой помаде, а за висками, почти на линии роста волос виднелись тонкие белые штрихи — следы от подтяжки лица. Ленку мотнуло, она ухватилась за Риту и засмеялась.

— Голова кружится, я тяпнула немножко для храбрости! Интимную эпиляцию иду делать, — прошептала она и закатила глаза. — Говорят, это больно — ужас! Ты делала?

На них уже смотрели: кто весело, с пониманием, кто косо, но Ленка этого не замечала. Мотать ее перестало, и она уверенно топала на каблуках рядом с Ритой. Снова раздалась чудовищная песенка, но Ленка будто ее и не слышала. Дошли кое-как до ближайшей лавки, Ленка рухнула на нее, Рита села на край, чтобы в случае чего сразу бежать, но не к эскалатору на второй этаж, а к выходу, оттуда на вокзал, в электричку и прочь из города, чтобы никогда больше сюда не возвращаться. По-хорошему, уходить надо немедленно, но что-то удерживало ее, да и Ленка вроде как пришла в себя и выглядела вполне прилично.

— Ты как? — выдохнула она Рите в лицо, та отшатнулась.

Ленка села нога на ногу, платье задралось чуть ли не до трусов. Она развалилась, заняв своими костями половину лавки, и принялась рассматривать людей.

— А просто супер-супер-супер гуд, — пропела Вирская, — я нормально, супер-гуд! Хожу на беллиданс, на йогу, скрапбукинг два раза в неделю. Губки вот поправила немного... Чисто для себя, ты не подумай, не для козлов этих. Твари мужики, чтобы им дохнуть всем и разом. Я бы их живыми закапывала и поджигала, а тех, кто вылезет, из автомата бы расстреливала...

— У меня все хорошо, — вежливо сказала Рита. Она еще не верила своим глазам, да и ушам тоже — от той, прежней Ленки не осталось ничего, вот нисколечко, только тень. Правда, тень, так бывает — Рита помнила одну женщину, их бывшую соседку по дому. Она давно переехала, но при встрече Рита здоровалась с ней еще лет двадцать, причем не просто здрасьте-здрасьте, а сердечно, радостно, да еще и остановиться могли, поговорить. И как-то при очередной встрече эта женщина Риту не узнала, она брела, не видя дороги перед собой, очень худая и не похожая на себя, изменились даже черты лица. Рита узнала ее по характерному жесту — та всегда перекидывала сумку с руки на руку одинаково, и та женщина-тень повторила этот жест, и стало понятно, кто идет навстречу. Рите стало до того страшно, что она не решилась поздороваться и спросить, как ее знакомая поживает, и больше ее никогда не видела. Вот сейчас было очень похоже, эта курица-гриль с алыми острыми когтями — не

Ленка, просто у нее голос такой-же, и волосы настоящая Вирская и это одержимое чучело поправляют одинаково.

— Фотосессию хочу сделать, — поделилась Ленка, — и в Сети выложить. Пусть эта тварь посмотрит и офигеет.

«Это запросто». — Рита посматривала на выход. У банкоматов было полно народа, две девушки неподалеку раздавали листовки и какие-то мелкие сладости, там уже собиралась толпа, и быстро проскочить через нее вряд ли удастся.

— Отомщу этой тварине, — Ленка вытащила из сумки пачку сигарет, подкинула их на ладони и нехотя бросила обратно. — Кстати, я в суд на Вирского подала, пусть половину квартиры мне отдает. Адвокат говорит, что должно выгореть, а еще лучше, если бы дети несовершеннолетние были, чтобы наверняка. Может, мне родить и сказать, что от него?

Рита собрала все силы в кулак и посмотрела на Ленку. Так и тянуло схватить ее за плечи и вытрясти из нее засевшее внутри чудовище, вернуть прежнюю Вирскую. Та глянула неожиданно трезвым взглядом:

— Ты чего? Я так плохо выгляжу? Я старая, да? На меня уже никто не посмотрит?

И едва не зарыдала, принялась кусать уродливые губы. Рита встала, снова села, Вирская схватила ее за руку.

— Слушай, а пошли в кабак? Напьемся!

— Ленусик, Ленусик, я здесь!

В Ленкино плечо вцепилась пухлая лапа с фиолетовыми когтями. Вирская обернулась, вскочила и принялась целоваться чуть ли не в засос с толстой коротышкой с розовыми волосами, одетой в короткое розовое же платье. Жируха едва доставала Ленке до плеча, той пришлось наклониться, юбка у нее снова задралась.

— Ленусик, я хочу шампанского! После стрижки или сейчас? — Толстуха выпятила губы, встала боком, оттопырив жирный зад, и принялась рассматривать Риту.

— Ты с нами? — Она качнулась вперед всей тушей, Рита отошла назад.

— Нет, мне ехать надо.

Вирская схватила ее за локти, сжала с неожиданной силой.

— Ритка, ну как же так, мы столько не виделись! Ты пропала, не звонишь, никто не звонит, и только встретились, как у тебя какие-то дела...

— К черту дела и к черту мужиков! — заявила толстуха. Два парня, что проходили мимо, глянули на нее, отошли на пару шагов и засмеялись. Вирская показала им вслед неприличный жест, Рита аккуратно высвободилась.

— Мне правда надо идти.

Не идти, а бежать, электричка уйдет через десять минут, а еще надо купить билет, или придется бегать еще и от контролеров. Рита отступала, прикрываясь сумкой, Вирская сделала несколько шагов следом и остановилась.

— Зря, — толстуха потрясла щеками, — ни один мужик не стоит того, чтобы ради него отказываться от подруг. Ты обязательно пожалеешь, и не раз. Пойдем, Ленусик.

— Мяу! — Вирская помахала Рите. — Я позвоню!

— Конечно, — Рита махнула в ответ, — я буду ждать. Пока, девчонки, желаю хорошо провести время.

«Девчонки» под ручку двинули на второй этаж, Рита со всех ног рванула на выход. Промчалась мимо бутика с бельем, с дорогущими «итальянскими» шмотками, и невольно затормозила напротив ювелирного. Там ее родная мать примеряла золотые цепочки, причем сразу несколько, около нее стояли аж два консультанта и активно помогали в выборе. «Прибор для измерения давления теперь выглядит так». Рита побежала на вокзал, в электричку вскочила в последнюю минуту, двери съехались за спиной. Хотела плюнуть на перрон, а пришлось на металлическую, ни в чем неповинную створку — плюнуть и забыть эту чертову дыру на карте мира, забыть и никогда — никогда в жизни, даже под страхом расстрела! — туда не возвращаться.

Пофигист явился ровно в половине третьего, точно под дверью ждал. Рита открыла ему, в квартиру вошел невысокий, полный и очень подвижный мужчичка с огромной залысиной на полголовы и женской задницей. Клиент заметно нервничал и осматривался, только что носом не водил.

— Мне проблемы не нужны, — заявил он с порога, — если что-то пойдет не так, у вас будут неприятности. Большие неприятности.

— Нам не нужны неприятности, — улыбнулась Рита, — проходите и ни о чем не волнуйтесь. Вот сюда.

Пофигист вошел в комнату и застыл на пороге: Олеся в костюме училки сидела на столе и крутила помятый глобус. Увидела «ученика», встала, поманила его к себе и сделала грозную физиономию. Глобус опасно завис над краем стола, Пофигист пошел к Олесе, как под наркозом, на ходу стягивая с себя куртку. Рита подхватила ее с пола, тронула клиента за плечо:

— Тут камеры, аккуратно. Запись длится полчаса, можете включить сами, могу я, по вашему звонку.

— Вы что, останетесь? — Клиент внезапно развернулся и едва не подпрыгнул на месте, Рита успела отойти на пару шагов.

— Нет, ну что вы! — Она едва сдерживала смех, а Пофигист чуть не плакал. — Квартира в вашем распоряжении на три часа, как договаривались. Если вам понадобится больше времени, то позвоните мне. Никто вас не побеспокоит. В кухне есть вино, виски и водка, если захотите. Позвоните перед тем, как будете уходить.

— Сюда иди! — рыкнула Олеся, топнула ногой и показала на стул.

— Сами включите. — Пофигист побрел на зов, Рита запустила запись на планшете и камере, повесила пропахшую хорошей туалетной водой куртку клиента в прихожей и вылетела из квартиры. И едва не сшибла с ног соседку, та как раз выходила в подъезд. «Сука ты», — только что не горело у нее в глазах. Рита вежливо поздоровалась и ретировалась. «Проверилась» по привычке, добежала до своей квартиры и позвонила Глебу.

— Ну что там, процесс пошел?

Фоном слышался недовольный Женин голос, но слов было не разобрать.

— Пошел, пошел. Часа три, а то и больше гуляйте.

— Да хоть до утра, — засмеялся Глеб, — лишь бы эта скотина заплатила.

Заплатила, как миленькая: к одиннадцати вечера на кухонном столе между пустыми бутылками из-под вина и виски лежали деньги. Их было чуть больше, чем договаривались, что-то вроде чаевых. Глобус традиционно валялся под столом, стул перевернут, «учительские» шмотки разбросаны почему-то в ванной. Еще разбили бокал и два стакана да на двери гардеробной появи-

лась свежая глубокая царапина. Других разрушений не было, карта памяти из планшета исчезла. Но в другой камере, маленькой, размером со спичечный коробок, удачно замаскированной на книжной полке, оказалась на месте. Рита просмотрела запись до конца, убрала самый явный бардак, позвонила Глебу. Тот, примчавшись, первым делом потребовал свою долю и побежал проверять оборудование.

— С почином, — Женя сжимала свою долю в кулаке, — новая услуга пользуется спросом.

— Не накаркай, — крикнул из комнаты Глеб, — может, ему не понравится!

Утром в почте Рита обнаружила три письма: одно от Пофигиста с рекомендациями по улучшению сервиса — ему оказалось мало полотенец в ванной. И два от новых клиентов — оба ссылались на того же Пофигиста и интересовались стоимостью и условиями предоставления новой услуги. Одного устраивала любая профессионалка, а второй мысленно видел кино про себя и Барби. Так и написал — чтобы в точности, как кукла, только говорящая. Рита выставила обоим ценник как для Пофигиста и крепко задумалась. Первый заказ закроет Женя, а вот что делать со вторым — пока неясно. Но не отказывать, это точно, однако времени не очень много, всего неделя на подготовку.

И ничего умного в голову не приходило, Рита ни о чем другом думать не могла и начинала психовать. Несколько раз ловила себя на том, что вместо работы смотрит в одну точку — на темный монитор или в окно, где в кленовых листьях изредка мелькала рогатая башка химеры. Ни одна девка не соглашалась на съемку даже по удвоенному ценнику, все кандидаты отпадали, новых не появлялось. «Хоть вакансию вешай». Рита отвлеклась от созерцания полетному радостного пейзажа за окном, перевела взгляд на монитор. Там во всю ширь раскинулась пустая таблица формы четырнадцать, отчет предстояло сдать через неделю, и Милютин — можно не сомневаться — уже потирал пухлые лапки, готовясь выискивать косяки и недостатки. «Соберись», — Рита сжала кулаки. Сначала надо убедиться, что с отчетом все в порядке и его сдадут вовремя, а вечером самой еще раз проверить сайты для любителей «клубнички». Ну или постараться убедить клиента, что Барби — это пошло и глупо, что это прошлый век, и обратить его внимание на иные тренды или на классику. Учительницу или Красную Шапочку, например.

Рита вышла из кабинета и поморщилась — в кабинет откуда-то проник мерзкий запах. Очень похоже на то, будто кто-то, пардон, неделю ноги не мыл и одежду не менял. Юлька в наушниках уткнулась в свои таблицы и сверяла их с первичкой, Анька жевала копченую колбасу из пластикового лотка. Увидела Риту и с куском в зубах спряталась за монитор.

— Анечка, бери пирожные, — Руснакова показала на коробку с профитролями, — девочки, все берите, пожалуйста. Я хочу вас угостить.

Юлька не слышала и возилась с документами, Анька привстала, уставилась на коробку горящими глазами.

— Рита, берите, пожалуйста, — Руснакова встала, села, взяла коробку и принялась совать ее Рите.

— Потом, спасибо. Как отчет?

— Я все сделаю. Жду, когда Юля передаст мне информацию.

Завоняло еще сильнее, точно кран на потолке открыли. Юлька обернулась, демонстративно пригнулась и приподняла одно желтое «ухо».

— Анька, прекрати дерьмо жрать, оно воняет!

— Это не дерьмо, — вскинулась та, — это хорошая дорогая колбаса, сырокопченая.

— Я в сортах дерьма не разбираюсь, — отрезала Юлька, — дома жри что хочешь. Или окно открой.

— Мне холодно, я могу простудиться, это опасно для ребенка!

На улице было хорошо за плюс двадцать, кондиционер не работал. Рита открыла окно, Анька только что не зашипела и потянулась к коробке с пирожными. Руснакова передала профитроли ей, Анька уволокла добычу в нору.

— Справку от врача когда принесешь? — Рита охраняла окно. Стоит отойти, и Анька чисто из вредности задраит его как люк на подлодке. Анька, уже успев метнуть в пасть пару круглых маленьких пирожных, вдруг застыла на месте, покраснела, на глаза у нее выступили слезы.

— Анечка, кушай, кушай, — Руснакова шуршала бумажками, — тебе надо хорошо питаться. Когда я была беременная, я ела много бананов, мне так хотелось бананов, а муж шутил, что я негра рожу.

Она засмеялась, показались ее желтые зубы, очки засверкали. Анька захлопала носом, слопала еще несколько пирожных и зажала рот ладонями. Боковое зрение Юльку не подвело, она оторвалась от клавиатуры и презрительно скривила губы.

— Обожралась, дура.

— Я беременная, — пробубнила Анька и опрометью вылетела из кабинета. Дверь распахнулась, сквозняк моментально снес на пол кучу бумаг, Юлька чертыхнулась, Руснакова бросилась подбирать их. Пришлось закрыть окно.

— Чем это воняет? — Рита принюхалась. Вонь отлично чувствовалась в воздухе, хоть и стала не такой резкой.

— Понятия не имею, — Юлька наводила порядок на столе. — Который день уже, раньше не было.

— Может, травят крыс или мышей? — предположила Руснакова. — Я, кстати, ничего не чувствую.

— Сводку за прошлую неделю мне дайте.

Рита подошла к Руснаковой, принюхалась, пока та копалась в бумагах. Запах был, но не сильнее, чем в остальном кабинете, и непонятно, где искать источник вони. Если действительно травили мышей или крыс, а их иногда видели на первых этажах и в столовой, то одна тварь запросто могла сдохнуть где-то под плинтусом. Если так, то им придется туго, даже крошечный грызун, разлагаясь, воняет как целое мусорное ведро на солнце. «Плохи дела». Рита для вида просмотрела сводку и вернула ее Руснаковой. Притащилась Анька, бледная и зареванная, плюхнулась на место.

— Полегчало? — поинтересовалась Юлька.

— Не завидуй, — пискнула Анька, — я на тебя посмотрю, когда ты залежишь. Тоже блевать будешь, не сомневайся.

— Девочки, не ссорьтесь, — прогудела Руснакова, — у всех все будет хорошо.

У Риты загудел телефон, и она убежала к себе, закрылась там — пришло сообщение от заказчика. «Девушка мне не нравится, она худая, злая и у нее маленькая грудь. Нужна больше и обязательно натуральная», — писал тот, с кем проблем не ожидалось от слова совсем. Рита чертыхнулась, сжала пальцами

виски. «Спокойно, спокойно», — уговаривала она себя. Это не проблема — найти девку с большими сиськами, а вот с Женей, которую только что забраковали, сегодня предстоит разборка. А ведь в планах еще драконы и Барби... Кстати, Жене можно надеть парик, и она запросто справится с драконами.

И тут свалилось еще одно письмо, его даже открывать не хотелось. Накатила вдруг такая злость, что Рита едва не швырнула телефон о стену. Отвернулась к стене, зажала уши, подышала глубоко и решилась. «Не надо драконов и лошадей, можно обычную. Будто он к ней в гости пришел, ну и все такое. Просто девушку, из жизни, не профи», — застенчиво менял все к чертям другой заказчик. Теперь придется искать троих, причем сложнее всего с обычной — не с улицы же ее тащить, в самом деле.

Тренькнул телефон, Рита смотрела на него с ненавистью. Но это оказалась Ирка, вывалила отчет за вчерашний день: охряные скалы, красные черепичные крыши, узенькие улицы меж мощных основательных домов и море сиреневого и фиолетового во всем — от цветов до мороженого. «Это с лавандой, а это с розовыми лепестками, — сообщали подписи под фотками, — а это Руссийон, тут творили импрессионисты и черпали свое вдохновение. Мороженое супер!» Дальше шло фото с огромной керамической цикадой на открытой ладони и веничком из лавандовых веточек. «Завтра едем в аббатство Сеннанк!» — это было последнее сообщение как итог под фотками. Завтра уже давно наступило и скоро перейдет во вчера, Рита опасливо посматривала на телефон, но тот молчал. Решила, что воспользуется сегодня служебным положением и уйдет пораньше — надо все хорошенько обдумать и успокоиться.

Вонь в кабинете стала еще сильнее, Анька тихонько рыдала за монитором, Руснакова раскладывала по плечам свои волосища и смотрела в пустую таблицу. Юлька склонилась над смартфоном и разглядывала цикаду.

— Лаванда хорошо пахнет, — Юлька втянула в себя воздух, поморщилась и брызнула духами вверх и по сторонам, крестом, точно нечистую силу отгоняла.

— До завтра. — Рита почти сбежала с рабочего места и плохо слышала, что ей в спину пожелали Анька и Руснакова. На выходе из банка она едва не столкнулась с женщиной в платье роскошно-фиолетового цвета и вспомнила про Ирку, Прованс и лавандовое мороженое. Мороженое — это очень даже неплохая идея и отлично подойдет, ванильное, например, ну или шоколадное на крайний случай.

Женя предсказуемо психанула, хлопнула крышкой ноута с такой силой, что стол затрясся, и убежала в комнату.

— Отлично, — донеслось оттуда, — теперь мне надо отожраться, оказывается! То я толстая, то худая, то сиськи не те!

— Никто не говорит, что ты толстая, — проворковал Глеб, — не выдумывай. И сиськи нормальные, можешь мне поверить.

— А чего он тогда выделяется? — крикнула из недр квартиры Женя. — Козел какой-то!

Глеб посмотрел на Риту, та развела руками.

— Клиент платит. И может капризничать, сколько влезет.

Глеб вышел в лоджию, вдохнул, потянулся.

— Как раньше все было хорошо и просто, — в пространство пробурчал он, — снял, отправил клиенту, получил бабки. И никаких капризов, никаких

закидонов...

— Мы так ничего не заработаем, если будем слушать их бредни! — Женя влетела в кухню, села на табуретку, вскочила. Вернулся Глеб, плюхнулся на свое место и посадил Женю к себе на колени.

— Да, — он положил подбородок ей на плечо, — в самом деле. Тот олень за училку хорошо заплатил, но деньги скоро закончатся. У нас уже очередь, и одному Барби подавай, второму обычная нужна, третьему девка с большими сиськами...

— Натуральными, — вставила Женя, — не силикон. Пятого размера.

— Что делать будешь? — Глеб старался говорить серьезно, но в глазах виднелась насмешка. Рита бросила обертку от мороженого в мусорку и краем глаза заметила, как Глеб с Женей переглянулись.

— Я решу этот вопрос.

Глеб поднял кулак, типа удачи пожелал, Женя фыркнула. Рита вышла в коридор, крикнула от двери:

— Мое предложение в силе, вы хоть сейчас можете идти и делать свой бизнес, как сочтете нужным. Я вас не держу.

Она вышла на площадку, прикрыла дверь, со стороны соседской квартиры щелкнула задвижка и донеслось приглушенное, но отчетливое «курва». Рита сделала вид, что не расслышала и с предосторожностями покинула подъезд. Пока шла к дому, поняла, что поспать сегодня вряд ли получится — предстоит перекопать все сайты и страницы профессионалок, но найти желаемый клиентами типаж. А вот что делать с обычной, пока не представляла. Через три часа серфинга по Сети в глазах рябило от форм, имен, прайсов и ассортимента услуг. Часть телефонов не отвечала, или звонящего отшивал автоответчик. Было уже хорошо за полночь, Рита перешла на двадцатую или двадцать пятую страницу уже чисто из упорства. Вдруг стало холодно аж до дрожи, но не от активизации по причине позднего часа нечистой силы, а от банального сквозняка. Рита закрыла балконную дверь, прошла по темной квартире, посмотрела в окно. И тут кольнуло — какого черта? Какого черта она теряет время, когда девкам нужны деньги, ведь ради них они раздвигают ноги вместо того, чтобы включить мозги. А раз не дано, то пусть еще постараются получить эти самые вожделенные бумажки с водяными знаками и множеством степеней защиты.

В разделе «Контакты» клиентам предлагался номер, куда можно было направить заявку на оказание «особых услуг», если на сайте не нашлось ничего подходящего. «Нужна девушка для съемки домашнего видео. Натуральная грудь 3–4 размера, не силикон. Оплата наличными». Подумала, исправила на «4–5», поставила телефон на беззвучку и со спокойной душой улеглась спать. Утро принесло шквальный ливень и три сообщения в мессенджер. Тут уже было из кого выбрать, за завтраком Рита просмотрела профили проституток. Одну отвергла сразу,хватило одного вида перекачанных губ и неприлично мохнатых ресниц, хотя остальное подходило по всем параметрам. Вторая очень смахивала на мужика, на фото стояла в профиль, закрыв лицо длинными волосами. Выдающийся бюст первым делом бросался в глаза, но возникли большие сомнения в его натуральности. Оставалась третья девка по кличке Мелисса, миловидная брюнеточка с челкой-пони и пухлыми губками. Губки и челочка начинались со второго фото, на первом Мелисса заходила с козырей,

вывалила свои природой данные прелести приблизительно пятого размера. «Неплохо». Рита еще раз просмотрела все фото и потянулась к телефону: настало время обсудить ценник. В этот ранний час Мелисса была уже на работе, ответила моментально и очень удивилась, услышав женский голос.

— Я лесби не делаю, — выдала она вместо «с добрым утром».

— Я не себе, — успокоила ее Рита, — хочу другу подарок сделать. У тебя грудь своя, точно не силикон?

Мелисса хмыкнула.

— Своя, своя. Можешь потрогать, если договоримся.

Разговор грозил затянуться, Рита глянула на часы и решила, что на работу она сегодня опоздает — должны же быть хоть какие-то привилегии у начальства?

— Трогать тебя другой будет, а я буду платить. Свою цену назови.

Мелисса подумала, посопела в трубку, звук был не из приятных. «Вдруг она очень жирная?» — заволновалась Рита. Клиенту это не понравится, хотя должен понимать, что не силиконовые сиськи пятого размера в жизни бывают только у толстух.

— Полтинник, — сказала Мелисса, — и наличными.

— Договорились. — Рита не стала торговаться. Ценник завышен, само собой, но надо соглашаться: если клиенту не понравится Мелисса, то придется искать дальше. А ведь откликнулись всего трое...

— Мне нужно видео с тобой, — сказала Рита. — Сними себя в белье, покрутись перед зеркалом, чтобы все было хорошо видно.

Мысль, что эта Мелисса обросла жиром, не давала покоя.

— На фига, — вдруг разозлилась та, — тебе что, фоток мало?

— За свой полтинник я хочу знать, с кем имею дело. Жду видео.

Рита отбилась и едва успела допить кофе, как в мессенджер прилетело сообщение. На коротком, меньше минуты, ролике брюнетка в черном белье так и этак поворачивалась перед огромным, точно в балетном классе, зеркалом. Полновата, конечно, но не так страшно, как рисовало воображение, а уж бюст и вовсе выше всяких похвал. «Клиент должен быть извращенцем, если не одобрит ее». Рита снова позвонила Мелиссе.

— Ну как, — усмехнулась та, — пойдет?

— Нормально, — сказала Рита.

— Тяжело, но что делать, — вздохнула шлюха, — у меня ипотека на пятнадцать лет, надо платить каждый месяц. Приходится держать себя в форме. Кстати, я беру аванс, гони половину.

Договорились созвониться вечером. Ливень к этому времени уже прекратился, по дороге неслись мутные потоки воды, валялись листья и мелкие ветки. Рита старалась пока не думать, что решила только половина проблемы и где искать обычную женщину, что вот так запросто (скорее, за деньги) согласится на съемку в порно, совершенно непонятно. «Обычная, обычная». Рита собиралась на работу, вернее, как собиралась: то у окна постоит, то в лоджию выйдет, то перед зеркалом зависнет минут на пять. Потом снова в лоджию и смотрела оттуда вниз на людей, что торопливо бежали по дороге. Среди них были и женщины, разумеется, но сверху было плохо видно. Обычная — на ум приходили лишь «пельмени» с тремя подбородками из электрички да замотно-злобные кассирши из дешевых супермаркетов. Все они были обычные,

но ни одна из них на роль в «кино» не годилась.

— Ему нужна обычная тетка, — Рита уже разговаривала сама с собой в полутемной прихожей и раздумывала, стоит ли надеть плащ или можно и так добежать до банка. Мысль о плаще затмила остальные, Рита трижды хлопнула в ладони, чтобы сосредоточиться, и мысли потекли в другом направлении. «Ставь себя на позицию обычной тетки. Что у тебя за жизнь?»

Это оказалось не очень-то легко, как могло показаться. Рита вышла на крыльцо, открыла зонтик, но спускаться на тротуар не торопилась. Обычная — это та, которую не интересует ничего, кроме еды, шмоток и мужиков, а также своей привлекательности для последних. О существовании других стран обычные тетки в последний раз слышали в школе на уроке географии, информация о наличии других континентов давно выветрилась из головы. Обычные тетки до старости носят одну и ту же стрижку, красятся, как в двадцать лет, толстеют, списывая жир на диабет, множество родов, кормление грудью и широкую кость, а мысль поменьше жрать отвергается на подступах. Как это — меньше жрать, а зачем тогда жить?

— Так, еда тут ни при чем, — Рита ступила-таки на дорожку, обошла широченную лужу и уже примеривалась, как бы миновать завал из веток и листьев чудом уцелевшей во время бури старой березы. Та еще тревожно шумела над головой, но в небе уже появились синие «окна» и росли с каждой минутой. Рита перешагнула мутный ручей, бежавший вдоль бордюра, и пошла дальше. Обычная тетка, что добровольно согласилась бы на съемку в порно, кто она, что видела в жизни? Загулы с дружками и подружками, ранняя беременность, брак по залету, ипотека или жизнь в хрущевке с семьей мужа, измены, ссоры, драки, развод, снова ипотека, но уже в одно лицо. Или, если с жильем повезло, то снова измены, развод — и йога, беллиданс, всякая фигня из картона, интимные стрижки и желание отомстить бывшему козлу, как у Вирской. Как у Вирской. Поделки из бумаги. Восточные танцы. Йога. Ненависть к предавшему ее мужику. Изоцрренная месть посредством фотосессии с видом на проэпилированные части тела.

Рита уже была на полдороге к банку, остановилась на переходе. Горел красный, машины катились по лужам, брызги летели во все стороны. Рита отступила на шаг, потом еще, еще на один, потом зажегся желтый, и на проезжую часть выскочила жирная приземистая девка с коляской. Раздались гудки, крики, вой тормозов, дура-баба перла танком, не обращая внимания на окружающих. Кто-то из водителей послал ее на три буквы, девка бойко ответила тем же, тут зажегся зеленый, но овца уже перебежала дорогу и толкала коляску на мокрый газон. Рита отвернулась и быстро пошла к дому. Одинокая, недавно разведенная, злая на весь мир курица, одержимая жаждой мести, — прекрасная идея, но придется «поболеть» денек-другой. Скрапбукинг и восточные танцы — это реально дно, может и стошнить, а вот йога стоит попробовать.

В светлом, полном зеркал зале играла тягучая музыка, пахло потом, дезодорантом и тяжелыми вечерними духами. Сначала Рита грешила на соседку справа, тощую, сутулую, что называется «деревянную» тетку непонятного возраста. Та никак не могла угнездиться на своем коврике, ее корявые конечности вылезали в проход и реально бесили, вот до зубовного скрежета. Рита старалась на тетку не смотреть и понемногу вместе с ковриком смещалась к зеркальной стенке, благо там места еще оставались. Тренер, сухая жилистая осо-

ба, коей могло быть и двадцать, и сорок лет, пружинисто прохаживалась вдоль первых рядов и оглядывала группу. Занятие было пробным, бесплатным, и тренер готовилась, входя в образ, — от количества купивших абонемент в самый дорогой в городе фитнес-клуб зависел ее бонус.

— Итак, девочки, растяжка, — рыкнула тренер аки надзирательница, и девочки от двадцати до пятидесяти и выше дружно принялись задира́ть ноги и крутиться в положении сидя. Рита повторяла их движения и приглядывалась к соседкам. Две девушки, судя по постоянным перешептываниям, подружки, глаз не спускали с тренера и старательно тянулись руками к носкам ног. Невнятная корявая тетка приползла следом за Ритой и пыхтела рядом, духами почти не воняло, лишь потоками воздуха доносило тяжкий сладкий аромат. Рита еще немного подвинулась, разглядывая группу. Больше всего было пенсионерок, как ни странно, и те делились строго на две категории: одни с точностью повторяли движения тренера и ловили каждое слово «надзирательницы», вторые особо не старались, лишь аккуратно помахивали руками и изображали повороты и наклоны, не забывая с блаженной улыбкой любоваться на себя в зеркало. Недалеко от входа сутулилась на коврике темноволосая девушка с двойным подбородком под пухлой мышшиной мордочкой. Она непрестанно делала селфи и больше смотрела в смартфон, чем на тренера. Та жалостливо глянула на девушку и более в ее сторону не поворачивалась.

— Поза плуга! — раздался командный голос. — Это довольно сложная асана, посмотрите, как ее сделаю я!

Все глаза устремились на гибкую хищницу, пенсионерки даже привстали, на них немедленно зашикали остальные, началась тихая, но яростная перепалка. Рита подобралась к девушке, та делала очередное селфи на фоне возбужденной группы. «Мышку» толкнули, смартфон выпал у нее из рук, тот поехал по гладкому полу навстречу Рите. Она подхватила его, отдала хозяйке, «мышка» снисходительно кивнула в ответ и снова принялась фотографироваться. И одновременно выкладывала фото в Сеть, Рита успела заметить подпись под одной из нечетких фоток: «Решила наконец заняться собой, надо вернуть форму». «А она у тебя была, форма?» — Рита пристроилась рядом, и тут в нос ударил тяжелый, резкий запах духов: это воняла оплывшая жиром тетенька со злым и обиженным лицом. Мышиная мордочка сморщилась, показались крупные передние зубки. Рита тоже скривилась.

— Ужас какой, — пробормотала «мышка», — на фигу так душиться в спортзал? Что у людей в голове?

И принялась быстро строчить сообщение на своей страничке. Рита подобралась поближе.

— Спортзал с одной «п» пишется, а «духи» лучше написать с маленькой буквы, — машинально выдала она. А сама не могла глаз отвести от мышшиного статуса «в отношениях, но все сложно».

— Как я раньше не подумала?

«Мышка» повернула все еще сморщенную мордочку с широченными нарисованными бровями, причем над правой имелось черно-синее тату — довольно длинное слово из непонятных красивых букв.

— Что?

Рита улыбнулась ей и взглядом показала на источник «ароматов». Мышка покрутила пальцем у виска и снова залипла в смартфон. Группа меж тем

успешно проделала «плут», правда, не так красиво, как тренер. Та уже приглядывалась к последнему ряду у зеркал и недовольно дергала бровями. Рита легла на коврик, чтобы не привлекать к себе внимание.

— Ты похудеть хочешь?

— Угу, — «мышь» тыкала в экран с двух рук, — давно собиралась. Тут как раз время свободное появилось, и я решила, что пора. Или сейчас, или никогда.

— Асана кошки! — провозгласила «надзиратель» и принялась показывать, как правильно выгибать спину. Получалось просто на загляденье, и Рита уже всерьез подумывала, а не подъехать ли к этой «кошечке» с деликатным предложением. Но посмотрела еще пару минут и решила, что нет, не тянет тренер на «обычную», а вот «мышка» вполне стодится. «Надо было статусы проверять», — подумала Рита и переместилась поближе к «мышь». Та ссутулилась на своем коврике и листала ленту контактов. Открыла один, провела пальцем по фотке небритого мужика в майке, зажмурилась.

— Все равно не оценит, — сказала Рита. «Мышь» глянула косо и закрыла страницу. — Можешь мне поверить.

— Все они козлы, — «мышь» первый раз за все время посмотрела на тренера и легла на спину, задрала ноги и несильно замахала ими. Оплывшая тетя рядом трудилась на совесть, пудра и ваниль смешались с запахом пота, и дышать стало реально нечем. Рита посматривала в сторону выхода и прикидывала, как бы вытащить «мышку» в коридор и потолковать там о деле.

— Ага, — Рита перевернулась на живот, — все до единого. Он даже не заметит, если ты похудеешь. Меня Рита зовут.

— Света. — «Мышь» улыбнулась, но лучше бы она этого не делала. Родители, видимо, любили ее такой, какая она есть, и не позаботились об исправлении дочкиного прикуса. Похоже, в этом и была основная причина статуса «все сложно». «К стоматологу сходи», — так и крутилось на языке, но Рита сдержалась.

— Тут по-другому надо, если отомстить хочешь. Чтобы сразу и наповал.

— Это как? — Света перестала махать ногами и заинтересованно глянула на Риту.

— Есть хороший способ, я сама так делала...

— Девочки, вы заниматься пришли или болтать? — не выдержала ароматная тетя. — Вы мешаете, я не слышу указаний тренера. Может, вам в коридоре поговорить?

Хотелось послать ее куда подальше, но тетя была права. Рита скатала свой коврик и показала Свете в сторону двери. Та быстро собрала свои пожитки и обе, пригнувшись, двинули к выходу. Тренер злобно зыркнула на них и вычла из своего бонуса два абонеента.

В коридоре было полно народу, стоял гул голосов и тоже играла музыка, но уже приятная, расслабляющая. В простенках стояли пальмы в красивых кадках и небольшие диванчики рядом. В конце коридора, точно напротив бара, один был свободный, Рита и Света, не сговариваясь, ускорили шаг, но их опередила бойкая пенсионерка. Она еще на подходе швырнула на диван здоровенную сумицу и буквально побежала следом. Уселась с довольным видом и моментально завалила диванчик разным барахлом, включая мокрый купальник, резиновые тапки и пакет с мочалкой и кучей разноцветных пузырьков.

— Курва, — выдохнула Света и закрутила головой по сторонам.

— Идем туда, — Рита показала на двери бара, «мышь» замялась на месте.

— Пойдем, пойдем, я премию получила, могу себе позволить.

Пара салатиков и полезные витаминные коктейли через пару минут оказались на столике у окна с видом на бассейн. Там группа неповоротливых тек-бегемотов водила руками по воде вслед за тощим подвижным парнем в униформе фитнес-центра. Света моментально смела салат, заглотила коктейль и смотрела на Риту. Та достала свой телефон.

— Короче, — она перегнулась через стол и старалась говорить тихо, — я со своим почти пять лет прожила, когда он мне изменять начал.

— Контрацептив использованный, — кивнула Света, — все они такие. Мой через три месяца по бабам пошел, тварина. Я ради него работу хорошую бросила, чтобы дома все успевать.

Рита ее почти не слышала, почему-то засели в голове собственные слова про пять лет. Это она реально столько на Игоря потратила? Быть того не может, неужели? Да как она могла, как это вообще могло с ней случиться? Пять лет коту под хвост, какая же дура, господи...

— И что, что? — Света только что не подпрыгивала на стуле, тату, казалось, ползает у нее по лбу, как сороконожка. Очень хотелось врезать по мышиной физиономии, чтобы убить или стряхнуть здоровенное насекомое.

— Постриглась, волосы перекрасила, тоже похудеть хотела...

— Да тебе вроде не надо, — сделала Света комплимент, Рита усмехнулась и посмотрела в окно. В бассейне столкнулись два бегемота и, судя по их виду, ругались, махали друг на друга непотопляемыми гантелями и дело шло к драке. Тощий парень не вмешивался, ждал, чем все закончится. Бегемотов быстро разняли, две бабки встали между ними, и занятие продолжилось.

— А потом мне подружка подсказала, — Рита заговорила еще тише, — надо сделать фотосессию с красивым мужиком и выложить ее на свою страницу. Сразу будет куча лайков, и твой бывший офигеет. Проверено.

Она откинулась на спинку кресла и принялась искать в телефоне фото Глеба. Подумала, что надо было запастись парочкой их совместных фото, но хорошая мысль, как всегда, пришла поздно. Света наморщила лоб, «сороконожка» зашевелилась в складках кожи, и Рита подумала, что, увидев такое ночью (хотя и днем тоже страх как позорно выглядит), бежала бы без оглядки. Если все получится, то надо предупредить Глеба, чтобы хоть не смотрел на нее, что ли. С другой стороны, ему не привыкать, и вообще он на работе.

— Вот, — Рита показала Свете фото, где Глеб с голым торсом фирменно улыбался на камеру. Света легла грудью на стол, едва не свалила пустой бокал и взяла Риту за руку. Уставилась на фото, потом потрогала экран, точно погладила изображение.

— Обалдеть, бывают же мужики, — пробормотала она. — А твои покажи, ну, где ты с ним.

А сама глаз с фото не сводила и по-собачьи наклоняла голову то к одному плечу, то к другому. Рита высвободилась и убрала телефон.

— Я за них платила, не могу, извини.

Света сморщила мордочку, отчего верхняя губа приподнялась над кривыми зубами, а татуха уползла почти под челку.

— Но я тебе потом ссылку дам, в привате посмотришь. Я убедилась, что мой

козел все видел, и сразу убрала.

И тут подумалось, что вряд ли узнает «своего козла», даже если столкнется с ним нос к носу. Постаралась припомнить физиономию Игоря, но получалось смутно, так, отдельные детали и неприятные ощущения, точно съела что-то пересоленное или несвежее.

— Как убедилась? — не отставала Света.

— Он мне позвонил и хотел встретиться, — горделиво сказала Рита. Света выпрямилась и прикусила губу.

— А ты что? — пробормотала невнятно. Рита улыбнулась и подняла глаза к потолку.

— Послала куда подальше. И заблокировала везде.

— Супер, — выдохнула Света, — то, что мне нужно. Сколько платила? — уже по-деловому спросила она. — Я бы десятку отдала, ради такого дела не жалко.

— Я уточню, — неопределенно сказала Рита, — не знаю, сколько сейчас стоит, я полгода назад делала.

Полгода назад была зима, и она с чемоданом таскалась со съемной квартиры в хостел, но Свете знать это вовсе необязательно. Та схватилась за свой мобильник и вперилась в Риту взглядом.

— Говори номер, я наберу. А когда перезвонишь? Можно завтра, а лучше сегодня? Я пятерку добавлю за срочность.

Рита продиктовала номер и, изобразив задумчивость, следила за бегемотами в бассейне. Стадо разбрелось по всей акватории: кто-то разгонял жир гидромассажем, кто-то честно плавал, а кто-то висел на дорожках, мешая остальным.

— Вечером, наверное, — неуверенно сказала она, — или завтра с утра. Мне же у людей уточнить надо, может, там очередь.

И тут подумалось, что это неплохой бизнес — сдавать Глеба и Женю на фотосессии с «обиженками» обоих полов, и услуга будет пользоваться спросом.

— Мне бы поскорее, — умоляюще проговорила Света и потеряла «сороконожку».

Созвонились поздним вечером, Рита сознательно оттягивала время, мучая клиента неизвестностью, и Света ответила моментально.

— Завтра вечером только, — озабоченно сказала Рита, — в девять, раньше не получится. Записывай адрес, скажешь, что от меня.

Ролик прилетел ровно через сутки, Рита посмотрела его трижды. Несмотря на банальный сюжет — парочка пьет вино, а потом оказывается в постели, — получилось очень даже неплохо, и для дебютантки Света сыграла вполне прилично. И, главное, сразу видно, что она не профессионалка, как и хотел клиент, но постаралась, что называется, всю душу вложила. Все вышло, как и было задумано: Глеб профессионально обольстил обиженную на весь мир мышь и склонил ее к сексу, правда, мышь не особо и сопротивлялась. Отлично. Рита отправила заказ клиенту и позвонила Глебу.

— Фотки давай, — напомнила она, — не заставляй девушку ждать.

— Черт, забыл, извини, — послышался шорох клавиш, в почту упало еще одно письмо с кучей заархивированных вложений. — Ее козел офигеет, можешь не сомневаться. Там даже не видно, что она пьяная.

— Да ладно? — Рита открывала файлы: Света выглядела вполне вменяе-

мой. — Как все прошло?

— Она приперлась уже поддтая, — сказал Глеб, — дальше как-то само собой все случилось. Неизвестно, кто кого трахнул, кстати. Она пришла явно не фотографироваться, так что проблем не было. Еще и деньги на столе оставила, прикинь! Это мне за услуги, что ли?

Рита смотрела фото — судя по ним, бывший Светин возлюбленный уже должен бить копытом и бодать дверь ее квартиры. Даже тату смотрелось не готически-ужасно, а пикантно, что ли, и вообще Света выглядела моложе лет на десять и худее примерно на столько же килограммов.

— Мне девки еще не платили, — возмутился Глеб, — это хамство, я считаю. Кстати, а ты ей деньги отдала? И вообще, как она согласилась?

— Все нормально, — сказала Рита, — все довольны. Отдыхай пока, у нас еще только одна съемка осталась, жду отмашки от клиента, так что особо не расслабляйся.

Утром обнаружилось письмо от довольного заказчика и непрочитанное эсмэс о зачислении денежных средств на приятную глазу и кошельку сумму. Рита подумала, что надо бы снять сегодня же и отдать Глебу с Женей их долю, но ближе к вечеру. Она проспала и бегом собиралась на работу — больничный закончился, приходилось торопиться. Да еще и бежать пришлось в обход: тротуар перегородил зеленый забор, и прохожие выходили на проезжую часть, как раз за изгибом поворота дороги. С непривычки водители резко тормозили, одно такси даже вылетело на встречку. Что за черт — прошло всего два дня, а чувство такое, будто месяц на работу не ходила. «Ведутся ремонтно-строительные работы, приносим извинения за доставленные неудобства» — хотелось плюнуть в эту вежливую табличку на новом заборе. Рита удачно увернулась от в последний момент затормозившей «Шкоды» с обалдевшим водителем, вцепившимся в руль обеими руками, миновала опасное место и побежала к банку.

В кабинете снова воняло тухлятиной, Рите показалось, что запах стал еще сильнее. Впрочем, она могла отвыкнуть за эти дни и едва поборола желание демонстративно заткнуть нос и громко поинтересоваться, какого черта тут происходит. Юлька стояла спиной к распахнутому окну и замахивалась на Аньку огромным, точно булава, степлером устрашающего вида, причем держала его для верности обеими руками.

— Меня продует, — верещала красномордая зареванная Анька, держась на безопасном расстоянии, — это повредит ребенку! Ты не понимаешь, у тебя же нет детей, и уже не будет!

Юлька восхитительным образом держала покер-фейс, только слегка побледнела и, как показалось Рите от двери, примеривалась для броска. Так и есть: поудобнее перехватила степлер, прикинула в руках его вес, примерилась.

— Девочки, кушайте, — встряла между ними Руснакова с пластиковым лотком в руках. Она крутилась на месте и на ходу открывала контейнер, раздался треск, потом звонкий щелчок, а потом вонь от немытого с неделю примерно тела и волос перекрыла волна чесночного запаха. Юлька закатила глаза и чуть не выронила степлер, Анька повернулась всем телом к Руснаковой, принюхалась.

— Анечка, хочешь сотэ из баклажанов? Это вкусно, я их очень люблю...

— Давай, — Анька одним прыжком оказалась рядом, зависла над лотком и скрючила пальцы, примериваясь, какой бы ароматный кусочек вытащить вот прямо сейчас, сию секунду.

— Я вам не мешаю? — осведомилась Рита от двери. Желание закрыть нос платком сделалось вовсе уж непреодолимым.

— Нет, — Анька пожирала баклажан, держа одну ладошку на манер блюдца, куда капало масло, а второй запихивала добычу в пасть. Руснакова умиленно жмурилась на будущую мать и поднесла лоток ей чуть ли не под нос.

— Наталья, что с отчетом? — Рита рванула через кабинет и дергала за ручку свою дверь. Вспомнила с опозданием, что сама закрыла ее еще в понедельник, пришлось искать ключ. Вонница, к счастью, быстро выветривалась, Анька гнусно чавкала у себя за компом, Юлька с размаха швырнула степлер на подоконник, но осталась на боевом посту.

— Мне не передали исходные данные, — Руснакова задрала голову и заблестела очками. — Я жду.

Рита открыла, наконец, дверь и глянула на Юльку. Та подперла степлером норовившую закрыться створку окна и уселась на свое место.

— Хранилище ничего не прислало, — Юлька пристраивала на голову наушники. — Я уже два запроса направила, но в ответ тишина. Сейчас еще раз напишу.

— Не надо. — Рита окинула взглядом свой пыльный кабинет. Уборщица поленилась взять у охраны ключи, и теперь тут пахло так, точно рота морпехов сушила экипировку после марш-броска с полной выкладкой. Рита задержала дыхание, открыла окно, и со столов полетели бумаги.

— Сквозняк, — толком не прожевав, завизжала Анька, — это убьет моего ребенка! Вы все убийцы, все!

И разревелась с отвратительно перекошенной рожей, покрылась пятнами, точно лишаем, слезы градом лились у нее по щекам.

Юлька врубила музыку так, что слышно было и в предбаннике, Руснакова налила воды и прыгала около Аньки, уговаривая ее сделать хоть глоток. В мессенджер посыпались фотки: все лиловое, желтое и золотое, много лилового, сплошной лиловый и сиреневый, просто поток. И пара восклицаний вроде «о боже, я это вижу!», «жизнь прошла не зря!» и «Ритка, бросай все и гони к нам! Это сказка, ты должна это видеть, иначе я не буду тебя уважать!».

«Вылетаю». Рита наскоро пролистала мутный и нечеткий, зато полный эмоций Иркин отчет с цветущего лавандового поля и снова чуть ли не бегом рванула в коридор, оттуда вниз по лестнице и снова по коридору, только уже узкому и под низким потолком, в хранилище. Там, скорее всего, гора трупов или провалился пол — в их районе как-то было, что часть здания ушла в бездну, а оттуда поднялась мутная ледяная вода и все затопила. Или в хранилище проникли ящеры или пришельцы из иных миров или галактических систем и парализовали работу сотрудников — другого объяснения отсутствию отчетов в природе просто не существовало. Сколько Рита тут работала, подобное произошло впервые.

Внутри показалось как-то по-особенному пусто и гулко, звуки шагов отражались от толстенных стен и низкого потолка, и постоянно казалось, будто следом кто-то идет. Рита даже обернулась несколько раз, но никого там не было, понятное дело, за ней следили только камеры. Да и то, не ползали по по-

толку, подобно монстрам из компьютерной стрелялки, а смиренно сидели на своих местах. Казарцева ссутулилась пред монитором и ничего вокруг себя не замечала. Длинный стол был весь завален деньгами, вот просто груды купюр разного достоинства валялись как попало, только что на пол не падали. Вперемешку стояли пустые и полные кассеты для банкоматов, на экране мелькали таблицы. Казарцева что-то бубнила себе под нос и зачем-то тыкала карандашом в монитор.

— Добрый день.

Казарцева подскочила, выронила карандаш, дико глянула на Риту и снова точно опала, съежилась, сжала в кулак концы большого клетчатого шарфа.

— Не слышала тебя, — Казарцева с ненавистью глянула на деньги и снова ткнулась в монитор. Загудел принтер, зашуршал бумагой, Казарцева потянулась к нему.

— Отчеты, — сказала Рита, — для формы четырнадцать. Их нет.

Казарцева пихнула распечатки обратно принтеру в пасть и повернулась на кресле.

— Я помню, — прошептала она с неожиданной злостью, — Рита, я не первый день замужем. Ты сюда посмотри, сюда, — она тыкала пальцем то в деньги, то в кассеты. — Я, по-твоему, кто, Терминатор? Я не успела, понимаешь? Хочешь, докладную на меня пиши, это ничего не изменит. Если только снова премии лишат. Пиши, хоть сейчас пиши, на вот тебе листочек, ручку...

Поверх денег упали несколько чистых листов из того же принтера, по валявшимся кое-как купюрам покатила ручка. Рита подхватила ее на лету, положила на край стола.

— Премии? — Она пропустила мимо ушей все остальные слова Казарцевой. — Вас лишили премии? За что?

— Большую партию склеек пропустили, — Казарцева сидела вполоборота и очень напоминала химеру. Если бы каменная рептилия умела дергать плечом, то делала бы это точно так же. — Я две объяснительные писала, Лерку Черников твой до истерики своими расспросами довел, она и уволилась. Я одна теперь и ни фиги на успеваю!

— Лера уволилась? — Рита посмотрела на пустой стул у дальней стенки возле мощного сейфа. Там стояла пустая карандашница и валялись разноцветные стикеры да грустила купюросчетная машинка.

— Ну да, — Казарцева вздохнула, — а ты не знала?

— Я на больничном была.

Рита отлично понимала, о каких склейках идет речь, но вот уж никак представить себе не могла, что за их наличие в выручке лишают премии сотрудников хранилища. По меньшей мере, это несправедливо, они-то тут при чем? Не Лерка же их в выручку накидала, и не Казарцева. А та подняла плечи, точно так спрятаться хотела, и проговорила еле слышно:

— Даже не знаю, что и делать теперь. У меня ипотека, платить надо каждый месяц, а мне на еду не хватает. Я так себе кредитную историю испорчу и ни один банк мне перекредитоваться не даст, или под бешеную ставку...

На глазах у нее появились слезы, Казарцева помотала головой, но это не помогло. Тогда она задрала голову и уставилась в потолок, часто-часто заморгала.

— Ничего себе, — просто так, чтобы что-то сказать, проговорила Рита. —

Это ужасно.

Как не хватает на еду, она помнила очень хорошо, еще и полгода не прошло, воспоминания не утратили свежесть. Казарцева вздохнула, поправила шарф на плечах.

— Сегодня постараюсь, — глухо сказала она, — ты же тут ни при чем. Не обещаю, но к вечеру сделаю. Если что — вали все на меня, как на мертвую.

В коридоре раздался топот, будто слона вели на поводке, но нет: это в полном составе в хранилище ввалилась группа рептилоидов, в смысле инкассаторов, до жути похожих в своих шлемах и прочей защите на существ из иного измерения. Казарцева засуетилась, принялась хватать одну за другой полные кассеты, попыталась расчистить место на столе, но без толку.

— Третья инкассация уже, — услышала Рита, — если я даже выживу, то меня все равно уволят. Да чтоб подохла та тварь со склейками...

Рита быстро ушла, почти бежала, не оглядываясь, пожелание Казарцевой еще звучало в ушах. Надо что-то делать, но что? Не предлагать же ей деньги, в самом деле. Убедить Тарновского, чтобы премию вернули? Так он ее, Риту, и послушал.

Телефон коротко прогудел на беззвучке, это оказалось сообщение от заказчика на прелести Мелиссы. «Сколько еще ждать, когда мне приехать?»

— Да хоть завтра, — бодро сообщил через пару минут Глеб, — все готово, ждем дорого гостя. Нам смываться?

— Само собой.

Рита подумала, что в последний раз она сама встретит клиента, дальше пусть этим занимается Глеб или Женя. В конце концов, не такой уж большой труд — показать заказчику, где что находится, и повторить с ним сценарий. А ей самой известность ни к чему, общение в мессенджере или по электронке гораздо спокойнее, что ли, для обеих сторон сделки.

Договорились на два часа, Рита пришла сильно заранее и убедилась, что все готово. Проверили камеры, сделали несколько пробных дублей при разном освещении, Мелисса все это время сидела в кухне и то разглядывала свой маникюр, то писала в мессенджер, телефон у нее непрестанно пиликал. Потом Глеб с Женей ушли, Мелисса принялась ходить по квартире с недовольным видом и все чаще поглядывала на часы над холодильником, как бы намекая, что оплаченное время давно идет. Заказчик опаздывал почти на полчаса, и Рита решила, что все отменяется, когда в дверь позвонили. Рита открыла, на пороге стояла Руснакова.

В подъезде был полумрак — надвигался дождь, и небо заволокли низкие тяжелые тучи, в коридоре она тоже свет не включала, но эту гриву узнала бы из тысячи. Мелкие кудри дыбились вокруг головы и падали на плечи, в полумраке блестели очки. Рита невольно попятилась, Руснакова нерешительно потопталась на месте.

— Мы договаривались насчет просмотра, — басом сказала Руснакова кодовую фразу. Ее Рита придумала сегодня утром и отправила в сообщении заказчику. Никто не мог знать ее, кроме них двоих, и тем не менее Руснакова произнесла именно ее, правда, не своим голосом. Первым делом Рите очень захотелось захлопнуть дверь, от страха задрожали руки, в коридоре стало еще темнее, точно из углов выполз туман и теперь быстро поднимался к потолку.

— Проходите, — мяукнула позади Мелисса, — мы вас заждались.

— Пробки, прошу прощения.

Гость шевельнулся, за его спиной показалась бледная от злобы соседка. Она промолчала, но по ее нехорошему взгляду было понятно, что она в бешенстве. Рита улыбнулась «Руснаковой» и отошла в сторонку. В коридор вошел высокий плотный мужик в китайской толстовке (или японской — фиг разберет) с розовой няшкой во весь живот, потертых джинсах и «казаках». Няшка держала в руках «калаш» и прижимала его к груди, но Мелисса разом затмила все анимешные прелести. Заказчик вошел в кухню и при свете дня потерял пугающее сходство с первоисточником. Он уставился на декольте Мелиссы, нетерпеливо постукивая пальцами по косяку, и, кажется, перестал соображать. Снял очки зачем-то, снова надел, положил телефон на стол и совершенно по-женски расправил свои жуткие волосища. На макушке у него имелась здоровенная лысина, растительность осталась лишь по краям проплешины, но довольно буйная, и было видно, что за ней хорошо ухаживают.

— Мне куда? — сдавленно спросил заказчик, Мелисса поманила его к себе и исчезла в коридоре. Кудрявый дядька ринулся следом. Рита решила его не останавливать, пустила дело на самотек — будь что будет. В конце концов, сценарий «фильма» — это условность, пусть импровизирует, как ему фантазия подскажет. Тихонько вышла из квартиры, и тут же захлопнулась соседняя дверь — седая жаба следила за каждым движением на площадке, а может, и сейчас следит, через «глазок». Рита сделала в сторону соседской двери неприличный, оскорбляющий человеческое достоинство жест сразу с двух рук, и пошла домой ждать результата.

Сообщение прилетело в половине двенадцатого ночи: «Вы позволите рекомендовать ваши услуги?» «Конечно, — быстро настрочила Рита, — также будем рады видеть вас снова». Посмотрела еще раз запись со своей камеры, дабы оценить это «все хорошо», посмотреть глазами клиента. Мелисса выглядела просто шикарно, ей было достаточно просто стоять или сидеть, или лежать в кадре, но обязательно анфас, в крайнем случае, вполоборота, чтобы клиент за себя не отвечал. «Учтем». — Рита перенесла запись в папку к похождениям Пофигиста и начала ждать рекомендаций. И дождалась, сработал принцип «не буди лихо», заявки поступали каждый день. К счастью, драконов и лошадей никто не заказывал, все было просто и незатейливо. Работа нашлась и для Жени, та повеселела и выглядела вполне себе обычно, но наотрез отказалась совмещать работу администратора.

— Я актриса, а не консьерж, — и весь сказ, уперлась рогом, и больше к этому разговору Рита не возвращалась. Зато второй уже раз за полгода ее посетила мысль об увольнении, на банк времени просто не оставалось, да и жалко было тратить его на не приносящую ничего, кроме нервотрепки, работу. И еще, вот уж не ожидала, но пришлось решать и эту проблему: налички стало слишком много. Держать деньги на карте Рита не рисковала, вклад также не открыть — безопасники в два счета обнаружат заначку, и тогда проблем не избежать. Заниматься покупкой новой квартиры времени нет, вот реально ни минуты, а ведь надо посмотреть все варианты, выбрать лучший и уговорить владельцев сделать дарственную вместо договора купли-продажи. Целая спецоперация, это с Лианом повезло, плохо, что второго такого нет. Но может, у него есть друзья? И опять же нет времени этим заниматься, да и в городе приличных домов раз-два и обчелся, и все как на ладони. А на квартиру в Москве

пока не хватает. Нет, на халупу с видом на МКАД вполне себе достаточно, но это не вариант даже в самом худшем случае. Рита спрятала пачки денег в облезлый, с полуоторванными колесиками чемодан, тот оказался забит почти наполовину. На дне валялся незнамо как оказавшийся тут листок с рекламой: «Уютный хостел в центре! Чисто и тихо, как дома! Низкие цены, уют и покой!» Рита разорвала его в клочки и выкинула в окно. И побежала к телефону, тот слабо попискивал, забытый в кармане сумки. Пофигист срочно, желательно сегодня, хотел Олесю на выпускном вечере, в описании сюжета фигурировало белое платье и вальс. «Хорошо, что не лошади», — порадовалась Рита и позвонила шлюхе. Та согласилась без раздумий за прежний прайс, но только послезавтра. Договорились, что платье она берет на себя, а вот с вальсом вышла заминка.

— Ладно, я сама. — Рита решила взять на день важных съемок отгул. Идея отказаться от личного общения с клиентами умерла, приходилось выкручиваться. Правда, послезавтра крайний срок для формы четырнадцать, но Казарцева прислала отчеты, как и обещала, осталось подставить цифры в сводную таблицу, с этим Руснакова запросто справится, и вообще Пофигист важнее, с ним на три часа договорились, надо все еще раз проверить. И тут позвонила Юлька.

— Форма четырнадцать сегодня, — легко и непринужденно напомнила она, — Милютин уже интересовался, когда все будет.

— А вы разве не отправили ему предварительный? — На часах было десять утра, в черновом варианте отчет должен быть готов еще вчера вечером.

— Нечего отправлять, — беззаботно выдала Юлька, — у меня данных нет.

И притихла, фоном послышался бессмертный перезвон адских колоколов. И ничего больше, точно Юлька в кабинете была одна.

— Что сказать Милютину, если он еще раз позвонит? — еле слышно проговорила она.

С такой скоростью на работу Рита уже давно не собиралась. Приготовленный теплый завтрак отправился в холодильник, губы она докрасила в лифте и уже всерьез подумывала, не вызвать ли такси. Передумала уже на полдороге, когда перебежала перекресток и уткнулась в забор. Еще не успела привыкнуть, что он здесь, пришлось мчаться обратно и в самом узком месте выскакивать на проезжую часть под гудки машин и вопли водителей. Все обошлось, Рита влетела в фойе и помчалась в свой отдел, на бегу здороваясь с коллегами. Юлька за своим столом покачивала желтыми ушами и грызла яблоко, Аньки не было, Руснакова смотрела в темный монитор. Вонь стояла невыносимая, такое впечатление, будто где-то под столом валялся пахучий бомж или ее подчиненные разом перестали соблюдать все правила личной гигиены. Отсутствие Аньки в отчетный период само по себе было хамством в высшей степени, Рита решила оставить это на потом. Она подошла к Руснаковой, та с идеально прямой спиной сидела за заваленным бумагами столом и водила мышкой. Компьютер при этом оказался выключен.

— Наталья, — Рита не верила своим глазам, — Наталья, вы что делаете? Где отчет?

Руснакова медленно повернулась всем телом, задрала голову, приоткрыла рот и радостно улыбнулась.

— Риточка, добрый день, я очень рада вас видеть. Хотите пирожных, у меня

есть несколько штук, я специально для вас купила.

Она вытащила из верхнего ящика стола пластиковую коробку с эклерами и принялась открывать ее. Пластик трещал, заклепки прочно сидели на своих местах, Руснакова их точно не замечала и остервенело драла пальцами крышку, эклеры слиплись, крем заляпал стенки коробки.

— Сейчас, сейчас, — бормотала Руснакова, — не открывается. Кто так делает, какая сволочь... Я сейчас, Риточка, сейчас...

И победила-таки, разодрала коробку сбоку, крышка выгнулась, и два эклера вывалились на стол. Руснакова вдруг начала играть с ними, она смешно сжимала пальцы, пыталась ухватить пирожное, но постоянно промахивалась. Она походила сейчас на лапу-хваталку из автомата с мягкими игрушками или прочей ерундой. Рита в детстве один раз даже вытащила так голубого зайца, а мать в тот же день выкинула его из окна, мотивируя тем, что игрушка грязная и вообще голубых зайцев не бывает. Руснакова тем временем справилась с одним эклером, зацепила его когтями, занесла над коробкой и уронила на распечатки, документы покрылись жирными пятнами.

— Прекратите, — Рита еле сдержалась, чтобы не ударить ее по рукам, — вы в своем уме?

И пристально посмотрела на Руснакову. Та медленно-медленно, точно богомол, подняла голову с запотевшими очками на носу, снова улыбнулась и нежно взяла Риту за руку.

— Риточка, вы так прекрасно выглядите, — выдохнула Руснакова, — я подарю вам швейцарские часы. Они настоящие, не сомневайтесь, золотые, с прекрасным механизмом, правда, стекло чуть-чуть поцарапано...

— Наталья, отчет! Сегодня надо сдавать отчет! — Рита вырвала руку и схватилась за телефон. «Милютин второй раз хочет отчет», — пришло от Юльки в мессенджер. Сама она так и сидела спиной к Руснаковой и демонстративно не принимала участия в происходящем.

— Я просто подарю, даром, вам от себя на память! — Руснакова неожиданно резко вскочила с места, ее качнуло, да так, что очки слетели с носа. Руснакова засмеялась, смешно замахала руками около лица, точно воздух на себя нагоняла, вонь стала еще сильнее. Руснакову мотнуло снова, она в последний момент ухватила за край стола, ноги у нее подкосились, и тут Рита поняла, что тетка пьяная. В хлам, в дрова, в стельку — любое определение в точку, и воняет именно от нее, похоже, зажевывает чем-то, чтобы скрыть запах спиртного.

— Какая я неловкая, — Руснакова неторопливо приняла вертикальное положение, — это ужасно. Риточка, я прошу прощения, у меня, кажется, температура и очень болит голова. Но я все сделаю!

Она сгребла со стола бумаги, перевернув коробку с эклерами. Рита поймала их в полете и швырнула на Анькин стол. Та точно этого и ждала, ввалилась в кабинет с красной зареванной мордой, буркнула что-то вроде приветствия и двинула к Рите.

— Потом! — крикнула та. — Мне некогда! Не подходи!

Анька оторопела, Юлька, по-прежнему безучастная к происходящему, слушала тяжелый рок. Рита схватила Руснакову под руку и потащила к себе в кабинет. Чувство такое, будто волокла на себе матрас: вроде и не тяжело, но чертовски неудобно, и матрас живет своей жизнью, шевелится, дергается во все стороны и норовит выскользнуть из рук. Кое-как доволокла Руснакову до сво-

бодного стула, буквально швырнула на него и захлопнула дверь, для верности еще и на ключ закрыла. Руснакова немедленно уронила башку на руки и раскидала гриву на половину стола. Рита схватила алкашку за плечи, потрясла, но та лишь мычала что-то невнятное. Растирание ушей тоже не помогло, Руснакова лишь похихикала немного и снова вырубилась. В дверь робко постучали, потом дернулась ручка.

— Нельзя! — рявкнула Рита. — Я занята!

— Я на минуточку, — пискнула Анька, — это срочно.

«Да чтоб тебя!» Рита еще раз встряхнула Руснакову, и та вдруг пришла в себя, села, как всегда, идеально ровно, сложила руки перед собой. Ну просто пионерка-отличница, только «мочалка» на голове дыбом и тухляком так разит, хоть беги. Рита шагнула к двери, налетела на мусорку, сбила ее, из корзины вывалились бумажки. «Мать твою!» Рита быстро покидала их обратно, отнесла корзинку подальше, к окну и тут заметила, что дом с химерой снизу доверху затянут строительной сеткой. Химера аж спину выгнула от удивления и подозрительно смотрела вниз, а в дверь снова скреблась Анька. Рита повернула ключ и встала на пороге. Анька подняла зареванную рожу и подала Рите бумажку.

— Что это? — Рита от души понадеялась, что это заявление на увольнение, но нет. «Беременность пять недель», подпись врача и дата, сегодняшняя.

— Требую перевод на более легкую работу, — сказала Анька, — я не могу...

— Прямо сейчас? — Стараясь не орать, уточнила Рита. Анька кивнула пегой башкой и шмыгнула носом.

— Будешь отвечать на телефон, — сказала Рита. — Ничего тяжелее трубки не смей поднимать. Завтра я найду тебе гарнитуру.

— Анечка, я так рада за тебя, у тебя будет чудесный малыш, — прогудела Руснакова, — покушай пирожные, они свежие...

И снова грохнулась грудью на стол. Анька вытаращила глаза, Рита вытолкала ее вон и захлопнула дверь. Зазвонил телефон, Рита бросила Анькину справку в ящик стола, вытащила мобильник.

— Мелисса приперлась, — сообщила Женя, — просто бешеная. Говорит, что за последнюю съемку ты рассчиталась с ней фальшивыми деньгами и ее чуть не арестовали в банке. Требуется тебе немедленно, полицией грозит.

Руснакова сладко захрапела, поудобнее устраиваясь на столе. Рита опустила мобильник, зажмурилась в надежде, что, когда откроет глаза, кошмар развеется сам собой. Но фиг там, Руснакова пускала слюни на документы, Женя говорила что-то быстро и неразборчиво, слышался еще один голос — фоном орала Мелисса, причем выражений не выбирала. Да, они перешли на расчеты наличными, чтобы банк не заблокировал карту из-за подозрительных платежей, и вообще наличка надежнее, она всем теперь платила только налом, снимала с карт сама. «Как — фальшивками? Я давно склеек не делала, не может быть», — Рита лихорадочно вспоминала тот день в хранилище, когда еще там работала Лерка. Просто заменила свои клейки на инкассированную наличку, проверенную детектором банкнот. Или не проверенную, или их тогда только подготовили к проверке? Получается, она зацепила несколько фальшивок, те попали к Мелиссе, она потащила их в банк платить свою ипотеку и чуть не загремела в полицию. Регламент во всех банках примерно одинаковый, кассир обязана вызвать ментов, если клиент платит фальшаком, ну и свою СБ тоже,

само собой. Мелиссе еще крупно повезло, что ее так быстро отпустили.

— Я сейчас буду, — сказала Рита и отбилась. Руснакова сладко спала, ей даже съехавшие набок очки не мешали, воняло так, будто Руснакова целиком состояла из тухлых, никогда не стиранных носков. Рита приоткрыла окно, шагнула к двери, потом к столу, снова к двери. Ничего, она успеет, быстро разберется с Мелиссой и сразу назад, эта дрянь и проснуться не успеет. Если закрыть ее здесь на полчаса, то ничего не произойдет. Телефон дрогнул, загудел, посыпались сообщения: поля, поля, бескрайние лавандовые поля до горизонта, серые крепостные стены, снова поля, снова лаванда во всех видах, чья-то голова в зеленых очках посреди кустов, прорва туристов в процессе селфи, снова поля, солнце и, наконец, сама Ирка. Только что слюни не пускает на манер Руснаковой, лыбится блаженно и прикрывается охапкой лаванды. «Это рай, чудо, это праздник, девочки!» На тридцать шестой фотке телефон успокоился, Рита выскочила из кабинета. Дело шло к полудню, через три часа придет Пофигист, всего через три часа!

— Наталья поработает там, чтобы не отвлекаться, а я на совещание, — Рита пролетела мимо надменной Юльки. Анька дожираала эклер и возила пальцем по стенкам коробки, подбирала крем. К горлу вдруг подкатила тошнота, Рита выскочила вон и помчалась успокаивать Мелиссу.

Ее было слышно уже на площадке, даже закрытая входная дверь не спасала, казалось, что вопли несутся из коридора и там началось что-то вроде драки. Рита притормозила на последней ступеньке и едва удержалась, чтобы не врезаться по двери соседней квартиры: соседка особо не скрывалась, в просвет между створкой и стеной виднелись чертовски похожие на парик осветленные до прозрачности густые патлы. Тетка заметила Риту и спряталась, та сделала-таки неприличный жест в сторону вражеской двери и вошла в свою квартиру.

— Да я в полицию! В суд на вас подам, да я вас всех посажу! — орала Мелисса. Она чуть ли не подпрыгивала у холодильника и тыкала пальцем в сторону рассыпанных по столу денег. На табуретке Глеба развалилась Олеся в школьном платье с белым фартуком и кружевными воротничком и манжетами и с интересом поглядывала то на бледную от злости Мелиссу, то на деньги. Женя, особенно яркая, как всегда после покраски, прямо солнышко в кухню закатилось, пайнкой сидела напротив и издали рассматривала деньги, глядела на них точно на невиданную ранее тварь вроде гигантской бабочки — и красиво, и страшно, вдруг укусит. Башка-то у нее вон какая, тупнет и улетит, крылья тоже ничего себе, с ладонь...

— Курва ты, — Мелисса кинулась к Рите, — беспредельщица! Я тебе устрою, погоди!

— Не ори, — Рита оттолкнула ее к холодильнику, тот затрясся и загудел от удара.

— Меня чуть не посадили, хорошо, что я не все их отдать успела! Ты это нарочно, нарочно, да?

Мелисса бесновалась поодаль, Рита взяла купюру, подошла к окну. Не склейка, вполне себе целая, без видимых признаков повреждения. Рита так и этак крутила купюру, терла в пальцах. Бумага показалась жестковатой и на ощупь явно отличалась от «родной», госзнаковской, но и только. «Подделка, и очень хорошего качества». Рита смотрела купюру на просвет: все признаки

подлинности были на месте, но это только на первый, невооруженный взгляд. Банкомат ее принял без проблем, подделка обнаружилась в момент проверки валидатором. В их хранилище подделку обнаружили бы моментально, значит, тогда просто не повезло. «Конкуренты поганые». Рита просмотрела остальные купюры, что щедро раскидала по столу Мелисса, но они казались подлинными, опять же на первый не очень-то опытный взгляд.

— Ты нарочно, да? — бухтела от холодильника Мелисса? — Как удобно: и фальшивку сбагрить, и от меня отделаться!

— Ерунду не пори, — огрызнулась Рита.

— Ты со всеми так считаешься? — с улыбочкой поинтересовалась Олеся. Она закинула ногу на ногу, на белых гольфах красиво заболтались кисточки, пришитые чуть ли не под коленками.

— Чего вырядилась, рано еще, — буркнула Рита.

— Вхожу в образ невинной пионерки, — Олеся поправила бретельки фартука с «крылышками», Женя фыркнула и принялась раскладывать купюры по столу, будто пасьянс. Мелисса подскочила к Рите и схватила ее за руки, сдавила с неженской силой, перед глазами появился газовый баллончик с перцовкой.

— Я тебе сейчас зенки выжгу, — прошипела Мелисса, — сука, дрянь...

Рита врезала ей носком туфли по голени, Мелисса задохнулась от боли, разжала пальцы, баллончик упал на пол. Олеся выпрямилась, вжалась в стену, Женя будто ничего не замечала, перекидывала купюры, точно невзначай пнула баллончик, и тот улетел к окну.

— Сука ты, — Мелисса потирала ногу, — фингал же будет.

— Мозги включи, если они у тебя вообще есть, — сказала Рита, — на кой черт мне это нужно? — Она показала на стол. — А Глеб где?

— Без понятия, — Женя сложила купюры пирамидкой, — свалил куда-то. Да я сама камеру включу.

— Я и сама могу, — встряла Олеся, — чего там, две кнопки нажать.

— Не лезь, — Рита прикидывала, сколько денег у нее с собой. По всему выходило, что не хватит, придется снимать или лезть в заветный чемодан, а фальшивки попозже, когда все уляжется, обменять на нормальные деньги. Но первым делом надо успокоить Мелиссу.

— К твоему сведению, в банке каждый день при инкассации наличных изымается фальшивок на несколько сотен тысяч рублей. Многие из них высокого качества, их техника распознать не может.

— Пофиг мне, — завизжала Мелисса, — я ежемесячный платеж пропустила, теперь мне банк испортит кредитную историю и ставку по ипотеке повысит! Ты иди им, — она ткнула пальцем куда-то в коридор, — это расскажи!

И тут в дверь позвонили. Громко так, по-хозяйски, точно знакомый человек, что был тут уже не раз и не два, и уверенный, что ему немедленно откроют. Мелисса вытаращила глаза, Олеся вскочила, Женя обернулась.

— Кто это? — раздался общий шепот. Все переглядывались со страхом и недоумением, Женя опасно выглянула в коридор, и тут звонок повторился.

— Клиенту рано, — она смотрела на Риту так, будто та знала ответы на все вопросы. Рита сгребла деньги со стола и снова оттолкнула Мелиссу — та кинулась спасать остатки гонорара.

— Сядь, мать твою, не будь дурой. Отдам, потом отдам, с процентом, — Рита

встала между ней и баллончиком, что так и валялся на полу, — или я тебе сама зенки выжгу. Сядь и улыбайся, что бы ни случилось. И ты, и ты сядьте, быстро.

Олеся опустилась на место, как опавшее воздушное безе, Женя зачем-то ухватилась за край табуретки и все поглядывала в коридор. Мелисса подвинула Олеся, чуть ли не на колени к ней взгромоздилась. Рита сунула деньги и перцовку в сумку, подошла к двери и прислушалась. С той стороны говорили двое, один голос был женский, чуть визгливый и недовольный, второй мужской, глухой и невнятный, слов было не разобрать. Над головой грянул третий звонок, Рита вздрогнула.

— Не открывай, — прошептала Женя, — нас нет дома, пусть валят.

— Может, продаваны шарятся, — предположила Олеся.

Это вряд ли: территория охраняется, и «коммерсантам» сюда путь заказан. А голоса за дверью стали громче, в дверь уже постучали, причем довольно сильно.

— Мамочки, — охнула Женя, — я сейчас Глебу позвоню.

— Сидеть, — рыкнула Рита и открыла дверь. На площадке стоял полицейский с погонами капитана, молодой, плотный, как бычок, парень. Ростом он едва доходил Рите до виска, но смотрел бодро, даже нагло, по-хозяйски ввалился в прихожую, огляделся. Точно невзначай поправил короткую форменную куртку, под ней на ремне имелась застегнутая кобура, от пистолетной рукоятки тянулся к поясу тонкий кожаный шнурок.

— Вот она, вот, — раздалось с площадки, — про нее я вам говорила. Это сводница, она притон тут устроила!

Соседка отклеилась от стенки и торжествующе глянула на Риту. Полицейский осмотрелся в коридоре, в кухне все стихло так, что упади на пол муха — было бы отлично слышно, примерно, как тарелка разбилась.

— Организаторам притона грозит уголовная ответственность, от штрафа в сто тысяч рублей до лишения свободы на срок до пяти лет, — проговорил полицейский. Осмотрел Риту, заглянул в ванную и двинул дальше по коридору. Соседка сунулась следом, Рита с размаху захлопнула дверь у нее перед носом. В кухне по-прежнему было очень тихо, полицейский так и застрял на пороге. Рита выглянула у него из-за плеча. Мелисса с Олесей прижались друг к другу точно котята, жалобно моргали и только что не мяукали. Женя вытянула свои роскошные ноги поперек кухни и рассматривала маникюр, точно ничего интереснее в мире не существовало.

— Ну, — сказала Рита полицейскому на ухо, — где вы видите притон? Это мои подружки, они пришли...

— Чаю попить. — Женя балетным шагом подошла к плите и включила газ, правда, чайник поставить на него забыла. Полицейский сел на ее место, снял фуражку и положил папку на стол. Олеся сложила руки, точно школьница за партой, Мелисса сделала губки «уточкой».

— Вы нас будете допрашивать? — мяукнула она. Рита схватила телефон и принялась писать Мелиссе.

«Сиськи доставай». — «Еще чего. Я даром не работаю». — «Я заплачу, давай, включайся». — «Снова фальшивками? Иди на фиг». — «На карту кину. Или вместе в банк пойдем и проверим». — «Я уже сходила в банк, спасибо». — «Двойной тариф».

— Заявление на вас поступило, — «бычок» пригладил рыжеватые волосенки и принялся копать в папке. Мелисса тем временем расстегнула «молнию» на толстовке и поставила локти на стол.

— Давненько меня не допрашивали, — она закатила глаза к потолку, — в последний раз это было так...

— Романтично, — Женя принесла с лоджии еще одну табуретку и села рядом с полицейским так, будто забыла надеть юбку. Олеся расправила свои фотогеничные кости и принялась поигрывать «крылышками» фартука.

— А вот меня ни разу не допрашивали, — обиженно сказала она, — так и жизнь пройдет. В неведении.

— От кого заявление?

Полицейский вытащил из папки исписанный сверху донизу листок, повернулся и врезался коленом в Женькины ноги. Та и не подумала подвинуться, Мелисса убрала локти, подперла щеку одной рукой, и полицейский устался на ее источник постоянного дохода. Рита аккуратно забрала заявление, быстро пробежала глазами строки: «В квартире номер... организован притон, проститутки принимают клиентов за плату... распиваются спиртные напитки... шум, музыка в часы тишины... подозрительные личности, всегда разные... возможно, это место сбора террористов...» Заканчивался этот бред просьбой разобраться в ситуации, призвать к ответу хозяйку борделя и привлечь ее по всей строгости закона. Адрес и фамилия-имя-отчество жалобщицы имелись в «шапке» — гримза из соседней квартиры по фамилии Шувалова.

— А как вы обычно допрашиваете, — томно спросила Женя, — вы применяете спецсредства? Если у вас с собой нет, я могу дать на время, только надо найти. Куда я их положила, не помню. Олеся, у нас были наручники, такие, меховые...

Олеся задумчиво почесывала подбородок и улыбалась полицию, Мелисса сняла толстовку и осталась в майке на тонких бретельках. Запрещенный прием, конечно, но скоро придет Пофигист, времени нет. Пискнул телефон.

«Ты что, ее била?» — прилетело от Юльки. «Нет. С чего ты взяла?» — Рита отошла в коридор, краем глаза наблюдала за происходящим. «Бычка» плотно взяли на веревочку, да он особо и не сопротивлялся, оставалось только немного ускорить события. «Она там плачет, даже воет. Аньку тошнит, она тоже плачет. Я не могу работать в такой обстановке!!! Я тоже сейчас заплачу или уйду на больничный». — «Держись, я скоро приду». Юлька что-то ответила, но Рите было не до того, она вернулась в кухню.

— Какие претензии ко мне?

Полицейский глянул с безумным видом, потянулся к заявлению. Женя толкнула его коленкой, «бычок» покачнулся, Мелисса подалась вперед. Полицейский застыл на месте.

— Соседи жалуются, — он не сводил с Мелиссы глаз, — что шумите, отдыхать мешаете.

— Мы мешаем? — уточнила белоснежная Олеся. — Девочки, мы мешаем, представляете! Кому мы можем помешать?

— Да, кому? — возмутилась Женя и впечатала коленки в полиция. — Что за наглость, в самом деле! Мы просто давно не виделись, собрались чаю выпить. Хотите чаю?

Если «бычок» чего-то и хотел сейчас, то уж точно не чаю. Мелисса гладила

капитана по руке, Женя запустила пальцы ему в волосы и села на колени. И точно невзначай положила его ладонь себе на бедро. «Сопrotивление бесполезно». — Рита забрала со стола заявление, положила пока на холодильник, чтобы потом разорвать в клочки и скормить их Шуваловой. И все равно она не успокоится, напишет еще одно, второе, третье, пятое — не даст работать, короче. Надо что-то срочно решать.

— А притон? — не отставала Рита. — Где вы видите притон? По-моему, это клевета, я со своей стороны напишу заявление о ложном доносе!

Вряд ли полицейский ее слышал: Мелисса повернулась к нему в профиль и выгнула спину, Женя что-то шептала капитану на ухо, и только одна Олеся берегла себя для работы. «Быстрее», — одними губами проговорила Рита, Мелисса кивнула еле заметно, отвела взгляд.

— Допроси меня, — она легла животом на стол, — ну пожалуйста. Я скажу все, что знаю, а знаю я очень много! Тебе дадут медаль за раскрытие опасного преступления.

Рита бросилась в комнату, уже подготовленную для съемки «выпускного», поставила на шкаф свою маленькую камеру и включила ее. И еле успела вернуться — по коридору топал «бычок» в обнимку с Женей и Мелиссой. Женю он неуверенно держал за задницу, Мелисса прижималась грудью к капитанскому плечу и еле заметно скривилась, проходя мимо Риты. В кухне сучала Олеся, она закинула ноги на табуретку и листала ленту в телефоне.

— Ему и одной-то много, — пробормотала она себе под нос, — тоже мне, герой-любовник.

— Приберись тут потом, — Рита порвала заявление в мелкие клочки, выбросила их в ведро и принялась рыться в ящиках стола. Где-то был, она сама его видела недавно, вот тут лежал... Нашелся наконец обычный канцелярский нож с выдвижным лезвием, острый, как бритва, им было удобно коробки и упаковку резать, когда переезжала. Олеся косо глянула на Риту и села нормально.

— Форс-мажор, — она прислушалась: из комнаты доносилось хихиканье, потом понеслись звуки иного рода. Олеся хмыкнула.

— Короче, жди, я пошла, — Рита положила нож в карман сумки, — отзовитесь потом. У тебя еще два часа, думаю, им хватит. Постарайся сделать так, чтобы этот мент тебя больше не видел.

Олеся кивнула, Рита вышла на площадку. Подумала, что карточку придется обнулить, а для верности воспользоваться содержимым чемодана. Жалко до чертиков, но и так бывает, непредвиденные расходы, мать этой Шуваловой за ногу. Вот же дрянь.

И принялась резать ей ножом обивку двери, располосовала сверху донизу, сначала слева-направо, потом в обратном порядке, потом снизу-вверх, пока ключья обивки не повисли. За дверью было тихо-тихо, точно старая кляча от страха дара речи лишилась или свалила куда-нибудь, вот сюрприз ей будет, когда вернется. Рита сунула лезвие в замочную скважину, провернула резко, металл сломался и намертво застрял внутри. Теперь Шуваловой придется менять всю дверь полностью, это слабое утешение, но хоть что-то. Рита пошла вниз, на первом этаже бросила остатки ножа в шуваловский почтовый ящик и направилась в банк. Шла и думала, что аккумулятора ее камеры хватит на девять часов записи и что Шувалова права: с квартиры придется съезжать.

Коробка из-под эклеров так и валялась на Анькином столе. Та сторбилась на своем стуле, вот реально скрючилась, будто у нее живот прихватило. Юлька стояла напротив, их разделял только монитор.

— Я буду как на иконе, мать с младенцем, — огрызалась Анька, — я и мой ребеночек на руках!

— А мы будем на тебя молиться? — Юлька придвигалась все ближе, бежать Аньке было некуда, если только стенку проломить.

— Да! — со слезами выкрикнула она. — Да, будете! Еще как будете!

Юлька обернулась к Рите и шумно выдохнула через губу.

— Сумасшедший дом какой-то. Рит, а можно как-то...

Рита быстро прошла мимо — мысль о плачущей Руснаковой не давала покоя. Но сейчас в кабинете было тихо, только воняло какой-то кислой дрянью. Юлька сунулась было следом, Рита закрыла дверь и принялась трясти за плечи спавшую в кресле Руснакову. Та мычала что-то невнятно, трясла башкой, очки свалились на стол. Вонь стала еще сильнее, и только сейчас Рита заметила рядом корзинку для бумаг, всю заляпанную рвотой. «Ох ты ж мать твою!» — Пришлось открывать окно, Руснакова тяжело шевелилась и стонала. От нее воняло свежим перегаром. Рита выглянула в кабинет.

— Идите домой.

Юлька устала на нее, Анька вскочила, потянулась к сумке.

— Идите, идите, я сама все доделаю.

— Точно? — Юлька намотала на руку ремень сумки. — Еще два часа...

— Точно, точно, — вот уж не ожидала, что придется повторять. Анька смылась первой, Юлька покрасила губы, накрутила «гульку» на макушке, пристроила наушники, чтобы не разрушить конструкцию, и неторопливо удалилась. Руснакову снова рвало, Рита отошла в сторонку и ждала, когда все закончится.

— Простите, — мычала алкашка, — простите, пожалуйста. Я больше так не буду. Мне так плохо одной, так одиноко без Вити... Я отработаю, я...

Рита заставила ее встать, взяла под руку. Руснакова сгребла свою кошелку, внутри весело звякнули бутылки. Это было, мягко говоря, невежливо, вернее, просто хамски, но Рита заглянула внутрь. Там обнаружили три чекушки из-под водки и два коньячных мерзавчика, все пустые. «Это что, она тут без меня накидалась?» — осенило Риту. Она еле сдерживалась, чтобы не надавать Руснаковой пощечин, если бы это помогло. Помогло бы выкрутиться и перед кадрами, и перед безопасниками, она сама ведь билась за эту пьяную корову. «Неверно просчитала мотивацию». Вспомнилась упитанная красotka Латова с прекрасным резюме, но поезд давно ушел.

— Пошли, пошли, — Рита из последних уже сил встряхнула Руснакову и поволокла неповоротливый «матрас» прочь. К счастью, той хватило ума заткнуться, но удивленных взглядов они поймали предостаточно. Рите удалось дотащить Руснакову до скверика сбоку от входа в банк, она буквально швырнула алкашку на лавку, бутылки в сумке снова весело зазвенели.

— Риточка, Риточка, — бляела Руснакова, — простите, я очень виновата...

— Еще раз — и я выкину вас на улицу. По статье. Вас даже селедкой торговать не возьмут.

И ушла наводить порядок в кабинете, доделывать отчет. Руснакова что-то мычала вслед, снова звенела пустой посудой, но Рита думала только об одном:

уволить эту гадину будет очень непросто. Во-первых, придется признать свою ошибку, а это очень неприятно, и о сегодняшнем случае скоро заговорит весь банк. А во-вторых, может, это и правда больше не повторится. Ведь не дура же она в самом деле.

Немного полегче стало вечером, когда Рита смотрела самое длинное кино из всех, что они снимали. Ее камера добросовестно отпахала шесть с лишним часов, причем первые полтора изобиловали пикантными деталями. Особенно Рите понравился момент, когда полицейский достал табельное оружие и галантно подал его Мелиссе, и та с присоседившейся Женей вытворяли со стволом бог знает что. После такого смотреть на Олесю с Пофигистом было не так интересно, Рита выключила ролик на половине. Было видно, что «пионерка» отработала как надо, да и клиент заплатил, претензий не было — уже хорошо. Правда, этих денег не хватит, чтобы покрыть гонорар Мелиссы, а ведь надо отдать еще долю Глебу и Жене. Мысль об убытках несколько отравила спокойный вечер, под конец Рита смирилась с мыслью, что придется слегка распотрошить содержимое чемодана. А завтра доделать форму четырнадцать, отчет для компаенс и собрать совещание по поводу переезда.

— А чего тебе тут больше не нравится? — удивился Глеб. — Место хорошее, в центре, всем удобно, а дураков везде полно. Эта курица все поняла, думаю. Кто-то ей дверь порезал, бедняжке. Ты не знаешь кто?

— Без понятия, — Рита прошлась по кухне, где проходило совещание. Женя досматривала сериал с блондинкой, та верхом на красном драконе увлеченно жгла корабли. Рядом бесчинствовали еще две рептилии, зеленая и черная, причем абсолютно безнаказанно по причине отсутствия на кораблях хоть какого-то ПВО. Женя явно болела за черного, которого обстреляли из луков, но стрелы монстру были что слону дробина.

— Она не успокоится, — Рита показала на стену в полной уверенности, что гримза Шувалова вот прямо сейчас, сию минуту прислушивается к звукам с вражеской территории. — Она будет гадить исподтишка или задолбает полицию заявлениями, а те обязаны реагировать. Я не хочу работать на взятки. И представь, если участковый завалится сюда во время съемки. Что ты скажешь клиентам? Они все разбегутся.

Глеб потер подбородок и схватил Женю за коленку. Женя вздрогнула и послала Глеба куда подальше — так увлеклась сериалом. Рита ходила туда-сюда, а в голове кипела каша: и заказов на съемки полно, и сюда клиентов звать опасно, и чертов отчет сам собой не сделался почему-то. Одна надежда, что Руснакова, хоть и после вчерашнего, родила приблизительные данные, их можно сунуть Милютину в зубы, а потом добить уточненкой.

— Нежные все стали, — пробормотал Глеб, — подумаешь, менты. Не открывать, делов-то. Они не могут дверь сломать, им нельзя без ордера.

— На ментов пофиг, а на клиентов? Поставь себя на их место.

Глеб поставил и поморщился.

— Плохой сервис.

— Это уже не сервис, это вообще непонятно что.

Женя закрыла ноут, потянулась, вытянула ноги на полкухни.

— А что ты предлагаешь? — повернулась она к Рите. — Я поняла, что надо съезжать, но куда?

«Если бы я знала». Накрыла вдруг злость на эту парочку, им явно плевать и

на бизнес, и на клиентов, и на себя самих, если задуматься, тоже. Еще год-два, и им придется искать себе новое занятие, бизнес специфический, старикам в нем не место, а эти двое уже, честно говоря, скоро выйдут в тираж. Неужели не понимают?

— Нужно другое помещение, больше этого и обязательно в центре, чтобы всем было удобно, — неуверенно произнесла Рита. Эта мысль гвоздем засела в сознании и даже оттеснила на задворки форму четырнадцать, будь она неладна.

— И чтоб никто не догадался, чем мы там занимаемся, — пробормотал Глеб, уткнувшись в смартфон. Женя поджала коленки и сделалась остро-угловатая, точно школьница-переросток.

— Салон красоты, — сказала она, — самое лучшее. Нанять для вида парочку маникюрш и косметолога, реальных, и никто ничего не заподозрит. Как тебе?

«Супер!» — едва не вырвалось у Риты. Идея была отличная, странно, что ей самой такой вариант в голову не пришел. Салон красоты — это в точку, это нормально, что там всегда полно народу обоих полов: мужики тоже следят за собой и тем же маникюром не брезгуют. Гениально.

— Займись, — Рита посмотрела на Женю, — ищи в центре, и чтобы с ремонтом, желательно в нейтральных тонах, белый там или бежевый. Варианты сама смотри, мне покажешь лучший, я сниму его.

— Ты хоть представляешь, какие это деньги? — Глеб оторвался от игрушки в телефоне.

«Да какая разница, лишь бы скорее». Рита улыбнулась, держа язык за зубами. Да сколько бы ни стоил, она сначала снимет, а потом выкупит салон для себя, а эту квартиру сдаст или продаст, на радость Шуваловой. «Вот уж не думала, что так получится», — но это были просто мысли, от осознания, что с квартирой придется расстаться, не было ни одной эмоции, вот ни единой: ни жалости, ни тоски. Недвижимость — это деньги прежде всего, она найдет себе другую, здесь или в центре Москвы, и вот тогда можно жить в свое удовольствие, а эти двое как хотят.

— Займись, — повторила Рита. Женя дернула бровью и открыла ноут. Рита вышла на площадку, полюбовалась кое-как заклеенной скотчем обивкой соседской двери и раскуроченной личинкой замка и пошла в банк. Обед заканчивался, приходилось торопиться — отчеты сами не делаются, к сожалению.

На входе в банк она едва не столкнулась с Анькой, та летела, не глядя по сторонам, и вряд ли что-то видела перед собой. В том числе и ступеньки, довольно низкие и плоские, на ее коровье счастье: Анька споткнулась на верхней и странно, что живой добралась до первой, ног не переломав. Притормозила, огляделась, помахала в пространство зажатым в руке мобильником и исчезла за елками справа. Рита посмотрела вслед обезумевшей овуляшке, миновала охрану и вошла в фойе. Народу тут всегда было полно, у банкоматов и терминалов собирались небольшие очереди, раздавались приятные мелодичные звуки вызовов из оперзала, когда на табло появлялся очередной номер электронной регистрации. В основном движуха шла точно напротив входа, а вот у левых дверей из матового стекла всегда было немногочисленно. Там обслуживались vip-клиенты, и они на входе не задерживались, от крыльца пробегали к могучей, из закаленного стекла, створке и скрывались внутри. И сейчас в эту самую дверь пыталась войти Руснакова. Ну, как пыталась, топталась у

створки, помахивала поредевшим за ночь мочалочным «хвостом» и бубнила что-то в мобильник. Рита подошла поближе, в темпе перебирая причины, кои могли привести алкашку к виповской двери, и не находила ни одной. В уме крутилось одно: это «белочка», Руснакову посетил упоротый грызун, и тетка сейчас примется долбать в дверь руками, ногами, а то и лбом, а отвечать ей, Рите. «Где охрана?» Рита помнила, каково это, таскать на себе тяжеленный и неудобный «матрас», завертела головой. Руснакова меж тем обернулась, и Рита в последний момент успела отскочить за колонну с позолоченной капителью — у прежнего владельца помещения был истинно купеческий вкус, он лепил самоварное золото на все выпуклые поверхности, только до крыши не добрался, когда здание пришлось продавать. Новые хозяева позолоту с грехом пополам отмыли, но кое-где она еще оставалась, в таких вот недосягаемых местах. А перед «особенной» дверью стоял клиент, что недавно напугал Риту на пороге ее собственной квартиры. Только был он сейчас не в толстовке с анимешной няшкой, а во вполне себе деловом сером костюме и приличной обуви, идеально подходящей к серому оттенку легкой ткани. Дверь открылась точно сама собой, «Руснакова» перешагнул порог и пропал.

Рита вышла из-за колонны и пару мгновений смотрела на матовую створку. «Кто ж ты такой? Она до того задумалась, что не заметила кадровичку Галанову. Той пришлось хватать Риту за рукав, сердце снова екнуло, на этот раз от неожиданности.

— Как твоя новенькая, — спросила Галанова, — проходит адаптацию? У нее скоро тесты, она в курсе? Напомни ей, пожалуйста.

— Все в порядке.

Врать Рита не любила, но деваться было некуда. Адаптация проходит нормально, две водки и коньяк прекрасно помещаются в одно лицо, обеспечивая последнему крепкий нездоровый сон. «А если она узнает?» — Рита вдруг отчетливо представила себе весь ад, что неминуемо развернется у нее под ногами. Понятно, что Руснакову выкинут в тот же день, а вот ее саму местная инквизиция в лице вертухайки Шумилиной будет терзать очень долго, в одних объяснительных утопят.

— Что такое? — Галанова будто почуяла неладное. — Что-то случилось? Ты скажи, пока она на испытательном сроке, все можно исправить.

Точно круг спасательный кидала, но поведать ей ужасную правду Рита была пока не готова.

— Да отчет, чтоб его, — быстро перевела она разговор на другое, — депозитарий и доп. офисы накосячили. Каждый раз одно и то же, хоть стреляй их. Пойду разгребать.

Галанова понимающе вздохнула и пропустила Риту.

— Про тесты не забудь! — донеслось уже в спину, Рита махнула ей и пошла к себе.

И с порога была схвачена Юлькой, та будто за дверью ждала, как в детстве, когда в подъезде, в полумраке, с криком «аааа!» бросались на вошедшего, чем пугали его до смерти. Сейчас у Юльки получилось не хуже.

— Иди, иди сюда, скорее, — она потащила Риту к окну, — скорее, а то все закончится.

Но Рита первым делом посмотрела на Руснакову. Та кивнула с важным видом и вернулась к документам — вносила из бумаг цифры в таблицу и каж-

дый раз сверялась с исходником. Тухлый запашок в кабинете еще витал, но не такой явный, как несколько дней назад.

— Быстрее, быстрее, смотри! — Юлька чуть ли не прыгала у подоконника, подтолкнула Риту вперед. Она посмотрела на ветки клена с ярко-зеленой листвой, на забор вокруг дома и хорошо похудевшую к лету химеру, что презрительно поглядывала на сетку, — все было как обычно.

— Вниз, вниз смотри, боже ж ты мой! — шипела Юлька, Рита перевела глаза на парковку под окнами. Там, у серебристого, в пятнах коррозии микроавтобуса-«Тойоты» с разбитым задним стеклом какой-то бородатый пучеглазый дядька бил их беременную Аньку. Ну, как бил, хватал ее за футболку, тряс из всех своих дурных сил так, что Анькина пегая башка чудом держалась на месте. Потом схватил Аньку за локти, сжал с силой, даже отсюда было видно, снова встряхнул, потом отвесил ей пощечину, потом еще одну для симметрии. И непрерывно орал, судя по перекошенной заросшей роже. На макушке у него трепыхалась чисто женская гулька, ползала туда-сюда, точно паук или клоп невиданных размеров. Анька редела, но вырваться даже не пыталась, у нее выпал телефон, дядька пинком загнал его под «Тойоту». Врезал Аньке еще раз, схватил ее сбоку за горло, подержал так пару секунд и отпихнул прочь. Аньку отнесло к черному «Форду» поблизости, у того сработала сигналка и раздался переливчатый вой. Пучеглазое чудовище с гулькой село в «Тойоту» и оперативно смылось, Анька подобрала телефон и потащила прочь, пропала из виду. Юлька оттолкнула Риту от окна и уселась на свое место.

— Это что сейчас было, — у нее аж губы затряслись, — семейное счастье, скачки по лужайке? Он ее чуть не убил.

Это она в точку, еще немного и амбал размазал бы Аньку по этому самому «Форду», возле которого скакал сейчас Милютин. Суетился, сжимал маленькие кулачки, поддегивал брючки и присаживался на колени, заглядывая под днище своего сокровища, будто взрывное устройство там искал. Обежал два раза и принялся куда-то звонить, потом сгинул за углом забора. Рита пожалела, что Анькин типа муж (или кем он там ей приходился) не угробил милютинское корыто — можно было бы сдать отчет завтра, а лучше послезавтра, уже сто раз выверенный и уточненный.

— Наталья, как дела? — нарочито бодро спросила Рита. Руснакова подняла на нее очки и без малейшей улыбки сообщила:

— Я заканчиваю аналитику за отчетный период, часа через полтора все будет готово.

Юлька присвистнула и тут же отвернулась, Руснакова вернулась к своим цифрам, в кабинет вползла зареванная Анька. Мышкой прошмыгнула за свой монитор и спряталась там, будто в норке.

— Анечка, хочешь рулетиков с ветчиной и сыром? — встрепенулась Руснакова. — Тебе надо хорошо питаться.

— Хочу, — донесся слабый писк. Рита заглянула за монитор: Анька рыдала в кулак, слезы капали на клавиатуру, телефон на беззвучке трясся, точно его били ремнем.

— Хватит жрать, — выкрикнула Юлька, — от вашей еды вонь на весь кабинет, дышать невозможно! Вы на работе или в хлеву? О корпоративной культуре слышали?

Формально она была права, и вонь тоже усилилась, точно ее распылили в

воздухе.

— Юлечка, ты тоже покушай, — Руснакова зашуршала пакетом, потом раздался треск крышки контейнера, потом запахло чем-то жирным, и вонь сделалась невыносимой. Руснакова пошла обносить едой коллег, Рита спряталась у себя в кабинете, закрыла дверь и открыла окно. Посидела, подышала медленно, стараясь не обращать внимания на Юлькины крики — похоже, она отбивалась сразу от двоих, и ей приходилось несладко. Рита посидела еще, прикинула время — отчет почти готов, Руснакова скоро передаст Юлке сводку, и Милютин получит свою ежемесячную кость. И загрузила банковскую АБС, доступ ко всем операциям «физиков» и юридических лиц. Поставила сегодняшнюю дату, выбрала высший и умеренный приоритет клиентов, нажала «сформировать». И получила список из полутора десятков операций, больше половины из них сегодня совершил вип-клинет по фамилии Тишаев Андрей Анатольевич. Все операции касались вкладов и накопительных счетов, значительно превышающих страховую сумму, также гражданин Тишаев посетил свою банковскую ячейку и изъясил из нее нечто ценное. Информация оказалась недоступной, для ее получения требовался иной уровень доступа, но и увиденного хватило с лихвой. «Ничего себе!» Рита сфотографировала экран и закрыла АБС. За всеми заходами в программу следит банковская СБ, так что лишний раз лучше не светиться. Посидела еще немного, переваривая увиденное, и забила в поисковик фамилию и имя клиента. И моментально обнаружила его в рядах сотрудников городской администрации — Тишаев А. А. занимал должность заместителя главы по капитальному строительству и на официальном фото предстал с тем же «хвостом», только убраным за спину.

«Обалдеть!» Рита принялась просматривать сайт дальше, и обнаружила еще двух «своих» проверенных постоянных клиентов. Один оказался главным по ЖКХ в их городе и районе, второй занимал должность замглавы по социальной политике, и, судя по количеству заказов, человеком был далеко не бедным. Так и чесались руки проверить уровень их финансового благополучия в отдельно взятом банке, но Рита решила повременить. Сделала еще пару скриншотов с портретами и должностями «шалунишек», посидела еще, подумала и принялась рыскать по сайтам госорганов, а также областных министерств и ведомств, представленных в их городе. На сайте прокуратуры поджидал еще один клиент, суровый мужчина в погонах, помощник прокурора, судя по подписи к фотографии.

«Вот это да!» Рита и его запечатлела, чисто для себя, и оторвалась, наконец, от монитора. Вот просто чесались руки забить фамилии клиентов в АБС и посмотреть, как у них там дела с платежеспособностью, но удержалась. Информации и так было предостаточно, причем довольно пикантной информации, только на продаже «фильмов» с главным героем в погонах можно неплохо заработать. И только о Пофигисте не было никакой информации, но, может быть, она просто плохо искала.

«Будем считать это доходами будущих периодов...» Рита снова вздрогнула, на этот раз от звонка рабочего телефона. Милютин, зараза, напоминает о себе.

— Маргарита, приветствую, — раздалось из трубки, — я только вас одну и жду. Вы, как истинная королева, никогда не приходите вовремя. В смысле, нарушаете срок сдачи отчета, тем самым вынуждаете меня...

— Сейчас пришло, — перебила его Рита и положила трубку, снова сняла и

позвонила Юльке.

— Отчет давай, Милютин уже ядом плюется.

— Не могу, — радостно отозвалась Юлька, — нет аналитики. Будет аналитика — будет отчет.

— В смысле — нет аналитики? — не поняла ее Рита. — Наталья же делала, час назад.

— Не знаю, что она там делала, — сказала Юлька, — но у меня от нее ничего нет, можешь проверить.

Рита бросила трубку и пошла проверять. В общем кабинете воняло так, что глаза слезились. Анька тоскливо чавкала в своем углу и строчила сообщения в мессенджер, руки выше локтей у нее были в синих пятнах. Юлька качала желтыми «ушами», Руснакова, прямая как палка, старательно забивала цифры в таблицу. Рита остановилась поодаль, пригляделась — что-то было не так с этой таблицей. Вроде обычная, с ячейками, забитыми формулами, черными и красными цифрами (красные надо уточнять, а черным можно верить), и все же. Подошла вплотную и оторопела — Руснакова вбивала в ячейки одну и ту же цифру, старательно повторяла ее по вертикали, по горизонтали, свободных ячеек становилось все меньше. «Мать твою!» Рита не верила своим глазам, а Руснакова как ни в чем не бывало продолжала долбасить одно и то же, выглядела при этом как зомби. Вернее, как пьяный в хлам человек.

Рита сжала кулаки и отступила, посмотрела в стену над «мочалкой». Так, что у нас получается? После обеда Руснакова выглядела вполне прилично, говорила связно и даже угощала едой всех желающих. А через час она, простите, в дрова, причем не сходя с места. И без закуски — вон, Анька дожирает последний рулет, коробка валяется на краю стола. Все, как вчера, только гораздо хуже.

— Наталья, как вы себя чувствуете?

Руснакова подняла голову, очки жутковато блеснули, взгляд за ними бессмысленный, как у щенка. Она вряд ли видела Риту, но вот слышала отменно, и даже понимала смысл вопроса. Автопилот у тетки оказался отменным, не каждый мужик таким похвастается.

— Все хорошо, — непослушными губами проговорила алкашка. — Я уже заканчиваю.

— Я сама доделаю. Пойдемте. — Рита взяла Руснакову за локоть, и та вдруг легко вскочила, прямо пушинкой взлетела. Врезалась в стол, тот поехал в проход, монитор закачался и грохнулся на документы, мышшь свалилась на пол.

— Я подниму, — Руснакова вцепилась в край стола, присела, Рита боролась с желанием выволочь ее из кабинета за волосы и спустить пинками с лестницы. Но вместо этого схватила ее за локти, рывкнула на Аньку с Юлькой:

— Она заболела и сейчас идет к врачу, чего уставились! Ты тоже домой топай! — побитая обожравшаяся Анька моментально исчезла с глаз долой. Туда ей дорога, толку от ее беременной башки все равно ноль. А вот с Руснаковой так легко не вышло, повторился вынос «матраса», причем снова на глазах сотрудников, да еще и под камерами. Руснакова воняла как лошадь и молча топала рядом, стараясь держать баланс, в сумке снова весело звенели бутылки. «Ну и монстр, — Рита волокла алкашку к выходу, — столько выжрать в одно лицо и без закуски. Вот это здоровье». В конце коридора показалась Галанова, и Рите стало нехорошо, руки задрожали. Если они сейчас на нее нарвутся, то

всему конец. Пришлось прятаться за фикус и пережидать, пока кадровичка наболтается с бухгалтершей, и тащить Руснакову дальше, мимо охраны, через набитое клиентами фойе к выходу.

До лавки в сквере добрались без приключений, Рита швырнула алкашку на холодный камень и собралась уходить. Руснакова вцепилась в нее обеими руками, ледяными, точно рыбы плавники, ткнулась ей головой в живот и зарыдала.

— Рита, Риточка, я свинья, я такая свинья!

«Еще какая!» Рита безуспешно вырывалась: Руснакова держала ее мертвой хваткой.

— Муж бросил меня, ушел к молодой, мне плохо, я одна, сынок дома не живет, — сопливо жаловалась Руснакова, очки у нее запотели.

«Не к молодой ушел, а сидит твой муженек за мошенничество в особо крупном, а сын нарик». Одну руку удалось вырвать, Рита по одному разжимала пальцы Руснаковой. Та уже особо не сопротивлялась, прижала к себе звенящую сумку и тихонько плакала.

— Наталья...

Телефон задрожал, его разрывало от сообщений: Женя накидала больше десятка фоток. Несколько комнат в белых и бежевых цветах, видно, что ремонт новый и потолки высокие, деталей не разобрать, но и не надо, все равно смотреть самой. «Неплохо. Сколько?» — «Лучше не спрашивай», — помедлив, ответила Женя, потом приписала сумму. Тут было над чем задуматься, цифра внушала, и содержимого чемодана хватит примерно на две трети. «Надо подумать». Ничего умнее в голову не пришло, тем более Руснакова снова принялась биться головой Рите в живот.

— Только не увольняйте меня, только не увольняйте, ради бога! Я все сделаю, все, что скажете! Мне нельзя увольняться!

Рита шарилась в сумке в поисках упаковки платков, но постоянно натыкалась на баллончик с перцовкой, тот упорно оказывался под рукой и неприятно охлаждал пальцы. Платки же, как назло, куда-то подевались, искать их не хотелось, да и времени уже не было.

— Идите домой.

Сил на алкашку не оставалось, проще всего было хоть на время избавиться от нее. Рита вернулась к себе, в кабинете уже не воняло: окна настежь, и коробка со стола исчезла. Юлька скрестила руки на груди стояла в проходе.

— Что с ней? Мне показалось, что она пьяная.

— Глупости, — оборвала ее Рита, — у нее с сердцем проблемы, завтра к врачу пойдет. Скажешь тоже — пьяная. На рабочем месте, ага.

— А эта, — не сдавалась Юлька и тыкала пальцем в сторону Анькиного компа, — тоже болеет?

— Да ладно тебе, — Рита попыталась улыбнуться, — от нее все равно толку нет.

— Отлично, — Юлька воздела руки к потолку, — кругом одни инвалиды. Тогда я завтра тоже пойду на больничный, хорошо?

— А отчет?

— А что, я одна в отделе? — вмиг озверела Юлька. — Я одна, самая здоровая, как конь, могу пахать за всех, да? У меня должностная инструкция есть, к твоему сведению, я за других вкалывать не обязана!

Глаза у нее странно заблестели, голос срывался. Рита села на Анькин стол и взяла ревущую Юльку за руку. Та дернулась и разрыдалась еще сильнее, волосы растрепались и закрыли ей лицо.

— Подожди, пожалуйста...

Не помогло, стало еще хуже, Юлька рыдала уже в голос, терла и без того красные глаза.

— Это целый месяц ждать!

— Месяц — это немного, — Рита с тем же успехом могла говорить сама с собой, Юлька ее не слышала, даже если бы и хотела.

— Целый месяц! Всем можно болеть, а мне нет, я что, лысая? Я вкалываю за всех, Анька жрет, Наташка воняет, я умру скоро. Я даже залететь не могу, а Анька скоро снова опоросится. И кучу денег на ЭКО выкинули, впустую...

Рита встала, обняла Юльку, прижала к себе. Ту трясло, только что зубы не стучали, костлявые плечи дрожали, губы прыгали.

— Может, дело не в тебе, а в муже, — осторожно спросила Рита.

— Он проверялся, — сопливо прогудела Юлька, — у него все нормально, и у его отца и деда все нормально по этой части было. Я во всем виновата, я так больше не могу! Дура я порченная!

Повисла на Рите и редела, сколько хватило сил, минут через десять только успокоилась, и то потому, что выдохлась. Оторвалась от Риты, уселась на место, намотала кривую гульку на затылке и уставилась на себя в маленькое зеркало.

— Иди домой, — сказала Рита, — отдохни. Завтра только не опаздывай, пожалуйста, кроме тебя, у меня никого не осталось.

Юлька невнятно что-то пообещала и ушла. Рита собрала со стола Руснаковой документы и пошла к себе делать отчет. «На твоём месте сейчас могла быть Латова», — мелькнуло вдруг что-то вроде сожаления. И тут зазвонил рабочий, от вида фамилии «Милютин» на экране аж передернуло.

— У меня обнаружен индикатор компрометации, — выдала Рита первое, что пришло в голову, — из-за фишингового письма под блокировку потенциально опасных ресурсов попала база внутреннего документооборота, категория критическая. Завтра будут полные данные, тогда пришлю отчет. Форс-мажор.

Милютин мявкнул удивленно, Рита бросила трубку, закрыла окна, дверь, задернула шторы и набросилась на отчет — схватка предстояла не на жизнь, а на смерть.

Перелом на фронте случился после девяти вечера, когда от монитора слезились глаза, а желудок свело от голода. Зато цифры стали похожими на реальные, оставалось совсем немного, часа два-три, и завтра можно смело послать Милютина ко всем чертям.

Было уже довольно темно, как перед дождем. Клены жутковато шевелили ветками, точно лапами, и среди них пряталось множество теней-химер, будто те слетелись на шабаш или всей семьей решили навестить прикованную к крыше родственницу. Рита открыла окно, вдохнула сыроватый вечерний воздух с неизменным прикусом пыли и крепко зажмурилась, закрыла глаза руками. Сильно хлопнула входная дверь, бумаги на столе зашевелились от сквозняка. Рита слышала их шелест, но глаза не открывала, вот реально было наплевать на все, пусть даже первичку вместе с черновиками сейчас сдует к черто-

вой матери. От мыслей голова просто взрывалась: надо завтра же посмотреть помещение, что нашла Женя, и переезжать как можно скорее, желательно, завтра же, чтобы не сорвать предоплаченные съемки. И с Руснаковой надо что-то решать, она хроническая алкоголичка, это не лечится, надо как-то избавиться от нее по-тихому, ведь сама увольняться она не хочет, и отчет этот поганый надо доделать, Милютин завтра все мозги вынесет. Интересно, он поверил в компрометацию или просто обалдел? С него станется отправить запрос аййтишникам и проверить...

Телефон загудел, затрясся на столе, посыпались сообщения. Море, море до горизонта, синяя-синяя вода, белый песок, море песка, море и песок, полоска леса, море, лес и песок до неба. Устрицы с лимоном на огромном белом блюде, «шабли» в бокале, еще устрицы и полная пока еще бутылка «Вдовы», но можно не сомневаться — ее уже нет в живых. Снова устрицы, какие-то коряги, бакланы размером с собаку, и песок, песок, песок, даже на фото мягкий и теплый. «Аркашонский залив, тут самые лучшие устрицы в мире, — сообщала Ирка, — это рай, мне тут нравится, я остаюсь!» «А работать кто будет?» — хотела вернуть ее в реальность Рита, но тут в кабинете стало совсем темно, а телефон погас. Показалось, что колпак на голову надели, сердце екнуло, руки задрожали, Рита выронила телефон, вскрикнула, и тут свет включили. Ну, как включили, вернулись вечерние сумерки, а мобильник мерцал из-под стола и снова гудел — Ирка свой отчет прислала в срок, как и обещала. А справа выросла огромная черная тень, двинулась навстречу, Рита отпрыгнула к столу и увидела Черникова. Тот подобрал мобильник и рассматривал последнее фото, завершающий натюрморт с вином, шампанским, тремя видами сыров и виноградом — традиционный ужин русского туриста.

— Красиво, — Черников рассматривал картинку, то отстранял телефон от себя, то чуть ли не к носу подносил, — вот это я понимаю, вот это отпуск. Порадуемся за людей. Ты чего, испугалась?

Он положил мобильник на стол, Рита схватила телефон и сунула в сумку. Сердце еще колотилось, в ушах стучала кровь.

— Испугалась, — буркнула она, — соображать надо. Чего ты тут делаешь?

Черников сдернул с шеи галстук, намотал его на кулак и уселся на подоконник.

— Я вообще-то заместитель руководителя департамента внутренней безопасности, — ласково улыбнулся он, — и могу находиться на охраняемой территории столько, сколько потребуется для исполнения служебных обязанностей. А вот ты что тут делаешь? Тебя в списке допущенных на объект после двадцати ноль-ноль я не видел.

Рита собрала разбросанные сквозняком документы, сложила аккуратной стопочкой и тут поняла, что еще одна-две цифры в отчет — и ее вырвет прямо здесь, как недавно вырвало Руснакову.

— Работаю, — Рита села за стол и отодвинула от себя клавиатуру, — отчет горит, завтра крайний срок. Кровь из носу, но сделать надо.

— Тебе рабочего дня мало? — Черников то разматывал, то наматывал полосатый черно-белый галстук на кулак. — Охота по ночам сидеть. У тебя новый сотрудник, он пахать, как конь, должен, а ты вон, — Черников показал на сумку с телефоном, — вино пить под гадов морских. Кстати, я их боюсь до чертиков, не понимаю, как их можно есть. Вдруг они внутри оживут и будут щу-

пальцами шевелить...

И устрашающе согнул пальцы, жутковато вывернул их в суставах, и Рите стало смешно. Она откинулась на спинку стула, задрала голову к потолку. Там метались острые шипастые тени, будто химеры активно обсуждали что-то важное.

— Она еще и месяц не работает, — Рита терпеть не могла оправдываться, но приходилось, — я сама, так надежнее.

— Неправильно это, — Черников бросил скрученный галстук на стол, — не умеешь ты руководить.

— А ты умеешь? — насмешливо бросила Рита. Черников повернулся к ней.

— Не умею, — шепотом сказал он, — терпеть ненавижу, аж кушать не могу. Но я же не разорвусь.

— А ты делегируй полномочия, мотивируй, поощряй, — Рита откровенно веселилась, Черников смотрел на нее в упор, от его взгляда стало не по себе.

— Короче, — он поднялся с подоконника, — я пришел получить с тебя должок.

Рита тоже встала, они оказались друг напротив друга. Ветер стих, химеры притаились в кленовых листьях, в зарослях поблескивали крохотные желтые огоньки — то ли свет уличных фонарей, то ли глаза чудовищ, наблюдавших за людьми.

— Должок? — делано удивилась Рита, хотя прекрасно поняла, о чем идет речь.

— Ага, — выдохнул Черников, — пришла пора платить по счетам.

Он моментально, одним движением оказался рядом, сгреб ей волосы на затылке и заставил поднять голову. В темноте Рита почти ничего не видела, только сердце снова застучало быстро-быстро, а в ушах шумела кровь. Черников, точно демон, растворился во мраке, оттуда доносился глуховатый голос:

— Погнали вино пить. Гадов морских не обещаю, но знаю место, где есть неплохой «Совиньон». Реально неплохой, отвечаю.

— Ты сам пробовал или с чужих слов?

Черников взял Риту за подбородок, другой рукой стянул с «хвоста» заколку. Волосы разлетелись, Черников наклонился к ней.

— Я хозяина хорошо знаю, он врать не будет.

— Он тебе тоже должен? — как во сне произнесла Рита. Она ничего не видела перед собой, только горячая душная пустота и раскаленный воздух, он завивается вихрем и тянет в бездну.

— Нет. Но вино реально хорошее. Едешь?

Воронкадохнула истинно адским жаром, поглотила мир, и в себя Рита пришла только на лестнице. В фойе кто-то открыл все окна, и сквозняк тут гулял такой, что фикусы и пальмы мотались во все стороны, шуршали ветками и теряли листья. А вот на улице оказалось неожиданно тепло, темное беззвездное небо точно одеялом накрыло город. Черников завел машину, подождал, пока Рита устроится на заднем сиденье, и «ровер» плавно выкатился с охраняемой территории. Повернули на почти пустой уже центральный проспект, лихо промчались на зеленой волне два квартала, остановились на перекрестке напротив первого в их городе торгового центра.

— Не замерзла? — Черников смотрел на Риту в зеркало на лобовом стекле.

— Нормально. Ты всегда так гоняешь?

Пока ехали, она несколько раз смотрела на спидометр, стрелка моталась далеко за цифрой разрешенной в городе скорости.

— Привыкай, — Черников включил поворотник, «ровер» покати́л вдоль длинного здания из стекла и бетона. Рита любовалась красивой подсветкой и чувствовала на себе пристальный взгляд. И всей шкурой, до последнего миллиметра осознала вдруг, что такое раздвоение личности — когда отчетливо понимаешь, что так нельзя, что видишь, знаешь все последствия и тебе так же отчетливо плевать на них, и не только тебе.

— На штрафы хватает.

Машину точно вкопали в асфальт, Риту бросило вперед, она налетела на спинку переднего сиденья, Черников ругнулся сквозь зубы, вытянул шею.

— Вот зараза, — он сдал назад, наехал на бордюр, «ровер» замотало по дороге. Рита обеими руками вцепилась в спинку пассажирского сиденья.

— Не ушиблась? — обернулся Черников, быстро оглядел Риту. — Дорогу делают, нашли время.

«Ровер» развернулся, Рита увидела на разделительной знак «ведутся работы», самосвал с полным кузовом, грейдер и рабочих в светоотражающей спецодежде. «Ровер» свернул на прилегающую дорогу и крался между домов.

— Куда мы? — Рита так и держалась за спинку сиденья и крутила головой по сторонам. Этот район она не знала — вокруг тянулись бесконечные блочные пятиэтажки, потом и они пропали, пошел глухой бетонный забор.

— Срежем тут, — Черников включил дальний свет, — немного дальше получится, ну да ладно. Пристегнись!

«Ровер» дернулся, будто прыгнул с места, плиты забора мелькали, точно кадры в черно-белом кино, Рита обняла спинку переднего сиденья и смотрела вперед. Фары выжигали пространство, навстречу летела пыль, машину мотало на выбоинах, Черников легко держал машину на неровной дороге и посмеивался, глядя на Риту. Справа потянулся редкий лесок, за ним виднелись дома, огни города, слева в бесконечном заборе образовался провал, там виднелись полуразрушенные здания, огромные, точно построенные иной цивилизацией.

— Завод тут был, — сказал Черников, — военный. Оптику делали для прицелов, для подводных лодок, да еще много для чего. Классную оптику, кстати, полгорода тут работало, я даже гудки заводские по утрам помню. В семь, в половине восьмого и в восемь, три гудка каждый рабочий день. Потом завод закрыли, земля стала никому не нужна, люди тоже.

Машина лихо вошла в поворот, «ровер» немного занесло, но Рита держалась крепко. Потом подумала, что едут они все-таки в ресторан и надо хоть немного привести себя в порядок, а в сумке должна быть помада. Женя заставила купить, сказала, что цвет нейтральный, пойдет кому угодно, даже если остальным макияжем не заморачиваться, а уж Жене можно верить. «Ровер» выехал на шоссе и развернулся в сторону городских высоток — получалось, что Черников сделал крюк через промзону и они едут обратно.

— Сейчас приедем, — Черников снова смотрел в зеркало на лобовом стекле, следил за Ритой, — потерпи.

— Уж не знаю, — Рита нашла наконец помаду, а заколка, похоже, осталась в кабинете. Хорошо хоть расческа с собой. — Ты так вино расписал, что я ни о чем другом думать не могу.

— Это хорошо, — пробормотал Черников сквозь зубы, — это очень хорошо.

Ах ты ж мать твою, скотина, вот тварь, куда тебя несет!

Сначала Рите показалось, что они врезались во что-то: Черников так резко дал по тормозам, что «ровер» пошел юзом и его развернуло поперек полосы. Впереди никого не было, зато в зеркала нещадно бил свет фар от шедших следом машин, и Рита решила, что разбилось зеркало на передней дверце.

— Цела? — повернулся к ней Черников.

Рита намертво вцепилась в свою сумку и кивнула — раньше в такие переделки ей попадать не доводилось, и вот только что было по-настоящему страшно. Машина так и стояла поперек полосы, им гудели, орали что-то, водители объезжали их по обочине.

— Что такое? — Рита уже пришла в себя, Черников завел машину и принялся разворачиваться.

— Да тварь какая-то под колеса кинулась, еле успел затормозить.

Рита смотрела на темные обочины. Тут было довольно светло, все фонари работали исправно и непонятно, кто перешел им дорогу. «Ровер» развернулся, и тут над асфальтом взлетела небольшая черная туча пыли и кинулась под машину.

— Да что ж такое! — Черников осадил «ровер» точно жеребца. — Обалдеть! Тебе жить надоело? — проорал он, приоткрыв дверцу.

— Подожди, — Рита выскочила из машины. У переднего колеса припадала к асфальту собака, довольно большая, лохматая, как мамонт, овчарка. Она прятала морду в передние лапы, скулила и прижимала уши. Рита протянула руку, псина ощерилась, гавкнула так, что уши заложило, и снова заскулила.

— Не трогай ее! — Черников выскочил следом и схватил Риту за локоть. — Может, она бешеная, поехали отсюда. Садись в машину.

На бешеную собака не походила, скорее, была до смерти напугана, вся в пыли и репейниках, псина то лаяла, то скулила, припадала на передние лапы и не знала, куда бежать. Кинулась зачем-то на разделительную и просто чудом не влетела под фуру, что с воем пронеслась мимо. Отскочила обратно, поджав хвост и уши, припала к земле и снова заскулила.

— Тихо, тихо, — Рита приближалась осторожно, мелкими шагами, — тихо, маленькая, не бойся.

— Маленькая, — пробормотал Черников, — ни фиги себе маленькая. Слон какой-то. Отстань от нее, черт знает, что у нее в башке.

Мимо промчалась машина, собака шарахнулась от нее, передняя лапа подвернулась, и псина грохнулась набок. Вскочила, отряхнулась и снова прижалась к земле, зажмурилась, точно ей мешал свет фар.

— Иди ко мне, иди, иди, — Рита подошла уже близко. Ошейника на псине нет, но выглядит она вполне по-домашнему, шерсть густая, хоть и в колючках, но видно, что собаку расчесывали, ухаживали за ней и наверняка любили. И уж точно не выкинули такую красоту на дорогу, скорее всего, она сама выскочила — видно, что пес еще молодой, глупый, решил побегать и добежался. Овчарка словно услышала Риту и поползла к ней на полусогнутых лапах, не забывая прижимать уши и хвост.

— Ремень дай, — Рита протянула руку назад, — быстро.

Другой она уже держала овчарку за шкурку и понимала, что еще немного, и та вырвется, а дальше все, что угодно — кинется на встречу, например, и конец.

— Чего? — судя по голосу, Черников обалдел. — Какой ремень? Зачем?

— Твой ремень, чего тут непонятного! Лежи, маленькая, лежи, лежать, я сейчас!

Псина сжалась в комок и вдруг прыгнула, как и предполагалось, на встречу. Повезло, что Черников не успел отогнать «ровер» на обочину, и попутные машины сбавляли скорость. Овчарка чудом не влетела под «Мазду», ее водитель не поленился открыть окно и на чистом русском объяснить всем присутствующим, что он думает и о собаке, и о всех остальных. Рита бросилась к Черникову и принялась расстегивать ремень на его брюках. Тот сначала остолбенел, потом попятился.

— Я сам, сам. На, держи.

Рита с ремнем побежала к собаке, та вжалась в переднее колесо «ровера» и дрожала всем телом. Но спокойно дала захомутать себя, Рита затянула ремень, дернула легонько.

— Стоять, рядом.

Удивительно, но пес послушно выполнил все команды, правда, «стоять» смог только на полусогнутых лапах и трястись тоже не перестал. Черников смотрел на них со стороны, и Рите вдруг показалось, что он сейчас сядет в машину и уедет.

— Дальше что? — спросил Черников и засунул руки в карманы. Им по-прежнему сигналили, в глаза бил свет фар, пес лег Рите на ноги и закрыл глаза. Она присела на корточки, одной рукой гладила дрожащую овчарку, второй кое-как достала телефон и забила в поисковике «приют для животных». Черников смотрел на них издали, собака скулила, мимо пылили машины. Черное небо осветила вспышка, раздался глухой гул — приближалась гроза. Рита набрала номер с первого же ресурса с объявлениями о передержке животных, и — о чудо! — там ответили. Девушка с той стороны поняла ее с полуслова, назвала адрес — Развилка, это Рите ни о чем не говорило, и цену за сутки, вполне скромную цифру, надо сказать.

— Мы сейчас приедем, — Рита нажала отбой и посмотрела на Черникова. Тот привалился к машине и смотрел в небо.

— Отвези нас, пожалуйста, — попросила Рита, — тут недалеко, она сказала. Развилка какая-то, я не знаю. Или я такси вызову.

Представила, как затаскивает псину в такси, и подумала, что если Черников сейчас откажется, то придется топтать на эту Развилку пешком, да еще и под грозовым ливнем. Принялась искать на карте и обнаружила, что тут всего ничего, километров пятнадцать, к утру как раз доберутся.

— Поехали, только быстро, — Черников распахнул заднюю дверцу, — пока гроза не началась.

Пес вдруг сам рванул в машину, запрыгнул так легко, точно всю жизнь только тем и занимался, что катался на внедорожниках. Лег на коврик, свернулся в клубок и сделался размером не больше кота мейн-куна, даже лапы поджал, чтобы занимать меньше места. Но стоило Рите сесть рядом, как мигом перебрался к ней на ноги, и сдвинуть его не было никаких сил.

— Вот это зверюга, — Черников рассматривал пса, — просто монстр.

Пес ощерился, зарычал, Рита схватила его за «ошейник».

— Ну ты и хам! — развеселился вдруг Черников, сделал пару обманных движений и щелкнул пса по носу. Овчар прижал уши, зажмурился и вдруг

гавкнул, его заглушили раскаты грома, по крыше «ровера» застучал дождь. Машина дернула с места, Черников развернулся через две сплошные, город остался позади.

Развилка оказалась за третьим по счету съездом с шоссе, обычная бетонка привела в поселок с обычными дачными домиками. В некоторых горел свет, другие стояли темные и с виду пустые, недалеко гавкали псы, и найденыш то и дело подскакивал, шевелил острыми огромными ушами, но помалкивал. Рита гладила собаку по лобастой башке, пес то жмурился, то лизал ей руки. Бетонка закончилась, началось посыпанное щебенкой «направление», заменяющее в провинции твердое дорожное покрытие, Рита держала пса за ремень и смотрела по сторонам.

— Последний дом на выезде, — она все пыталась понять, какой из этих са-раев последний. Дождь остался позади, тут было сухо и очень тепло, в высокой траве чудесно стрекотали кузнечики, а из-за края тучи показался острый серп молодого месяца. Черников опустил стекло, прислушался и уверенно повернул влево.

— Думаешь, это там? — Рита с сомнением смотрела в темноту впереди. Пес снова сжался в комок, прижал уши и будто дышать перестал.

— Собаки там гавкают, значит, нам туда.

И не ошибся, у крайнего перед полем дома их ждали. У ворот двухэтажной деревянной дачки стояли парень и девушка, рядом крутилась рыжая такса. Она первым делом кинулась к машине, обнюхала, изучила ее со всех сторон, прыгнула передними лапами на Черникова, потом на Риту, всех перемазала в пыли, всем прошлась по ногам и побежала знакомиться с гостем. Тот заскулил жалобно, точно заплакал, ткнулся мордой Рите в ладонь и не шевелился. Парень с девушкой пришли на помощь и первым делом надели псу нормальный ошейник, Черников забрал свой ремень и бросил его на переднее сиденье. Общими усилиями овчарку вытащили из машины, псина едва держалась на дрожащих лапах — у нее не было сил даже огрызнуться на таксу, что буквально облизала гостью морду.

— Пойдем, пойдем, все хорошо, — собаку завели во двор, там она легла на землю и закрыла глаза. Неудивительно — тут было штук десять или больше вольеров, в каждом носилась здоровенная псина, и лай стоял такой, хоть уши затыкай.

— Мама дорогая, — Черников разглядывал собак, — сколько их тут.

— Семнадцать, — сказала девушка, безуспешно тормозившая овчарку, — ваш восемнадцатый. Этого, — она показала на ближайший вольер, где заходил лаем алабай, — со стройки привезли, его к столбу привязали и так оставили, чуть не умер. Эту красотку, — она показала себе за спину — тоже с дороги подобрали, как и вашего. Но ее выкинули, свидетели были, а ваш всего пару дней в бегах. Думаю, найдем хозяев, у него клеймо, видите?

Парень посветил фонариком, и на правом ухе еле живого от пережитого пса Рита увидела несколько черных букв и цифр.

— Это питомник, — пояснил парень, — завтра же будем знать все про вашего красавца.

Он подхватил пса под передние лапы и потащил в дальний пустой вольер. Рита протянула девушке деньги, та спрятала их в карман джинсов.

— Спасибо, что не бросили его, — она улыбнулась Рите, — мог бы под ма-

шину попасть. Они плохо соотносят в стрессовой ситуации. Красивый пес, еще почти щенок, жалко.

— У него карма хорошая, — подошел Черников, — как и у меня. И псы у вас классные.

Зверюги тем временем притихли, стройная, изящная как балерина овчарка еще погавкала напоследок, ткнулась носом через сетку в морду таксе и улеглась спать. Алабай тоже лег на подстилку, но лениво следил за гостями и зевал во всю пасть. И только черно-подпалый монстр в третьем вольере никак не мог успокоиться. Такса кинулась к нему и отскочила с визгом, затрясла ушами. Девушка хлопнула ладонью по сетке:

— Тихо, Каштан, молчать!

Зверь грудью кинулся на рабицу, аж звон раздался.

— Никак не привыкнет, — сказала девушка, — Каштан у нас военный, в армии служил, а здесь живет уже второй месяц.

— В армии? — протянул Черников и подошел к вольеру. Каштан кинулся на сетку, вскочил на нее передними лапами, сделался ростом с Черникова, только толще раза в два, такой же «шерстяной» и лохматый, как подобранный на дороге пес. Только не щенок-подросток, а матерый, мощный, как стихия, зверь.

— Не ори, — сказал ему Черников, и Рита едва не оглохла от лая. Каштан дрался с сеткой как с врагом, грыз ее, столбики дрожали под напором туши килограммов в пятьдесят, если не больше.

— Где служил? — Черников заложил руки за спину и разглядывал пса. Тот бесновался, рыл землю и бился башкой о сетку.

— Мины искал, — сказала девушка, — мы его в последний момент забрали, буквально в день утилизации.

— Чего, — повернулся к ней Черников, — в какой день?

— Собаки служат до семи лет, — подошел парень, присел на корточки и принялся осматривать таксе уши. Та терлась рядом и слабо поскуливала, на одном ухе у нее появилась темная длинная полоса.

— А потом их списывают и утилизируют. Усыпляют, — парень взял таксу на руки, — так как они больше не нужны. У нас есть контакты в частях, нам сообщают, и мы забираем собак, потом пристраиваем... стараемся пристроить хорошим людям. Многих забрали, но на Каштана пока нет желающих.

Тот сделал пару кругов по слишком тесному для него вольеру и снова кинулся на ограду, грыз ее так, что звон стоял. Черников беспомощно глянул на Риту, показал на пса, потом куда-то в темноту.

— Как — усыпляют? Я думал, что их в приют отдают, вроде вашего, они там доживают свои дни. Я не знал, что с ними вот так...

— Вот так.

Парень с таксой ушел в дом, девушка хлопнула по сетке, прикрикнула на Каштана, но тот и ухом не повел. Правда, не лаял уже, но зверски рычал, и даже в полутьме было видно, что клыки у него просто отличные, белые, острые, превосходные клыки. Черников подошел вплотную, пес прижал уши, поднялся на задние лапы и рыкнул Черникову в лицо.

— А на зонах караульных собак не списывают. Зэки любят собачатину как профилактику туберкулеза, простите за подробности.

— Да ладно, — ахнула Рита, — так нельзя, это дикость какая-то!

Черников прижал ладонь к сетке, пес щелкнул зубами, но промахнулся.

— Отделение, подъем. Выходи строиться! — вполголоса сказал Черников и тут стало так тихо, что аж уши сдавило. Вот будто разом все звуки мира взяли и отключили одним рубильником, все до единого. Черников так и стоял, прижав ладонь к сетке, а Каштан сидел напротив и подметал землю роскошным хвостом.

— Выходи строиться! По машинам!

Каштан вдруг заскулил, вскочил, снова сел, задрал морду.

— Лежать, башку береги! Башку убрал, кому сказано!

Каштан плюхнулся наземь, точно ему лапы подрубили, вжался в пыль и снова заскулил. Черников присел на корточки, просунул пальцы через сетку.

— Осторожно! — девушка кинулась к нему, Черников остановил ее.

— Ко мне, ко мне, быстро.

Черная махина поднялась с земли, медленно подошла и ткнулась носом Черникову в ладонь. Тот погладил пса по морде, поднялся. Каштан снова кинулся на сетку, но уже молча, потом еще раз, еще и заскулил.

— Тихо, тихо, — Черников прижал к сетке обе ладони, — не ори, дурак, чего орешь. Тебе повезло, скотина, а ты истерику устроил. Иди сюда, иди, иди.

И принялся через сетку чесать пса за ушами, тот жмурился и норовил лизнуть Черникова в лицо.

— Вы ему понравились, — сказала девушка, — первый раз его таким вижу.

— Ему без дела тошно, — Черников никак не мог оторваться от собаки, — вот он и бесится. Все, братан, ты на пенсии, гуляй, отдыхай и больше не позорься. Я к тебе еще приеду.

Подбежала такса, уже без темной полосы на ухе, принялась прыгать на гостей и на хозяев, девушка прикрикнула на нее, но веселая псина не обиделась, а ускакала к дальнему вольеру, куда отвели «новенького». Рита тоже пошла туда — найденыш лежал под навесом на подстилке и шевелил ушами, было видно, что ему страшно и он очень устал, а его миска с водой была почти пустой.

— Поехали, — сказал Черников, — второй час ночи уже.

«Как второй час?» — Рита схватилась за телефон. И правда, была уже почти половина второго.

— Позвоните мне утром, — попросила Рита девушку и погладила неутомную таксу. Та радостно твякнула и побежала к Черникову. Получила свою порцию ласки, сунулась в вольер к «балерине», но та спала.

— Возьмите, — Черников дал девушке несколько крупных купюр, — купите этому зверю пожрать нормально и вообще все, что надо.

— Мы всех наших собак хорошо кормим, — сказала та, — у нас есть сайт и кошелек в Сети, нам многие помогают.

— Ну и я помогу, — Черников впихнул ей деньги, — я к вам еще заеду. Все, по домам.

Дождь все-таки нагнал их на полдороге, по лобовому стеклу ползали «дворники», лило так, будто вся вода этого мира скопилась над их городом и разом рухнула с небес на землю.

— Выпили вина, называется, — Черников всматривался в стену ливня перед машиной, — нормально так посидели, неплохо время провели.

Рита смотрела в окно, в тепле клонило в сон, глаза слипались. Немногочис-

ленные машины еле ползли, а сейчас вообще остановились, движение замерло.

— Я не могла его там бросить, — сказала Рита. — Он бы погиб. Прости, что так вышло.

— Нормально все, — Черников тронул машину с места, объехал «газель», — красивый пес, его хозяева найдутся. Наверное, сами волосы на себе рвут, я бы переживал. Давай хоть кофе выпьем, что ли.

Он свернул к АЗС, там имелось небольшое кафе, пустое в этот час, но до того светлое и уютное, что хотелось плакать, просто от того, что тут не страшно, не колотит по крыше ливень и даже есть молоко.

— Хоть что-то выпить, — Черников кинул в свой стакан несколько кусочков сахара и принялся быстро размешивать, — а то я озверел, как та собака.

Рита фыркнула, Черников засмеялся, и они просидели в кафе почти три часа. Вышли уже засветло, ливень давно прекратился, ветер быстро растаскивал тучи, над дальним лесом показался край багрового солнечного диска.

— Куда тебя везти? — Черников был бодр и свеж, точно проспал всю ночь, а не шарахался по бездорожью.

— На работу.

Глаза закрывались, кофе не помог. Рита улыбнулась Черникову и увидела в зеркале свою бледную физиономию и растрепанные волосы. «Какой ужас!» — она принялась поправлять прическу, Черников ухмыльнулся.

— Чтобы ты там уснула? Езжай домой, банк без тебя не рухнет.

— А вдруг? — Рита кое-как привела себя в порядок. — Отчет сегодня сдать надо, Милютин меня сожрет.

«Ровер» остановился на красный, Черников включил поворотник, и тот тикал, точно бомба.

— Милютин, Милютин... Это толстый такой, в очках, с наглой мордой?

— Руководитель проектов комплаенс, — уточнила Рита.

— Ну да, ну да, — Черников повернул, миновал еще один перекресток, и они оказались в центре города, тихого и почти безлюдного ранним утром. Мимо прошла поливалка и окатила водой асфальт, весь в лужах после ночного ливня; промчался велосипедист в наушниках.

— Езжай спать, Милютина я на себя беру, — распорядился Черников, — у меня к нему есть претензии, я их с утра ему и предъявлю. Он на неделю о тебе забудет, гарантирую. Недели тебе хватит на отчет?

— Хватит. А он точно не...

— Точно, точно, — перебил ее Черников, — зуб даю. Адрес говори.

Подвез ее к дому, посмотрел странным взглядом на подъезд, на окна, точно впервые в жизни видел, снова на Риту, на дом.

— А мы почти соседи. Твоя или снимаешь?

— Снимаю, — честно сказала Рита, ей очень хотелось закончить этот разговор. Черников опустил стекло и внимательно осмотрел фасад дома.

— Окна твои где?

— А что?

— Серенады буду тебе петь, — ухмыльнулся Черников, выбрался из «ровера» и подал Рите руку, помогая выйти из машины.

— Снова должна будешь, — он смотрел ей в глаза, — теперь еще и за Милютина. Вся в долгах.

— Как в шелках, — Рита высвободилась, — под какой процент?

— Хорошая мысль, — обрадовался Черников, — я подумаю. Спи, короче, ни о чем не волнуйся.

Волновалась, само собой, куда ж без этого, но усталость взяла свое. Сначала думала, что проспит до вечера, но нет, хватило трех часов чтобы отдохнуть после ночных походов. Да еще соседи ремонт затеяли, причем капитальный. Стены долбили на втором, кажется, этаже, но слышал весь дом, грохот перфоратора разносился аж до крыши, и Рита решила пересидеть армагеддон на работе. Погода разгулялась, стало очень тепло, даже жарко, солнце грело через тонкие легкие облака, приятно пахло травой, что только что скосили на газоне. Рита перешла дорогу снова в неположенном месте, потому что в положении она стала до того узкой, что и одному с трудом удавалось протиснуться между забором и бордюром, и прохожие дружно выходили на проезжую часть. Там даже образовался затор, непривыкший к преграде народ резво выбегал на дорогу и внезапно сбавлял шаг. Рита так едва не налетела на высокого седого мужика, что топал впереди — тот затормозил так резко, будто его самого толкнули.

— Не дадим разрушать наш город! Прекратим варварское уничтожение памятников культуры! Позор местным властям! Спасем уникальное здание от разрушения! Остановим беспредел!

Рита сначала решила, что показалось или где-то поблизости работал телевизор, но нет — призывы, чуть заглушенные ревом двигателей и гудками, возобновились. Источником оказался толстый юноша с огромным плакатом на шее. «Спасем наш город!» — значилось там красным по белому, а юноше тем временем приходилось несладко. Его не пнул или не обозвал только ленивый — для своего одиночного пикета он выбрал самый узкий участок тротуара, топтался строго посередине и всячески препятствовал движению как людей, так и машин. Хотя, с другой стороны, тактику он выбрал верную — как раз в этом месте в заборе имелись ворота, пока закрытые, из-под створок тянулась полоса грязи от огромных колес. А рядом с воротами топтались еще двое: непонятного возраста косящая на один глаз тетенька в самовязанных линялых шмотках и сутулый дерганый старик в светлом костюме и даже при галстукке. Тетка держала большой плакат «Руки прочь от памятника архитектуры!», тут же имелись нарисованные костлявые конечности, очень похожие на куриные лапы, их крест-накрест перечеркивали кровавого цвета полосы. Старик в костюме тряс над головой транспарантом «История вам отомстит!». Юноша тем временем вышел на разделительную и прохаживался туда-сюда, всячески тормозил движение и привлекал к себе внимание. Его призывы потерялись в криках, гудках и общем уличном гуле.

Рита ничего не понимала — вчера тут все было спокойно, если не считать неудобного забора, но это же временно. Из-за поворота слишком резко выскочила черная иномарка, сразу видно, что водитель был не из местных — внезапный забор напугал его до чертиков. Завизжали покрышки, народ кинулся кто куда, толстый юноша убежал на другую сторону и кричал свои лозунги оттуда. Дед с вязаной теткой шарахнулись к забору, Рите пришлось бежать за ними. Издалека слышалось кряканье спецсигналов, звук быстро приближался.

— Что такое? — спросила Рита деда. Тот так и держал угрожающий плакат

над головой, хотя руки уже заметно дрожали.

— Фашисты в городе, — крикнул дед, — враги окружили! Уничтожают нашу историю!

По всем признакам дед смахивал на сумасшедшего, причем довольно буйного.

— Кто в городе? — Рита бы с удовольствием отошла, но было некуда. Движение встало намертво, встречные потоки машин и людей слились, переплелись, и в этой мешанине сам черт бы не разобрался. Юношу пытались побить, но он, несмотря на свои габариты, ловко ушел от разъяренных участников движения и колыхался на бровке тротуара, крутился на все стороны с плакатом на пузе.

— Фашисты хотят сломать этот прекрасный дом, — взлохмаченная тетка ткнула пальцем в ворота, — а на его месте построить торговый центр! Тьфу на него!

Она натурально плюнула на створку ворот, Рита невольно попятилась, дед преградил ей дорогу.

— А его строил сам Кекушев, автор особняка Маргариты на Остоженке! Ну, тот самый, из романа! Вы что, не читали этот великий роман?

Судя по выражению лица, дед был готов убивать, тетка не отставала.

— Если сегодня мы дадим им уничтожить дом, до завтра от нас ничего не останется! Кругом будет одна еда! — вещала тетка, глаза у нее покраснели.

— Его строил Кекушев? — Рита посмотрела на торчащие за забором башенки и стены из красного кирпича. — Тот самый?

Это стало полной неожиданностью, даже предположить не могла, что этот замок, уже намозоливший глаза за шесть лет, и легендарный особняк из центра Москвы — кровные родственники по отцу-создателю. И получается, что сейчас его сносят, чтобы построить очередную лавку с макаронами? «А как же химера, они убьют мою химеру?» — Рита вглядывалась в переплетение кленовых веток за забором, всматривалась так и этак, щурилась, приподнималась на носки, но ничего не видела. Химеры не было, и тут сердце сжалось, стало горько чуть ли не до слез, как в детстве. «Да вы сдурели!» Рита незаметно для себя оказалась на проезжей части и чудом не угодила под такси. Правда, то еле ползло в потоке, но все же было мало приятного обнаружить в полуметре от своих колен не очень чистый бампер «Ситроена». Водитель как нажал сигнал, так и держал его с невозмутимым видом, Рита смотрела на крышу дома. Химеры не было, хотя отсюда, кажется, ее должно быть видно. Рита рванула прямо по дороге и уже перед банком разминулась с полицейскими — те важно следовали к месту происшествия.

Рита заметила их краем глаза, так торопилась, что ничего вокруг себя не видела: кому-то машинально отвечала на приветствия, мимо кого-то просто промчалась без дежурного «здрасьте». Гудел в сумке телефон, Рита его точно и не слышала, вбежала в кабинет и рванула напрямик к себе. И только узрев в окно знакомый острый профиль и горбатую шипастую спину, успокоилась, бросила сумку на стол и открыла окно. Химера вытянула шею и смотрела вниз, вид у нее был злой и растерянный. Оттуда доносился грохот отбойников и еще чего-то очень похожего, вроде недавнего перфоратора, над домом висело облачко красноватой пыли, слышались чужая речь, неприятная музыка и смех. Их перебивало «кряканье», сквозь листву снизу поблескивали крас-

но-синие отблески проблескового маячка. Рита во все глаза смотрела на химеру, а та точно отползала от края, вцепилась в крышу когтями и выглядела довольно жалко.

— Рита, привет, тут дополнения пришли от доп. офисов, — ворвалась Юлька с бумагами в руках. — Надо уточненку сдавать. А это что такое?

Рита повернулась: Юлька тянулась к черно-белому полосатому галстуку, что так и валялся на столе. Рита немного не успела, Юлька схватила галстук, размотала, рассмотрела пристально, зажала в кулак.

— Этой чей? Красивый какой, дорогой, наверное. Я такой недавно видела у кого-то, — Юлька намотала галстук на ладонь и размахивала свободным концом. — У кого я его видела?

— Дай сюда! — Рита снова промахнулась, Юлька выдернула галстук у нее из рук и спрятала за спину.

— У Черникова, точно! Ритка, это его галстук? — Юлька лягнула дверь, и та захлопнулась, Юлька перешла на шепот. — Ритуля, ты же знаешь, я никому не скажу, мне можно доверять! Это его галстук, да? Он его тут забыл? Когда, почему? Ритка, чем вы тут занимались, как он тебе?

— Дай сюда, — прорычала Рита, — сейчас же!

Юлька сделала умоляющее лицо, прижала палец к губам, потом молитвенно сложила руки.

— Ритка, но это же так интересно! Ну расскажи, я никому!

Рита изловчилась и выхватила у нее галстук, смотала и кинула в ящик стола. Юлька надулась.

— Подумаешь, какие тайны... Все равно все скоро узнают. Вот охота тебе, чтобы я от других узнавала.

— Анька где? — перебила ее Рита. Смутно помнилось, что тот угол пустовал, когда она прибежала, а вот Руснакова на месте: как всегда, с идеально прямой спиной, смотрит в монитор с пустой таблицей. А в кабинете снова нехорошо пахнет, и что с этим делать, совершенно непонятно.

— К врачу пошла, — недовольно бросила Юлька. — А эта ворона с утра так сидит, даже в туалет не выходила. Ритка, ты как хочешь, я ее боюсь, живой человек так вести себя не может.

«Я сама боюсь». Рита выглянула из-за Юлькиного плеча. Руснакова не двигалась, монитор перед ней давно «заснул».

— И так целый день, — прошептала Юлька, — с девяти часов. Иди, скажи ей что-нибудь.

И даже подтолкнула Риту, но та закрыла окно и повернулась спиной к испуганной химере. Грохот, пыль со стройки просто рвали душу, хотелось своими руками прибить рабочих, а лучше того, кто прислал их сюда. Торговый центр они построить решили, мать их, на фиг никому не нужный очередной торговый центр. А как же химера, а особняк Маргариты?

— Потом, — Рита собрала разбросанные Юлькой документы, сложила аккуратно и вручила ей. — Сделай уточненку, пожалуйста. Я тебе отгул дам! В пятницу! Или в понедельник.

Тем самым пресекла Юлькины возмущения на корню: та недовольно сверкнула глазами и потопала на свое место. Боком обошла застывшую на манер степной каменной бабы Руснакову, уселась за свой стол, нацепила наушники. Руснакова не шелохнулась, вонь усилилась, Рита закрылась в своем ка-

бинете. Проверила почту — от Милютина ничего, ни одного письма за целый день, даже глазам не верится. Были еще несколько неважных, Рита ответила и проверила свой телефон. Звонила Женя, от нее же имелось сообщение: хозяйка салона перенесла встречу, до нее оставалось всего ничего. Рита прикинула, что ждать сегодня больше нечего — Милютин нейтрализован, Юлька все сделает, а Руснакова... С этим ничего не поделать, во всяком случае, сейчас. «Я пошла», — отправила Рита Юльке. «У тебя свидание с Черниковым?» — моментально отозвалась та. «Нет, успокойся». — «Галстук не забудь, ему он очень идет, кстати». — «За Натальей следи. Сразу пиши мне, если что». — «Что — если что? Вдруг она меня убьет?» — «Я отомщу». — «Спасибо, успокоила. Меня это очень бодрит». Рита громко попрощалась, проходя через общий кабинет. Юлька кивнула и сделала страдальческую физиономию, а Руснакова вообще непонятно, слышала или нет. И вообще заметила ли она Риту или глубоко ушла в свой внутренний мир. Разбираться с этим было некогда, надо посмотреть новое помещение.

Женю вкус ни разу не подводил, как и в этот раз. Салон оказался не просто большой, тут было очень светло и просторно, а уж планировка — просто мечта. Сразу у входа стойка ресепшен, потом комната с огромными панорамными окнами, коридор и несколько кабинетов.

— Всего семьсот пятьдесят метров, три кабинета маникюра и педикюра, десять мастеров в смену парикмахеров, четыре кабинета косметологии и солярий, — показывала им хозяйка, довольно молодая еще женщина гигантских размеров, вся в черном в обтяжку и в золоте, вот реально с ног до головы. Одной цепью можно было если не убить, то серьезно покалечить, а уж некрупного или послушного пса удержать на ней — вообще запросто. Рита шла за ней, заглядывала во все двери, Глеб и Женя просто слонялись по салону.

— Неплохо, неплохо, — бормотал Глеб. Он приподнял жалюзи, поглядел на улицу. Женя изучала потолки, стояла, задрав голову: наверху уцелела лепнина с прежних времен. Ее не уничтожили при ремонтах, а поддерживали в первоначальном виде, и выглядела она довольно приятно.

— Мебель и оборудование оставлю, — хозяйка ткнула телефоном в сторону бежевых диванов и шкафов со стеклянными створками. Глеб оторвался от окна и пошел опробовать диван, сел, попрыгал, потом прилег. Рита разглядывала пол: превосходно сохранившийся паркет приятно пах, щелей на стыках плашек не наблюдалось.

— Охрана, телефон есть, все коммуникации, — гудела тетка, — задолженности по коммуналке нет, могу платежки показать.

Она развернулась и двинула обратно, едва не сбив с ног Женю, и та едва успела увернуться. Тетка этого будто и не заметила, плюхнулась в кресло за стойкой, развалилась так, что оно тяжко хрустнуло.

— Ну как, подходит? — Бабища играла золотой цепью, крутила ее так и этак, наматывала на палец. — Понравилось?

— Понравилось, — не стала скрывать Рита. В почту за последний час упали две заявки на съемки, оба заказчика хотели немедленно, времени на раздумья не оставалось.

— Хорошо, — дернула бровями хозяйка, — сделку хоть сегодня оформить можем.

И назвала цифру, от коей дыхание перехватило. Глеб медленно сел на ди-

ване, Женя рассматривала свой маникюр.

— Сколько? — не сдержалась Рита. Сумма аренды выходила просто сказочная, или эта тетя просто сошла с ума. Та выглядела вполне вменяемой и спокойно повторила ту же цифру.

— В месяц? — уточнила Рита. Рассудок активно отторгал происходящее, а подсознание подавало сигналы, что тут нечисто.

— Чего, — хозяйка глянула поверх очков, — какой месяц? Я продаю помещение, это сумма сделки, ее и в договоре укажем. Что не так?

Да все так, если не считать, что Женю просили найти вариант для аренды, а не для покупки. Она и стоит, скромненько потупив глазки, и вряд ли понимает, что потеряна прорва времени, которое стоит денег, и их тоже, мягко говоря, не очень много.

— Я поняла, — Рите ничего не оставалось, как держать лицо при плохой игре, — дайте скидку. Место хорошее, но этих денег не стоит.

— Стоит, — спокойно заявила хозяйка, — это центр, рядом остановка, полно маршруток и автобусов, до вокзала можно пешком дойти. Клиент попрет, можно на рекламе сэкономить, особенно если утром выделить часы для бюджетников. За год отобьете все затраты. Бонусом могу контакты мастеров дать, это проверенные девочки, со своей клиентурой.

Женя фыркнула еле слышно и поспешно сделала серьезное лицо. Глеб остался невозмутим, но на диван больше не садился. Рита в темпе прикидывала, хватит ли ей денег. Если подгрести все, что есть в наличии, даже снять со всех карточек, то впритык, но останется только на еду, как в старое доброе время, забыть бы его и не вспоминать. С другой стороны, вопрос, вернее, большую его часть, можно решить другим путем, тогда чемодан опустеет лишь наполовину. Потратить два-три вечера на склейки, потом еще пару дней, чтобы обойти не слишком привередливые терминалы и банкоматы, и готово дело. Но нет этих дней, даже одного нет. И квартиру так сразу не продать, хоть она и в хорошем районе. Ну, Женя, ну, удружила. Та явно чувствовала, что натворила, виновато поглядывала на Риту, а потом и вовсе выскочила на улицу с глаз долой.

— У меня еще покупатели есть, — заявила хозяйка, — мне деньги срочно нужны. Так что ждать я вас не буду.

— Я покупаю, — сказала Рита, стараясь не смотреть на обалдевшего Глеба, — снимайте объявление. И я плачу наличкой. Для сделки можем заказать в банке переговорку и купюрорасчетную машинку с валидатором.

Глеб с невозмутимой рожей выплыл следом за Женей. Тетка глянула на него, на Риту, тяжело поднялась с перекошенного белого кресла.

— Обязательно проверю. Вдруг вы их нарисовали.

Не нарисовала, конечно, вот к чему способностей никогда не было, так это к рисованию. Но при виде пустого чемодана сердце кровью обливалось. Хотелось запереть все двери, закрыть окна, опустить шторы и сидеть так день или два, сколько понадобится, пока раны не затянутся. Но где же взять их, эти дни, нет времени, даже часа нет. Рита с ненавистью запихнула пустой чемодан на полку в гардеробной, убрала договор купли-продажи к остальным документам и легла спать в девять вечера, а утром, как обычно, пошла на работу. Шла-шла, а на душе росло и крепло мерзкое липкое чувство зависимости, когда ты сама — ну просто ноль без палочки, никто и звать тебя никак, а другие дяди

и тети руководят твоей жизнью. Единственной и еще толком не прожитой, только начавшейся: казалось, что нашла свою дорожку, а та раз — и привела к обрыву. Вниз страшно посмотреть — голова кружится и темно там, и чьи-то тени мелькают, черные, само собой. «Ладно, не так все плохо, — утешала себя Рита, — если что — продам салон, пусть даже себе в убыток. И квартиру сдам, или сама там жить буду». А у самой перед глазами так и маячила черная воронка как итог всех трудов и стараний, и тени оттуда уже через край лезут, лапы тянут, и пахнет от них далеко не фиалками.

Сама не заметила, как добралась до кабинета, провонявшего стойким запахом помойки. И только собралась удивиться вслух, почему никто не проветрил помещение, как слова застряли в горле. Решила сначала, что показалось, или происходящее вовсе не то, чем кажется, но нет — видение не исчезало и даже не собиралось. Кое-что оставалось неизменным — Руснакова со шваброй в желудке смотрела в темный монитор и зачем-то держала мышь, компьютер она традиционно не включила, зато исправно присутствовала на рабочем месте, хоть и в хлам уже с утра, но не опоздала ни на секунду. А Юлька с Анькой сидели за одним столом и лопали яблоки.

— Вот это ешь, — Юлька вытащила из пакета две виноградные грозди, черную и зеленую, — это полезно для беременных. Потом это, — на столе появилась большая яркая банка, в которой что-то приятно стучало и шуршало, — это витамины, тебе нужны витамины. А это на обед, вареная индейка. Постное мясо — то, что надо. Давай, корми моего ребенка.

Она поставила рядом большой лоток — его распирало от содержимого, крышка держалась неплотно, и оттуда очень вкусно пахло. Юлька выложила сверху стопку коробочек в разноцветных упаковках, подвинула все богатство Аньке. Та подняла на Риту зареванную рожу, кивнула и принялась лопать виноград с веточками и косточками.

— Она мне ребенка продаст, — Юлька тревожно осмотрела стол, спохватилась и побежала на свое место. Вытащила из ящичка пакет с грушами, Анька потянулась к нему, Юлька прижала груши к животу.

— Они не мытые, погоди. Я сейчас.

Сунулась к двери, Рита загородила ей дорогу, глянула на жующую Аньку, потом Юльке в глаза.

— У нас разрешили торговлю людьми?

Юлька озабоченно рвалась на выход, Рита не пускала ее, схватила за плечи. Юлька подняла голову:

— Она родит и продаст мне ребенка, — Юлька сейчас в точности походила на Ирку перед отпуском: такой же блаженный вид, безумная улыбка и чуть ли слюни не пускает в предвкушении.

— Ага, — не прожевав, выдала Анька, — мы договорились. Я типа инкубатор, рожу за деньги.

— Ну, — Юлька наступала на Риту, — что не так? Это же не запрещено! Справку она принесла, все в порядке, я мать знаю, отца, — Юлька поморщилась еле заметно, — видела пару раз. Не красавец, чуть приятнее обезьяны, но хоть без видимых дефектов. Бывает и хуже.

Прошмыгнула мимо обалдевшей Риты и усвистала со своими грушами. Анька дожевала яблоко, открыла контейнер и взялась за индюшку. Вонь стала вовсе уж невыносимой, Рита открыла окно, по кабинету загулял сквозняк. Рус-

накова по-прежнему не шевелилась, но и не спала, пялилась в одну точку и крепко держала мышь.

— Кто окно открыл, — ворвалась Юлька, — ты с ума сошла? Ребенку это вредно! Закрой сейчас же!

Груши полетели на Анькин стол, Юлька бросилась к окну. Рита пропустила ее и ушла к себе, закрыла дверь на замок, распахнула свое окно настежь. И тут же пришлось закрыть — отбойники и перфораторы грохотали так, что заглушили бы и взлетающий истребитель. Химера морщила морду и чуть не плакала, пыль клубилась вокруг ее поникших шипов, казалось, что монстр похудел за одну ночь, бока сильно запали.

Рита отвернулась к стенке и смотрела на драные обои. Тут на стене стыковались плиты, дешевая бумага надулась и треснула от пола до потолка еще при Марианке, а Рите казалось, что это разваливается на части ее жизнь. И так себя жалко стало, так хотелось зареветь, что еле сдержалась, прикусила костяшку указательного пальца. Прикрыла глаза и принялась мысленно сортировать проблемы — от самой мелкой, вроде сломанного ногтя, до глобальной, угрожающей, и на вершине пирамиды вдруг оказалась Руснакова. Рита крутила мысль так и этак и убеждалась, что да — это самый большой ее пролет, самая большая ошибка — и угроза репутации, и завал работы отдела, и вообще позорище и предмет шуточек и сплетен. «Это надо было так нарваться?!» Рита крутилась на стуле, стараясь не смотреть в окно, и все прислушивалась к звукам из-за двери. Такое впечатление, кто, кроме Юльки, там никого нет, слышен только ее голос, ну еще и пару раз прозвучала мелодия звонка, и все. Эти две дурищи ей не помощники, обеих можно не брать в расчет. Но сама она с Руснаковой не справится, если сдать ее кадрам, вертухайка Шумилина мигом расколет алкашку, но шума будет до небес. Надо как-то потихому все проверить: и терпеть Руснакову больше нельзя, она в дрова уже с утра и увольняться не планирует. «Надо как-то подвести ее к заявлению по собственному, — Рита еще раз крутанулась на стуле, — сделать так, чтобы она сама написала, организовать все так, чтобы помочь ей принять нужное решение. Ирку подожду».

Немного отпустило, на душе стало полегче. Ирка мастерица в таких делах, правда, придется признаться ей, что прокололась, но лучше уж так, чем позориться на весь банк. И все бы ничего, но Ирка выйдет недели через три, придется пока терпеть и молиться, чтобы эта волосатая мымра ничего не отмочила. «На больничный ее услать?» — Рита крутила в руках телефон, борясь с желанием немедленно написать Ирке, покаяться и попросить о помощи. Но, во-первых, это жестоко — дергать человека в долгожданном заслуженном отпуске, а во-вторых, от Ирки уже несколько дней ничего не поступало. Где сейчас она, куда пропала? Давно нет вестей из Прованса и Лангедока.

Телефон ожил, задрожал, запел в руках, Рита смотрела на экран, собралась с силами и решила-таки ответить.

— Привет, — бодро сказал Черников, — как отчет, сдала? Спорим, что Милютин не писал и не звонил тебе?

— Ты меня просто спас, — Рита невольно улыбнулась, — сдала, даже с уточненкой. Он жив, надеюсь?

— Милютин? Чего ему сделается, у него жира как у моржа, на две жизни хватит. Давай зверюг сегодня проведем. Я Каштану игрушку купил, то ли

страус, то ли цапля, непонятно. Шея длинная, таскать и грызть удобно, мне так в магазине сказали. Нормальный подарок, как считаешь? Ну и пожрать им, само собой, потрохов на рынке взял. Поедешь?

Рита повернулась к окну. Там что-то изменилось буквально за несколько минут, и она не могла понять, что именно. Потом сообразила — срубили большой клен, что обычно хлопал ветками по стеклу, и химера сделалась как на ладони. Сейчас она напоминала найденыша, пса с дороги — точно так же припала на все лапы и прижалась к крыше, точно хотела сделаться маленькой и незаметной. Отбойники грохотали, пыль клубилась как в пустыне. «Так не пойдет». — Рита подошла к окну, открыла, посмотрела вниз. Так и есть, клен лежит на земле, ветки уже отрублены и валяются рядом, еще живые, ствол распилили пополам и готовятся прикончить остатки. «Так не пойдет».

— Чего? — не понял Черников. Видимо, последние слова Рита произнесла вслух и сама этого не заметила.

— Все хорошо, — сказала она, — все в порядке. Поеду, конечно. Во сколько?

— В полшестого на парковке, — у Черникова уже был готов ответ. — Раньше не получится, мне Тарновский целую кучу дел накидал. Но я разгребу. До встречи.

Рита еще посидела, сжимая телефон в руке, посмотрела в стенку, послушала Юльку — ее очень хорошо было слышно и через дверь.

— Витамины надо принимать три раза в день после еды, — поучала она Аньку. Та молчала, видимо, жевала полезную пищу и старалась не отвлекаться.

— Это в первом триместре, потом я куплю тебе другие, они тоже очень хорошие. А ты будешь присылать мне отчет каждый день: что ела, сколько гуляла и спала...

— Ой, девочки, вы такие милые!

Юлька заткнулась, Рита выглянула из кабинета. Ожившая Руснакова покачивалась в проходе, хваталась за край стола, а тот вырывался и норовил уползти куда подальше. Тогда она схватилась за спинку стула, из висящей на ней сумки послышался веселый звон, Рита кинулась к Руснаковой и вытолкала ее в коридор. Юлька следила за ними во все глаза, Анька меланхолично жевала грушу с индейкой, запивая все тыквенным соком.

— Что такое? — вяло бормотала Руснакова. — Ритуля, что вы делаете? Разве я вам мешаю?

И вот провалиться на этом месте, но она была права. Не мешала, никому не мешала, сидела, как мышь под веником, и успела накидаться до такого состояния, что еле держалась на ногах. «Она прямо на работе пьет», — осенило Риту, и от этого открытия накрыли одновременно злость и бессилие. Получается, она пришла утром в приличном состоянии, а до кондиции дошла ближе к обеду. Уговорила два или три мерзавчика, судя по звукам из сумки, и — к гадалке не ходи — еще осталось про запас. «Может, отдать ее Черникову, вот прямо сейчас, сию секунду? Или Шумилиной? Черт с ним, со служебным расследованием». Рита готова была сдать. Руснакова не просто больна, она опасна, фиг знает, что ей придет в голову через минуту, какие голоса звучат под спутанной «мочалкой». «А ты что скажешь в свое оправдание?» — вспомнилась умница Латова, ошалевшая Галанова, и Рита потащила Руснакову на выход. Та бубнила что-то несвязное, но вышла почти ровно, своими ногами, даже сту-

пеньку благополучно преодолела на выходе. Постояла, вдохнула глубоко пару раз, включила автопилот и пропала из виду. Рита убедилась, что Руснакова ушла, выждала еще несколько минут и пошла работать. Удалось сосредоточиться за закрытой на ключ дверью, к половине шестого отчет только что не блестел бриллиантом чистой воды — показатели выверены идеально, первичка отсканирована и подложена по хронологии, даже служебки (к коим Милютин относился с особой нежностью) имелись в наличии. Рита отправила «драгоценность» по назначению и пошла на парковку.

Черников при полном параде, в костюме и неизменной белой рубашке, уже ходил вокруг машины, поглядывал то на часы, то в сторону выхода. Заметил Риту, пошел ей навстречу, потом вернулся, снова шагнул вперед. Рита отдала ему галстук, Черников неожиданно обрадовался, снова принялся наматывать на кулак, точно бинтовал руки перед дракой. Кстати, они у него заметно подрагивали, Рита сделала вид, что ничего такого не замечает.

— Смотри, — Черников кинул галстук в бардачок, а сам вытащил из салона что-то длинное, лохматое и цветастое, — крутая штука. Мне сказали, что надо делать вот так. Он схватил нечто за самую узкую часть, потряс, и тут стало понятно, что это птица с длинным клювом, вроде аиста и что ни один пес не устоит, чтоб не погрызть ее и не потаскать как следует по траве и камням. — Собаки от нее с ума сходят, — радовался Черников, — суперигрушка. Надо будет еще одну купить, эту Каштан за пару дней убьет. Еще кольца специальные есть, чтобы грызть...

— Рита, привет. Мы можем поговорить?

Черников так и застыл с аистом в руке, еще улыбался по инерции. Рита обернулась — пред ними стоял Игорь весь в белом, как жених, полит отличной туалетной водой с ног до головы, выбритый, причесанный, как с картинки. Да еще и с огромным, вот реально размером с небольшую клумбу, букетом мелких пудрового цвета розочек. Перед глазами все поплыло, розочки двоились, троились, кружились вихрем, тот набирал обороты, Игорь улыбался во весь рот. Подошел, буквально сунул Рите в руки букет, обнял и поцеловал в щеку.

— Нам надо поговорить, — он не сводил с Риты взгляд, чертовы розочки как бешеные мелькали перед глазами, потом раздался громкий хлопок, и навяжение спало. «Ровер» рывком дернул с места и выкатился на проспект, на пустое место осыпались розовые лепестки.

— Ритка, какая ты красивая, — Игорь попытался поцеловать ее в губы, Рита увернулась в последний момент. И чудом же удержалась, не вlepила бывшему букетом по физиономии, и то только потому, что руки задрожали.

— Чего тебе надо? — выдавила она кое-как, посмотрела в сторону проспекта. «Ровер» пропал из виду, там неторопливо катились машины, тормозили перед забором и недовольно гудели на пешеходов, перебежавших дорогу в неполюженном месте.

— Ритка, я соскучился, — еще шире улыбнулся Игорь. — Ну не дуйся ты на меня, хватит уже. Пойдем лучше посидим, выпьем чего-нибудь.

Взял ее под руку и повел в другую сторону, не туда, где исчез «ровер», а в кафе, куда на бизнес-ланч в обед бегала половина сотрудников банка. Тут и сейчас было полно народу: к вечеру в кафе менялись и меню, и обстановка. Появлялись приятная музыка и официанты, довольно приятные и вежливые ребята.

та и девчонки. Игорь поначалу растерялся, потом уверенно потащил Риту к столику у окна.

— Зарезервировано, — опередил их серьезный молодой человек со смешной тощей бородкой и мигом поставил на скатерть соответствующую табличку. Игорь недовольно поморщился, осмотрелся — почти все столики заняты, хороших не осталось. Почти все места вдоль панорамных окон занимала большая компания, оттуда слышались знакомые голоса. Рита присмотрелась — это гуляли банковский отдел кадров и часть бухгалтерии, отвечавшая за начисления зарплаты и премий. В центре спиной к окну сидела толстая румяная барышня из этого самого отдела: ее то ли повысили, то ли она отмечала свой день рождения. А рядом, через одного человека, помещалась Галанова — она моментально узнала Риту и даже привстала, вытянула шею, прищурилась. Рита отвернулась, но было поздно. «Отлично, — крутилось в голове, — просто отлично». Но деваться было некуда — не бежать же, в самом деле, хотя очень хотелось.

— Могу предложить вот этот, — официант отодвинул стул от столика на двоих на самом проходе. Игорь злобно зыркнул на парня, но выбора не оставалось.

— Хрень какая-то. Ритка, садись уже, а то...

Пришлось сесть, не дожидаясь этого самого «а то». Букет занял весь стол, мест для тарелок не оставалось. Хорошо, официант сообразил вместе с меню принести вазу с водой, букет отлично уместился в нее и за ним было удобно прятаться. Розочки приятно пахли и казались до того нежными и беззащитными, что Рите стало их жалко. Она коснулась пальцем крохотного цветка и подумала, что букет она тут не оставит. Вот что бы дальше ни произошло, как бы дело ни повернулось, цветы она унесет с собой.

— Ритка, я сам закажу, — Игорь повеселел, развалился на стуле, — я знаю, что ты любишь, так что отдыхай пока. Эй, сюда пойдите!

Бородатый юноша подошел с невозмутимым видом, приготовил блокнотик. Игорь принялся тыкать пальцем в меню.

— Картошку жареную две порции, курицу вот эту, мне котлеты. Так, еще колбасу и вот эту нарезку. И салатик еще, с майонезом!

Официант все записал и отошел, Игорь перегнулся через стол и улыбнулся. Хорошо, букет оказался достаточно развесистый, и поганая улыбочка бывшего терялась за ветками.

— Почему ты решил, что я все это люблю? — Рита старалась смотреть в сторону, но там была Галанова. Она потеряла к имениннице всякий интерес, постоянно смотрела на Риту, и это было меньшее из всех сегодняшних зол.

— Ты же сама все это постоянно готовила, — заявил Игорь и добавил, понизив голос: — Ритка, я же все помню. Все-все, что было. Я звонил, писал, но ты меня везде заблокировала. А я так скучал по тебе, так скучал!

Он потянулся взять ее за руку, Рита откинулась на спинку стула, но нехватило немного, буквально пары сантиметров. Игорь схватил ее за пальцы и сжал точно клещами, больно было даже пошевелиться.

— Я тоже помню, — Рита разглядывала цветы, — не все, конечно. Но многое трудно забыть. Продал квартиру, свою долю получил? Налог с продажи платить не пришлось?

Игорь по-прежнему улыбался и сжимал ее пальцы, только руки у него ста-

ли влажные. Рита дернулась, но Игорь не отпускал ее, придвинулся еще ближе, их разделяли листья букета и довольно острые шипы на тонких стеблях.

— Ритка, не злись, — поморщился Игорь, — ну чего ты, в самом деле. Неужели непонятно, зачем я так делал?

— Грабил меня? — уточнила Рита. — Вернее, использовал? Нет, непонятно. Мозгов-то у меня нет, дура я. Объясни, пожалуйста.

Игорь опустил голову, потряс волосами над тарелкой, хрюкнул что-то неразборчиво: то ли выругался, то ли ему реально было смешно. Официант принес овощи и нарезку, целое блюдо разной колбасы, ветчины и еще чего-то подобного. Игорь принялся грести себе еду на тарелку. Рита смотрела на Галанову, та ела виноград и только что не улыбалась ей через весь зал.

— Бери, чего ты, — спохватился Игорь. — Ну, давай я за тобой поухаживаю.

И навалил ей всего вперемешку, сам принялся жевать с довольным видом. Принесли залитые майонезом салаты, Игорь свалил колбасу в свой салат, второй на столик не помещался. Игорь сидел с ним как курица с яйцом, не знал, куда пристроить.

— Ешь, — сказала Рита, — я все равно на диете.

Игорь облегченно выдохнул, поставил тарелку рядом с собой и ткнул вилок в колбасу.

— Ритка, ты вроде умная, должна соображать, — он жевал и говорил одновременно, некоторых слов было не разобрать, да Рита особо и не старалась. Она решила для себя, что уйдет ровно через полчаса, и просто выжидала время. — Должна соображать, что в той халупе мы оставаться не могли, — прочавкал Игорь, — дом старый, почти развалина, в ремонт вкладываться смысла нет. Нам надо было купить новую квартиру, — он оторвал от вилки указательный палец, — а чтобы купить, нужны деньги. Вот я и забирал тогда твои, копил. Ты не дождалась совсем немного, уже хватало на первоначальный взнос. Могли бы уже в своей квартире жить, если бы ты деньги на ерунду не тратила.

— Эта ерунда — моя жизнь.

— Да брось, — скривился Игорь. — Для женщины настоящая жизнь — это муж, дети и кухня, а тебя по свету носило.

— Как ты все хорошо за меня решил.

Раздался негромкий стук, Игорь исчез, вот реально как под землю провалился, только вилка валялась в недоеденном салате и на скатерть упал кусок колбасы. Рита отвлеклась от букета, осмотрелась, и тут заметила, что на нее смотрят со всех сторон, а Галанова так и вовсе вскочила с места и пялится во все глаза.

— Ритка, прости дурака, — донеслось откуда-то сбоку и снизу. Рита повернулась, и сама чуть не упала — Игорь стоял рядом с ней на коленях и молитвенно прижимал руки к груди. — Ритка, я дурак, — чуть ли не орал Игорь, — прости, пожалуйста!

Невозмутимый официант обошел Игоря, впихнул на стол большое блюдо жареной картошки и так же невозмутимо удалился. Галанова только что пальцем на Риту не показывала, хорошо, хоть не снимала на мобильник, и на том спасибо. Но в понедельник об этом будет знать весь банк, и Черников в том числе, причем со всеми подробностями.

— Прекрати, — прошептала Рита сквозь зубы, — прекрати ломать коме-

дию. Что тебе от меня надо, какого черта ты приперся?

«Скотина!» — крутилось на языке, но она сдержалась. Игорь с достоинством поднялся, отряхнул брючки и сел на место. Поправил вилку, брезгливо отложил колбасный огрызок, подпер подбородок кулаками.

— Ритка, — Игорь жмурился, как кот, — Ритка, какая ты красивая, как я по тебе скучал, если бы ты знала. Какой же я дурак был.

— Был? — перебила его Рита. — А сейчас поумнел? Кстати, как ты меня нашел?

Вопрос глупый, если разобраться: Игорь знал, где она работает, даже приезжал к ней несколько раз, уже не вспомнить зачем. Спрашивать надо по-другому: на кой черт я тебе понадобилась, сволочь? Какого черта ты приперся именно сейчас, когда моя жизнь изменилась к лучшему, ну или шло к тому?

— Твоя мама сказала мне, что у тебя все хорошо, что тебя повысили, у тебя двадцать человек в подчинении и большая зарплата. И ты купила квартиру, — с милой улыбкой выдал Игорь. — И я понял, какое сокровище я потерял.

Мать, снова мать влезла не в свое дело, снова подставила и разболтала все тайны. «Такую мать волкам отдать». Рита старалась смотреть только на цветы. Бутоны уже разворачивались, от нежных лепестков приятно пахло, но жаренная в масле картошка перебила все ароматы.

— Она любит тебя, волнуется, что ты одна, что не вышла до сих пор замуж, что у тебя нет детей, — вкрадчиво говорил Игорь. — Знаешь, я ее понимаю, женщине очень трудно одной, особенно если она уже не молоденькая девушка и кандидатов в мужья с каждым годом все меньше. Она тебя любит и желает тебе счастья. Сказала, что я буду дурак последний, если не верну тебя...

— Меня или мою квартиру?

До намеченного времени оставалось меньше четверти часа, Рита решила подождать. На них уже не смотрели, даже Галанова поглядывала в их сторону все реже и реже. Впрочем, они уже хорошо приняты на грудь, оттуда доносилась музыка, кто-то требовал караоке.

— Ритка, не злись, — Игорь изловчился и снова схватил ее за руки, — давай шампанского выпьем и начнем все сначала. И вообще, кто старое помянет, тому глаз вон.

— А кто забудет, тому оба, — вырвалось у Риты.

— Это как? — обалдел Игорь и насторожился: у Риты зазвонил телефон. Она вырвалась, нашла мобильник на дне сумки. Звонил Глеб, что было очень и очень странно: за все время их сотрудничества это был второй или третий раз. Игорь аж через стол перегнулся, чтобы посмотреть, кто определился на экране. Рита отвернулась к стенке.

— Привет, — буркнул Глеб: казалось, он зажимает микрофон ладонью, до того глухо звучал его голос. — У нас тут посетители, двое.

— Еще же рано, — в тон ему прошептала Рита, — договорились на восемь. А сейчас только половина седьмого.

— Они поговорить пришли, — уточнил Глеб. — С тобой. Тебе лучше прийти, и побыстрее.

Голос пропал, послышалась невнятная мешанина звуков, потом довольно громкий звон и стук, что-то треснуло. Игорь нахмурился, Рита встала.

— Все так серьезно? — Она вслушивалась в звуки, что уже громко и отчетливо неслись из трубки, говорили сразу несколько человек, мужики, говорили

исключительно матом.

— Более чем, — загадочно подтвердил опасения Глеб и отбился. Рита кинула на стол деньги за свой «ужин», выхватила из вазы букет, вскочила. Игорь что-то крикнул, на них снова обернулись, но Рита уже выскочила за дверь.

Ворвалась в салон вся красная, растрепанная, букет тоже малость облетел, но выглядел еще пристойно. Дыхание сбилось, сердце прыгало где-то в горле, Рита перевела дух и посмотрела на Глеба. Тот на манер администратора торчал за стойкой и крутился на высоком стуле, а на диванчике сидели двое. С виду обычные парни, лет под тридцать, спокойные: один кроссворд в газете разгадывает, второй в телефоне залип. Одеты тоже обычно — джинсы, футболка, даже кроссовки у них одинаковые, как и круглые физиономии, бесстрастные, точно сонные. Рите показалось поначалу, что эта парочка родственников, но, приглядевшись, нашла несколько отличий — у того, что справа, рожа поизящнее, что ли, а слева реально пролетарий, причем потомственный.

— Вот, хозяйка пришла, — подал голос Глеб, и парочка шевельнулась. Газета и телефон исчезли, парни разглядывали Риту. Она положила букет на стойку и глянула на часы — до съемки оставалось сорок минут, клиент может прийти раньше, надо быстро спровадить этих двоих. Под ногами что-то зазвенело, захрустело, Рита посмотрела вниз: там оказалось полно битого стекла. Осмотрелась, обнаружила, что у большого зеркала на входе отбит нижний край, а к середине тянется широкая трещина. Парни встали, Рита попятилась.

— Вам чего? — Позади оказалась стойка, отступить было некуда. Краем глаза Рита увидела свое отражение в разбитом зеркале, выпрямилась и посмотрела самому наглому парню в глаза. Тот усмехнулся, показались желтые зубы.

— Надо заплатить, — он оперся на стойку рядом с Ритой, — так положено.

— Что положено? — Она глянула на парня, на Глеба, но тот гладил ладонью столешницу и будто ничего не слышал. Второй обошел Риту, и больше себя она в зеркале не видела, парни стояли очень близко, от них пахло потом и дешевыми сигаретами.

— Чтобы проблем не было, — пояснил второй, — чтобы не мешал никто. За безопасность, короче.

Рита в темпе прикинула, кто ей может помешать. Ну разве что девки с сайта или проститутки с шоссе, что проходит рядом с городом, но вряд ли эту угрозу можно воспринимать всерьез. А парни настроены решительно и явно не шутят.

— Да мы недавно открылись, — негромко сказал Глеб, — клиентов еще нет. Только-только ремонт закончили.

«Пролетарий» перегнулся через стойку, взял большую стеклянную банку, куда предполагалось класть конфеты для посетителей, и принялся играть ею, точно мячиком.

— А нам какое дело до ваших клиентов, — он кидал банку чуть ли не к потолку. — Открылись — платите. А то вдруг вам кто-то помешает, и клиенты вообще не придут.

Первый клиент уже, наверное, на пути сюда, скоро придет Мелисса — она еще ни разу не опоздала, и сегодня точно явится вовремя, если мир не перевернется. Глеб равнодушно следил за банкой, Рита посмотрела на второго бандита. Ситуация уже ясна как день, она ждала чего-то подобного, но чтобы вот так, сразу — к такому повороту оказалась не готова.

— Сколько?

— Третью дохода первый месяц, потом половина. Дохода, заметь, а не прибыли. И полное сопровождение бизнеса с нашей стороны.

— С вашей? — Рита едва удержалась от крика. — Какое сопровождение? Мне оно на фиг не нужно, валите отсюда.

«Пролетарий» поймал банку, посмотрел на напарника. Глеб задумчиво разглядывал свои руки и сжимал-разжимал кулаки.

— Хозяйка, ты не права. Надо заплатить, чтобы проблем не было.

Бандит подошел к ней и оперся двумя руками на стойку, Рита оказалась в кольце. Глеб за каким-то чертом полез в ящики стола, потом принялся двигать тумбочку.

— Я тебе сама проблемы устрою, — Рита смотрела бандиту в глаза. — У меня тут камеры кругом, я сейчас ментам позвоню, и тебя посадят.

Бандит схватил ее за горло и сжал с такой силой, что в глазах потемнело.

— Мозги включи, — раздалось из полумрака, — тебя пока по-хорошему просят. Хочешь тут работать — плати сколько сказано. Нет денег — кредит возьми, потом отобьешь.

— Да пошел ты, — кое-как проговорила Рита, — ты вообще кто такой?

— Хороший вопрос. Я тоже хотел спросить. — Глеб оказался рядом и тронул бандита за плечо. Тот повернулся, и Глеб врезал ему снизу вверх под челюсть. Рите показалось, что лобастая башка оторвалась и полетела к потолку, как недавно летала банка. Но нет, башка осталась на месте, бандит развернулся и боком грохнулся на диван и раздался такой звон, точно небо расколосось. А это просто разбилась банка — «пролетарий» швырнул ее о стену и кинулся на Глеба. Тот увернулся, пропустил бандита вперед, перехватил за руку и врезал ему по спине, добавил еще раз, еще, потом отшвырнул к двери. Первый уже приходил в себя, шевелился на диване. Глеб заломил бандиту руку за спину, вывернул, и «сборщик дани» заорал во все горло.

— Хлебало завали, — посоветовал ему Глеб, — тебе вопрос задали. С хера ли ты такие требования кидаешь, с какого перепугу мы должны тебе платить?

У бандита побледнела рожа, а второй держался за башку. Видно, хорошо приложился о батарею и в разговоре участия не принимал. Глеб дожимал «пролетария», и тот аж зубами скрипел, но больше не орал.

— Гончарову все платят, — выдал он, наконец, — весь город, как положено. Нам сказали адрес — мы пришли, мы же не от себя лично. Надо, чтобы порядок был.

Глеб отпустил захват, «пролетарий» еще немного полежал и с кряхтением поднялся. Второй уже маячил около двери с таким видом, будто его сейчас вывернет, сию секунду — взгляд мутный, рожа блее бумаги, двигается как пьяный.

— Кто такой Гончаров? — Глеб обернулся и подошел к Рите, снова сжимая кулаки. Пальцы у него неприятно хрустели.

— Ему все платят, — повторил «пролетарий», — и вы будете платить, если работать хотите.

— Даже не собираюсь, — сказала Рита, — так ему и передайте.

Глеб незаметно сжал ей локоть, подмигнул и направился к бандитам.

— Откуда я знаю, что вы гончаровские, а не на бутылку собираете? — Он распахнул дверь. — Мало ли какая шваль по городу побирается.

— Пусть сам приходит, тогда поговорим! — крикнула Рита вслед бандитам. Те оглянулись, но промолчали, быстро свалили прочь. Глеб закрыл дверь, подошел к Рите, встряхнул ее за плечи.

— Испугалась? — фирменно улыбнулся он. — Привыкай, это только начало.

И облизнул разбитые костяшки пальцев. Рита кое-как добралась до дивана, плюхнулась на него — коленки дрожали, в ушах стучала кровь. Глеб посмеивался и разглядывал свои руки, под ногами хрустело стекло.

— Как ты их, — проговорила Рита, — обалдеть. Я думала, что нам конец.

Глеб принес из подсобки веник и принялся сметать осколки. Рита с ногами залезла на диван и смотрела, как Глеб наводит порядок.

— Я боксом десять лет занимался, — он аккуратно складывал на совок крупные осколки, — мастера спорта получил. В олимпийскую сборную отобрался и на тренировке по дури связки порвал, спорт пришлось бросать. Но навыки остались.

— Я вижу.

Глеб выкинул горлышко от банки в корзинку для мусора, туда же отправились осколки, стало чисто и тихо, будто ничего и не случилось.

— Вот так. — Глеб сел рядом с Ритой и посмотрел на часы. До съемки осталось пятнадцать минут.

— А в этом бизнесе ты давно? — Вдруг напал озноб, и Рита только что зубами не стучала и старалась не дрожать.

— Года три, — прикинул Глеб, — как с Женькой познакомился. Она, кстати, гимнастикой занималась, тоже профессионально, но с тренером не поладила и ушла. Ты давай приходи в себя, времени нет.

Рита умылась горячей водой, и озноб пропал. Постояла перед зеркалом, разглядывая свое перепуганное — чего уж там скрывать — лицо, потом вышла на голоса в коридоре. Мимо пробежала Мелисса в полной боевой готовности, кивнула на ходу и пропала в массажном кабинете. Глеб уже возился там с камерами, Рита туда не пошла, вызвала Глеба на ресепшен.

— Сделай все сам, — попросила она, — я пойду.

— Не вопрос, — Глеб вручил ей букет, — не волнуйся. И, надеюсь, ты понимаешь, что они вернутся.

— Предлагаешь заплатить? — Рита рассматривала цветы.

— Думай, — сказал Глеб, — тебе решать.

«Я подумаю». Рита вышла на улицу. К салону как раз подъехала белая спортивная машина, обе дверцы дружно распахнулись. Рита отвернулась и пошла к дому, но уже через несколько шагов пришлось остановиться — телефон гудел на все лады, сообщения сыпались одно за другим. Фотографии мощных серых стен, башен, подвесной мост на гигантских цепях, узкие улицы, серые дома, цветы на окнах, снова стены такие мощные, что и танком не пробить, еще башни. Дальше шли виноградники, они терялись за горизонтом в густо-синем небе, и весь замок со стороны со всеми башенками, стенами и шпилями. «Это Каркассон, он пережил несколько лет осады, но не сдался. Оборону города возглавила жена одного из рыцарей, когда он погиб. А когда в городе люди начали есть друг друга от голода, она приказала сбросить со стены последний мешок зерна и свинью, таким образом показала врагам, что в городе полно еды и сдаваться они не намерены. Молодая вдова взяла на понт самого Карла Великого!» — сообщала Ирка в своих путевых заметках. Последним шло фото

этой самой дамы, серьезное круглое лицо, выбитое на камнях одной из главных башен. Изображение схематическое, но видно, что женщина в доспехах: отчетливо просматривались латы и шлем. И тут телефон снова задрожал, свалилось еще несколько сообщений, на этот раз сплошь вино, красное, всех оттенков, и огромное блюдо с фасолью и мясом. «Это касулé, тут утка, гусь, баранина и что-то еще», — нашла в себе силы и написала Ирка, после этого связь оборвалась. И этот вечер наконец закончился и наступили выходные.

Два дня все мысли были только об одном: платить или нет. Если платить, то сколько, бандиты не назвали сумму, до нее дело не дошло. Если не платить, то будет еще хуже — эта парочка вернется, и разговаривать будут уже по-другому, один Глеб не справится. Нанимать охрану? Опять же, им надо платить, и сколько их надо, сколько стоят их услуги? И кто такой Гончаров, с коим лучше не ссориться?

В Сети он следов не оставил, вот ни единого, как Рита ни искала, как ни старалась, толку было ноль. К вечеру воскресенья чувство было такое, будто отпахала сутки без сна и отдыха, голова гудела, а при одном виде монитора накатывала тошнота. Одна радость — клиентам все понравилось, каждый получил свою долю, содержимое чемодана немного пополнилось. Но этого точно не хватит, чтобы откупиться от вымогателей. «Квартиру продать?» — Рита не находила себе места, слонялась из комнаты в лоджию и обратно. Дождик как начался в ночь на пятницу, так и шел, тихий и серый, да еще ветер задувал, точно не конец июля на дворе, а тоскливый октябрь. Тренькнул телефон, оповещая о сообщении в почте. Это оказался «Руснакова» — Рита, как ни гнала от себя сравнение, так и не могла от него отделаться. Заказчик в этот раз пожелал классику — медсестра и пациент, что может быть проще и банальнее. «Девушка на ваше усмотрение». Рита прикинула, что Женя подойдет, и уже решила позвонить ей. Прошлась еще туда-сюда с телефоном в руках, посмотрела в окно на лужи и мокрые деревья внизу, на серое небо и решилась. Этот номер был у нее на крайний случай, если что-то сорвется или пойдет не так, она ни разу не набирала его, но вот время пришло. Заказчик ответил моментально, будто ждал звонка.

— Что-то не так? — спросил он вместо приветствия. Фоном слышались музыка и шум дороги, потом стало тише, точно подняли стекло в машине.

— Добрый день, — Рита жутко волновалась, но старалась этого не показывать. Улыбнулась даже — где-то читала, что «улыбка в голосе» помогает скрыть напряжение и мандраж. Заказчик ничего вроде не почувствовал, но, скорее, особо не прислушивался и думал только о своем.

— Девушка будет рыжей, с короткой стрижкой. Вам подойдет?

— Нормально, — буркнул заказчик, — любая профессионалка. Подойдет любая из ваших, они все красотки и хорошо знают свое дело.

— Спасибо, — говорить с растянутыми губами было неудобно, зато волнение спадало. Рита вдохнула, выдохнула и выпалила единым духом:

— Мне нужна консультация. Не могли бы вы мне помочь?

— Консультация? — искренне удивился заказчик, и стало ну очень тихо, будто он в сейфе заперся. — Даже не представляю, по какому вопросу я бы мог вас проконсультировать. Скорее, уж вы меня.

Он явно издевался, Рита прикусила губу, зажмурилась и выпалила:

— Кто такой Гончаров? Говорят, с ним лучше не ссориться.

Заказчик молчал, но связь не оборвалась. Рита ждала, ждала, но слушать эту давящую тишину уже не было сил.

— Я готова сделать вам скидку на предстоящую съемку, — сказала она, — за полную и подробную консультацию по этому вопросу. Двадцать пять процентов от обычной цены...

— Да не в деньгах дело, — перебил ее заказчик, — я думаю, как бы лучше вам объяснить, донести свою мысль. Вы давно живете в нашем городе?

— Полгода, — сказала Рита. Ну да, так и есть, с зимы, она же Новый год встречала в своей новой квартире. «А теперь придется ее продать». От этой мысли сердце сжалось, но удалось отогнать ее куда подальше.

— Понятно, — раздался тихий щелчок, заказчик шумно выдохнул и заговорил сквозь зубы:

— Я так и думал. Гончаров более пятнадцати лет был главой нашего города, но уже почти столько же, как отошел от дел. Это при нем построили нормальный вокзал, несколько мостов, сделали объезд, чтобы транспорт шел не через центр, а по окраинам. Дороги и путепроводы тоже он, несколько барачков расселил, дал людям нормальное жилье. И все на бюджетные деньги, заметим, у него были связи в области, и Гончаров использовал их на благо города.

— Прямо отец родной, — не сдержалась Рита. Вот чего угодно ждала, а не такой рекламы крепкого хозяйственника, о коем с благодарностью вспоминают и через годы. Рисовался образ бандита в телогрейке и с «калашом» на шее, а тут нате — дороги, мосты, бараки расселил.

— Себя он тоже не забывал, понятное дело, — добавил заказчик, — но он же не святой, как и все мы. Любой, кто ведет бизнес в этом городе, обязан платить в его личный фонд.

— Фонд? — не поняла Рита. — Фонд отставного главы города?

— В таком деле бывших не бывает, — усмехнулся заказчик, — все, кто руководили городом после него, да и нынешний глава — рулят с его благословения. Посторонний тут не приживется, да и не пустят его. Это Семья, если вам угодно, большая, крепкая, дружная семья.

Он умолк, снова что-то щелкнуло, Рита зашагала по лоджии туда-обратно. На площадку у дома выскочил пес, белый красавец с черными и рыжими пятнами, принялся носиться по мокрой траве, поскальзывался, падал, снова вскакивал и мчался к хозяину. Тот размахивал какой-то мягкой тряпкой, пес аж с ума сходил от желания порвать ее в клочья. Рита присмотрелась — это был точно такой же страус, или цапля, что купил Черников для Каштана. Она отвернулась и пошла в комнату.

— Значит, все платят, а Гончаров тратит деньги по своему усмотрению? — уточнила она.

— Именно, — подтвердил заказчик. — Не нами это заведено, не нам отменять. Дружите с ним, мой вам совет, и у вас не будет проблем. Если понадобится помощь, то всегда можете обратиться к Гончарову, у него полно помощников, он никому не отказывает.

— А если не платить? — на всякий случай спросила Рита. Заказчик фыркнул в трубку и закашлялся.

— Тогда у вас будут проблемы, это он тоже хорошо умеет. Насколько я знаю, те, кто не платил, быстро теряли все и уезжали из города.

«Отлично». Рита плюхнулась на стул и закрыла глаза. Просто отлично, чего

уж там. Этот местный крестный отец не даст ей спокойно работать, значит, придется платить, а денег нет. Интересно, он дает отсрочку?

— Он и вам может помочь, если понадобится, — тихо проговорил заказчик, — так что не ссорьтесь с ним. Или уезжайте, так будет лучше.

«Еще чего — уезжать! Даже не собираюсь!» Рита прикусила язык, снова заходила по квартире. Крестный отец, значит, решает проблемы и помогает любому, кто попросит. Может все, но за деньги.

— А Гончаров может сделать так, чтобы дом не ломали?

Заказчик будто дышать перестал. Рита решила, что на этот раз уж точно все — она надоела занятому человеку, и тот оборвал разговор.

— Какой дом? — донеслось из трубки.

— Старый дом из красного кирпича, рядом с банком. Там еще химера на крыше, — выпалила Рита. — Это исторический дом, его нельзя разрушать, его строил архитектор Кекушев, он автор особняка Маргариты на Остоженке. Этот дом нельзя ломать!

— Вопрос решался не на нашем уровне, — быстро проговорил заказчик, — людям из области нужно хорошее проходное место. Ваша химера им мешает, все решено.

— Подождите, — Рита бросилась к ноутбуку, открыла свой архив и принялась листать страницы. Это прокурорские, это хозяин сети ювелирных магазинов (где он берет эту штамповку, из каких подвалов? Позорище, торговать такой дешевкой под видом украшений!), этот красавец из налоговой. Вот он. — Вы Тишаев Андрей Анатольевич, — быстро читала Рита свои записи, — вы заместитель главы города по капитальному строительству. Значит, вы подписывали разрешение на снос этого дома. Его нельзя трогать, вы разве не понимаете? Сколько вам заплатили? Вам Гончаров платил, чтобы вы прикрывали его мутные делишки? Да кто он такой, чтобы распоряжаться городом?

— Думаю, нам пора прощаться, — спокойно произнес заказчик, — все отменяется, наше сотрудничество прекращено. Всего доброго.

— Само собой, отменяется, — согласилась Рита, — но вы остановите стройку, или я выложу кино с вами в главной роли в Сеть. Понимаете, чем вам это грозит?

Она вскочила, прижала телефон к уху, точно боялась пропустить хоть слово, а слушать было нечего — снова та же космическая тишина, заказчик как в рот воды набрал. На холд поставил, скорее всего, и кроет матюками на чем свет стоит, понимая, что его только что взяли за нежное мужское место и держат очень крепко.

— Вы не посмеете, — донеслось через минуту.

— На что спорим?

— Это не мой уровень, — зло бросил заказчик, — я просто исполнитель. Вы хоть понимаете, что говорите?

— У вас сутки, — перебила его Рита, — отвалите от моей химеры к чертовой матери, или вам мало не покажется! Ищите себя в интернете, и вы, кстати, хреново выглядите — вам надо заняться спортом, есть здоровую еду и бросить курить, чтобы привести себя в порядок. Но и в таком виде я вам известность обеспечу, не сомневайтесь! Исполнитель херов...

Из трубки понеслись короткие гудки, Рита отбросила горячий телефон, точно боялась обжечься. Сердце бешено колотилось, от злости хотелось что-ни-

будь сломать или порвать в клочки. Ну надо же, нашелся крестный отец, решил, что может продавать город по кусочкам! И про свой карман не забывает, само собой, когда только нажрется! Люди из области его попросили! А не пойти ли этим людям из области обратно в область?

Успокоилась только ближе к ночи, когда дождик перестал, как и положено по закону подлости, ветер разогнал тучи и показался молодой месяц. Утром было довольно прохладно, Рита почти бежала в банк и обнаружила, что кабинет закрыт, а перед дверью торчит Руснакова и возится с замком.

— Доброе утро, — прогудела она, попадая ключом мимо личинки. Рита только собралась забрать у нее ключ, как третья попытка удалась, дверь открылась. Руснакова проследовала на свое место и уселась перед выключенным компом, потом зачем-то принялась перебирать бумаги. Рита сдержалась, молча прошла мимо. А что тут скажешь? Алкашка еще ни разу не опоздала (в отличие от той же Юльки, например), работу кое-как, но делает, придраться почти не к чему. «Скорее бы Ирка приехала». Рита вошла в свой кабинет и первым делом посмотрела в окно. Химера сидела на месте, в окружении поредевших кленов, и было очень тихо. Рита открыла окно настежь, свесилась вниз и с минуту разглядывала стройплощадку под окнами. Никого, ни людей, ни техники, только валяется вокруг битый кирпич и полно обломанных кленовых веток. А время-то уже десятый час утра.

— Рита, прости, я проспала! — влетела Юлька, зло глянула на Руснакову и включила комп. — Анька к врачу пошла, она позже будет. У нее там что-то срочное, я сказала, что отпрошу ее. Ты же не против?

И улыбнулась так ласково-наивно, что сил не было ее ругать, да и не до того было. Рита достала из сумки баллончик, что так и валялся там, брызнула в окно. В воздух улетела струя перцовки, сквозняк донес острый резкий запах. Рита захлопнула створку и побежала вниз.

Забор исчез, листы валялись на тротуаре и на газоне рядом, пешеходы, уже привыкшие к преграде, по привычке лезли на проезжую часть и тут же заскакивали на тротуар. Пробка ликвидировалась сама собой, машины неслись по свободным обеим полосам, солнце било в глаза. Рита по мокрой траве добралась до старого дома, задрала голову. Химеры отсюда не видно, зато отлично просматривается красивый фигурный карниз из белого и красного кирпича, окна-арки и дверь, мощная, огромная, точно портал в иной мир. Рита сжала в кармане баллончик и пошла в обход дома. Кругом полно битого кирпича, валяются доски, видно, что старые, с «тех» времен, грунт перепахан колесами самосвалов, в колеях стоит вода. Зато крыльцо с коваными ажурными перилами почти не пострадало, варвары разбили только несколько нижних ступенек да проломали стену в коридоре. Дальше Рита не пошла, там было темно, сыро, сквозили непонятные тени и гудел ветер. Но и так видно, что дому повезло, хищники лишь потрепали его с боков, скелет уцелел и красота почти не пострадала. «Купить бы его, — Рита рассматривала фасад с бело-красным узором, — купить, отремонтировать и жить, и чтобы никакой Тишаев, никакой Гончаров на пушечный выстрел не подходили. Интересно, пулемет можно купить, хоть списанный?»

Она отошла немного назад, оступилась, чертыхнулась и посмотрела под ноги.

— Ничего себе, — Рита подняла с кирпичного крошева гвоздь длиной сан-

тиметров двадцать, трехгранный, с острым концом и выпуклой шляпкой, правда, немного кривоватый. Именно так могли выглядеть шипы у химеры, если бы той вздумалось полинять или просто сбросить лишнее. Рита положила гвоздь на подоконник и пошла обратно. На парковке она заметила «ровер» Черникова, машина стояла на своем месте под окнами хозяйского кабинета. Неподалеку рядом со своим «Фордом» возился Милютин, он повернулся, и Рите захотелось пригнуться — уточненку-то она ему не отправила. Надо бежать, пока он не добрался до почты, и если не обнаружит там отчет, то крику не оберешься. Рита повернула к входу и врезалась в какого-то здорового мужика. Тот не шелохнулся, стоял скалой, рядом топтался еще один — оба крепкие, высокие, со спокойно-сонными рожками, в неприметных джинсах и обычных футболках, в спортивной обуви. Рита попятилась, а тот, кого она едва не сбила с ног, схватил ее за руку и дернул на себя.

— Поехали с нами, — прогудел второй, — тут близко.

Рита попыталась вырваться, но зря старалась, мужики только улыбались. За их спинами стояла белая «Ауди» с открытой задней дверцей, Риту толкнули туда.

— Хорошо, хорошо, — она заставила себя улыбнуться, — поеду, о чем разговор. С такими красавцами куда угодно.

Мужик ослабил хватку, Рита выдернула из кармана баллончик и вкатила обоим щедрую порцию перцовки в глаза. Раздались мат, вопли, тот, что держал ее, зажмурился, отвернулся, но было поздно.

— Я буду говорить только с вашим хозяином, как договаривались! — Рита вырвалась, со всех ног рванула к банку и влетела в фойе. Оглянулась — мужики умывались водой из бутылки, самый здоровый морщил отлично выбритую рожу и смотрел на крыльцо банка. Рита показала мужику неприличный жест и пошла к себе в кабинет. И вот тут, на площадке между этажами, стало по-настоящему страшно. Ноги стали как ватные, руки затряслись, Рита схватилась за перила и так простояла с минуту или две. «Как бы не пришлось тут ночевать» — мелькнула вдруг мысль, довольно неплохая, кстати. Хоть до дома и рукой подать, но шансов туда добраться немного, скажем так, и дома ее в покое не оставят, раз пошла такая пьянка. А тут охрана хорошая, Черников говорил, что сам отбирает людей. Кстати, его окна выходят на главный вход и парковку, так что если он все видел, то вопросов будет много, очень много.

Рита кое-как доковыляла до кабинета: тут все было как обычно — воняло тухлятиной и грязным бельем, румяная мрачная Руснакова таращилась на темный монитор, Юлька залипла в телефоне. «Аппарат абонента выключен», — донеслось из трубки, когда Рита проходила мимо.

— Анька с утра не отвечает, — озабоченно сказала Юлька, — я волнуюсь. Вдруг что-то случилось.

Руснакова тяжело шевельнулась, подняла нечесаную башку и недобро глянула на Риту. Той больших усилий стоило просто пройти мимо, не наорав на обнаглевшую в край дуру. Закрылась, плюхнулась в свое кресло, отвернулась к стенке, и тут ожил мобильник. Номер определился незнакомый, Рита сбросила звонок, прикрыла глаза, и телефон зазвонил снова, на экране появился тот же номер. «Продажники, мать вашу». Рита снова скинула вызов, но даже руку не успела убрать, как телефон снова задрожал, и высветились те же цифры. Рита выждала немного, вдохнула глубоко и решилась.

— Не помню, чтобы мы с вами договаривались о чем-либо, — раздалось из трубки. Спокойный, но быстрый голос показался смутно знакомым, причем слышала она его не так давно. Рита встала, подергала дверь, убедилась, что та надежно закрыта, подошла к окну.

— Я уже готов подумать, что это ваших рук дело. Очень неприятная мысль, очень.

Рита ткнулась лбом в стекло. Мимо поваленного клена слонялись какие-то мутные типы — растрепанные тетки, чертовски походившие на Руснакову, сутулые шустрые мужики в спортивках, потом появился толстый юноша и стал махать руками. Быстро организовал эту орду, и они дружно ускреблись в сторону уцелевшего здания.

— Вы меня слушаете? — нервно раздалось из трубки. Рита села на подоконник. «Гончаров?» — первая пришедшая мысль продолжала крутиться в голове. Если это тот самый всемогущий крестный отец, то почему голос знакомый? А если не Гончаров, то кто тогда, да еще с какого-то кривого номера?

— Слушаю, — сказала она. — И хочу знать, с какой стати я должна вам платить?

— Мне? — Человек на той стороне, мягко говоря, очень удивился. Так удивился, что неплотно прикрыл ладонью трубку, и на грани слышимости донеслось: «Это точно ее номер? О каких деньгах речь?» Потом стало очень тихо, явно вызов поставили на «холд», Рита ждала. Из кабинета донесся грохот, потом что-то выкрикнула Юлька, хлопнула дверь, и снова стало тихо. Очень хотелось посмотреть, что там делается, но Рита осталась на подоконнике. — Мне? — повторили из трубки уже увереннее.

— Вы же сами послали ко мне своих быков. — Оставаться на одном месте не было сил, и Рита принялась ходить по кабинету. В трубке молчали, и от этой бессмысленной тишины становилось не по себе — уж больно глупым выходил разговор, не так она себе это представляла.

— Маргарита, нам надо кое-что обсудить, — выдали наконец с той стороны, — это и в ваших интересах тоже.

— Я вас слушаю, — от мучительных попыток вспомнить, чей это голос, уже голова болела, но радовало одно — это точно не Гончаров. А кто тогда?

— Не по телефону, к сожалению. Зря вы так с моими людьми, вас бы привезли и потом доставили бы на место...

— Куда, зачем? — перебила Рита. «Или все-таки Гончаров? Он же мог заказывать у меня видео не лично, а через посредника, например. Или все же не он?»

— Хорошо, предлагаю встречу на нейтральной территории. Парк вас устроит, который в центре, три минуты езды от банка? Вас довезут.

— Я сама дойду, — огрызнулась Рита, — не надо меня возить.

— Это безопасно, гарантирую, так будет лучше для нас обоих. Мои люди ждут вас на том же месте, я тоже жду. Не опаздывайте. И, кстати, речь не только о деньгах.

Связь оборвалась, Рита прошлась от стенки до стенки, села в кресло, встала, взяла сумку, телефон, зажала в кулаке газовый баллончик и вышла из укрытия. Стол Руснаковой выехал в проход, чтобы пройти, пришлось двигать машину обратно, в кабинете никого, только пиликает у кого-то забытый мобильник. Рита чуть ли не бегом пересекла кабинет и оказалась на первом эта-

же у турникета со стойкой охраны. В окно отлично просматривался вход в банк, точно напротив стояла та самая белая «Ауди», рядом никого. Рита быстро пересекла холл, сбежала по ступенькам и села на заднее сиденье «Ауди». За рулем торчал тот же сонно-мутный тип, рядом второй, оба красноглазые, с рожами мрачнее тучи. Водитель повернулся к ней, Рита достала баллончик с перцовкой и улыбнулась. Водитель отвернулся, машина тронулась с места.

Ехать и правда было недалеко, до парка она запросто могла бы пойти пешком минут за пять. Место было старое, красивое, с огромными липами в три обхвата, прудами и старой брусчаткой, что местами пробивалась из-под асфальта. Рита хорошо знала это место — часто бегала с вокзала, срезая путь через гаражи, когда опаздывала, и особенно ей нравился горбатый мостик с приятными резными перилами. Неподалеку от этого мостика «Ауди» и остановилась, водитель и пассажир вдруг разом выскочили из машины, и Рита осталась одна. Она закрутила головой во все стороны, дернула ручку, но дверь оказалась заблокирована, и вторая тоже. Ключа в замке зажигания не оказалось, Рита перегнулась через спинку переднего сиденья и только собралась нажать на сигнал, как передняя дверь открылась, и в пассажирское кресло уселся Пофигист. Он посмотрел на перцовку в руках Риты, она отпрянула и отодвинулась подальше, насколько могла. Пофигист вытащил смартфон, полистал вкладки и подал его Рите.

— Получил от вас вчера. В смысле, прислали с вашей почты.

Рита взяла тяжелый, точно из свинца, телефон, баллончик пока не убирала, сжимала в другой руке. Пофигист опустил стекло, в салоне запахло травой и свежестью с ближайшего прудика.

— Читайте вслух.

— Привет, шалунишка. Если ты не хочешь, чтобы это кино увидел весь интернет, то переведи мне три миллиона рублей. У тебя сутки, время пошло, — на одном дыхании выпалила Рита. Пофигист кивнул, не отрываясь от созерцания пейзажа.

— Шалунишка пишется через «а», — машинально выдала Рита, — а перед «чтобы» нужна запятая.

— Это вы в точку, — согласился Пофигист. — Там еще вложение есть, ознакомьтесь.

А чего тут смотреть — ролик с «выпускного» с Олесей в главной женской роли. Рита только сейчас заметила, что глобус попался ей под каблук, но земной шар еще легко отделался, только вмятиной. Что-то не так было в этом ролике, Рита промотала его на ускоренном просмотре, но так ничего и не поняла, вернула телефон Пофигисту. Тот бросил его на соседнее сиденье и сказал, не оборачиваясь:

— Не жирно вам будет три миллиона?

— Это не от меня, — Рита почувствовала, что краснеет. Хуже нет, чем оправдываться, но куда деваться? Это уж точно не она, а кто тогда? Либо Женья, либо Глеб, больше некому. «Пароль от почты сразу надо было менять», — запоздало пришла хорошая мысль.

— А от кого? — Пофигист закурил, выпуская дым в окно.

«Не знаю». Рита прикусила язык и тоже отвернулась к окну. Сказать было абсолютно нечего, кроме этого трусливого «не знаю», руки снова задрожали, желудок сжался до размера наперстка.

— Не знаете, — Пофигист затянулся и выдохнул дым, — если бы знали, то не пришли бы на встречу. Но меня это «не знаю» не устраивает, как вы понимаете. Нужна конкретика.

Он щелчком вышиб окурок за окно и повернулся к Рите. Оглядел неторопливо, оценивая, точно видел впервые в жизни, устроился в кресле поудобнее. Рита так и смотрела в окно на липы и мостик и двоих «быков», что слонялись поблизости. А с другой стороны дороги стояла красная спортивная машина, и водитель смотрел на них из своего окна.

— У вас хороший бизнес, — сказал Пофигист, — прибыльный, но на любителя. На богатого любителя, — подчеркнул он. — Типа меня. И я могу доставить вам очень много проблем, мелких, средних, крупных и таких, что вы лишитесь всего. Всего, понимаете? От вас ничего не останется, голубушка, даже пыли, и никто не будет вас искать. Вас и ваших... коллег или подчиненных, назовите, как хотите.

Он ловко отобрал у Риты баллончик, покрутил его в руках и выбросил за окно. Ближайший бандит подхватил его и побежал куда-то, скрылся за деревьями, пропал из виду.

— Вам даже Гончаров не поможет, если решите заплатить ему за охрану.

— Гончаров? — очнулась Рита. — Почему не поможет? Не в том смысле, что я собиралась ему платить...

Пофигист помотал головой, усмехнулся и принялся щелкать блестящей большой зажигалкой.

— Василий Дмитриевич — старый человек, он живет по понятиям, ну и все мы пытаемся... не отставать. А это, — Пофигист показал на свой мобильник, — беспредел, причем полный, так что Гончаров за вас не впишется, даже если вы посулите ему те самые три миллиона. Деньги у него есть, он любит порядок и справедливость.

— За все хорошее против всего плохого. — «Бык» возвращался, чуть ли не рысью по дорожке назад бежал. Рита перевела взгляд на Пофигиста, тот смотрел на огонь, точно медитировал.

— Такие дела, — проговорил он, — давайте подведем итог. У вас сутки.

Он последний раз щелкнул зажигалкой и зажал ее в кулаке. — Если вы скажете, что нашли автора этого послания, то я вам поверю. Просто поверю, честное слово. Лучше бы, конечно, вы привели этого человека ко мне, ну да ладно, перебьюсь. У вас сутки, голубушка, вот с этой самой минуты, — Пофигист постучал пальцем по стеклу дорожных огромных часов на широком браслете. — Через сутки я жду от вас ответ. Да, если нужна помощь, то готов посодействовать. В смысле, физической и не только силой. Ну, вы меня поняли.

— А ему все платят? — перебила его Рита. Пофигист точно пес склонил голову набок и уставился на Риту. — Гончарову все платят? — Почему-то этот вопрос волновал ее больше всего.

— Само собой, — отозвался Пофигист. — Все, кто хочет вести свой бизнес в этом городе, это святая обязанность, если угодно. Ваша тоже, кстати. Он берет процент с дохода, вы в курсе, надеюсь?

— Какой процент?

— Полтора-два, — Пофигист сморщил лоб, будто припоминал точную цифру, — но платят все. А к чему этот вопрос?

— Спасибо, — Рита подергала ручку, и дверца открылась неожиданно лег-

ко. — Я решу ваш вопрос сегодня же. Всего вам доброго.

Она вышла из машины, «быки» дружно обернулись, но и только. Пофигист тоже выбрался на волю и облокотился на крышу «Ауди».

— Сутки, Марго, — крикнул он, — у вас сутки. И если что, звоните, мой номер у вас теперь есть.

Рита махнула ему на прощание и пошла по дорожке к мостику, постояла, глядя на темную воду и уток, подождала, пока «Ауди» и спортивная машина не сгинут к чертовой матери. Прошла еще немного, села на лавочку под гигантской липой и позвонила Юльке.

— Мне к врачу надо, — сказала, стараясь не стучать зубами, — очень срочно. Завтра приду. Не скучай.

— Не скучай? — Юлька, судя по топоту и грохоту двери, выскочила в коридор. — Да как ты можешь болеть в такой момент! Анька целый день не отвечает, а это чучело сидит молча, а если встает, то падает, я ее боюсь! Ты меня с этой страшилой бросаешь?

— Я тебе премию дам, — пообещала Рита. Юлька примолкла и обещала звонить в случае чего. Рита неторопливо пошла к дому, даже не оглянулась ни разу. Следят за ней или нет — плевать, сейчас это все равно. «Три миллиона — хорошие деньги, — крутилось в голове. — Тебе бы хватило?» Нет, этого мало, на квартиру в приличном районе Москвы надо в три-четыре раза больше, да еще и подготовить ее для себя тоже денег стоит. Три миллиона мало, надо раз в десять больше, чтобы жить, в конце концов, своей жизнью, а какая-то тварь, сшибая по мелочи, может ее этого самого будущего лишить. Стало вдруг так холодно, что Рита едва сдерживала дрожь. Добралась до дома и долго сидела на бортике ванной, подставив руки под струю горячей воды. В голове было абсолютно пусто, вообще ни единой мысли, зато зубы перестали стучать и озноб пропал. Рита еще немного посидела в темноте и открыла почту, нашла то самое письмо. Отправлено в день и час, когда она сама была на работе, корявый неграмотный текст и прикрепленный файл, где роскошная, как торт, Олеся и красавец-Пофигист по сценарию разыграли свою «школьную» любовь. Открыла файл с записью со своей камеры и параллельно ту, что вчера получил Пофигист. Здесь качество записи было в разы хуже, но это же не профессиональное оборудование. Глеб со своим носился, как курица с яйцом, что объяснимо — оно и денег немалых стоило, и вообще техника чужих рук не любит... И тут озарило — если ролик из письма тоже довольно паршивый, хотя лица вполне себе можно разобрать, то что же тогда получается?

На последних кадрах Рита поставила запись на паузу, прижала кулаки к глазам. Чувство такое, будто еще мгновение — и выберется из захлестнувшего мутного потока: то ли тот ослаб, то ли у самой силы появились. Вот еще немного, еще мгновение — все будет хорошо. Открыла глаза, посмотрела на монитор, снова зажмурилась, и тут дошло — ее запись дольше по времени. Вариант Пофигиста заканчивался на одиннадцатой минуте, а ее ролик до финала еще почти семь минут. Значит, помимо «официальной», клиентской, и ее собственной, кто-то сделал третью, ее получил взбешенный клиент. Рита потянулась к клавиатуре, и тут зазвонил телефон — это оказалась Юлька.

— Рита, она спит прямо за столом. Дрыхнет и храпит, что мне делать? Тут так воняет, ты даже не представляешь. Как из канализации!

И тут же в мессенджер посыпались фотки — Руснакова раскидала волосы

по столу, подложила руки под голову и крепко спит аккуратно посреди рабочего дня.

— Она болеет, — сквозь зубы проговорила Рита, — ей плохо. Не трогай ее.

Даже думать неохота, что будет, если Руснакову разбудить. Она уже утром была в хлам, а сейчас, поди, невменяема на всю башку, и кто знает, какие черти в этой башке и что они там шепчут.

— Я не трогаю, — горячо зашептала Юлька, — просто хочу ее палочкой потыкать. Вдруг померла.

— Не надо, — едва не сорвалась на крик Рита, ее снова накрыл озноб, а к лицу прилила кровь.

— Ладно, ладно, — сдалась Юлька, — не буду. А если она до шести не проснется?

— Тогда звони мне.

Юлька проговорила что-то, но Рита нажала отбой и включила свою запись. Там ничего не происходило — пустой стол, стулья, декорации, закрывающие мебель, шторы на имитации окна. Минута, две, три в полумраке и пустоте, еще две, еще одна. Потом в кадре появляется Женя, подходит к шторкам, что-то достает из-за них, поворачивается в профиль, и в ее руках отчетливо виден смартфон. И заодно становится понятно, почему ее запись такого паршивого качества. Дальше в кадре Рита увидела саму себя, потом запись оборвалась.

«Вот так!» — стукнуло в голове. Расследование заняло от силы четверть часа, впереди куча времени. В принципе, Пофигисту можно звонить хоть сейчас, но он захочет доказательств, а предъявлять свою запись Рита не собиралась. Можно вырезать финал, но тогда потребуются объяснить его происхождение, а клиент враз сложит два плюс два и все поймет без подсказки.

«Интересно, Глеб знает? Или они заодно? Или не знает?» — Рита смотрела на свое отражение в темном мониторе. Смотрела, смотрела, а на душе было до того тоскливо, хоть вой. Когда-то у нее была собака, курносый спаниель — умница и общий любимец, прожил у них полтора десятка лет и «сгорел» за два месяца. Так вот, когда ветеринар сказал, что дело дрянь и собака умирает, на душе было вот так же мерзко от отвращения к самой себе. Что не спасла доверившееся ей живое существо, не все сделала для него, плохо лечила, не тем кормила, все делала не так. А сейчас чувствовала себя тем псом, о которого вытерли ноги и только что на улицу не выкинули.

Жалость и грусть мешались со злостью, первым порывом было лично, своими руками разорвать Женю в клочки, ну, или поручить это людям Пофигиста. Но предварительно все же повыдирать ей волосы и хорошенько расцарапать физиономию.

— погоди, — Рита заметалась по квартире, нарезая круги, — погоди, подумай. Сначала хорошо подумай.

Но думалось плохо, мешали ярость и обида, этот гремучий коктейль искал выход, и вот сейчас, как никогда раньше, требовалась груша — бить ее руками, ногами, пинать, орать на нее, не опасаясь ответки. Но груши не было, Рита сжала кулаки, ткнулась лбом в столешницу и старалась ни о чем не думать. Минут через десять стало полегче, по крайней мере, убивать уже не хотелось, мысли появились совсем другие. Рита умылась, с минуту смотрела на себя в зеркало, потом позвонила Глебу.

— У клиента замечания по последнему видео, — сказала она. — Надо испра-

вить кое-что. Приезжай в салон, я там буду минут через пятнадцать.

Глеб поворчал немного, но согласился. Рита взяла с собой ноутбук, в магазине по дороге купила новый баллончик с перцовкой и неторопливо пошла на встречу. Баллончик лежал в боковом кармане сумки, Рита несколько раз проверила, сможет ли быстро его достать, если что-то пойдет не так. Тягаться с боксером, пусть и бывшим, ей не под силу, само собой, но если внезапно залить ему перцовкой глаза, то вполне можно сбежать. А потом придется звонить Пофигисту за обещанной помощью и поддержкой.

— Чего опять не так? — Глеб ввалился через двадцать минут, сонный и недовольный. Отхлебнул минералки из бутылки и уселся напротив Риты спиной к стене. Стол был не очень удобный, маленький и шаткий, зато белый-белый и на красивых изогнутых ножках, да еще и букочный — наследство предыдущей хозяйки салона. Рита включила ролик, повернула монитор к Глебу, сама сжала баллончик в руке — так было надежнее.

— Так это старье, — протянул Глеб, — я тут при чем?

— Смотри, смотри, — Рита следила за Глебом. Тот выглядел спокойным, равнодушно смотрел «кино» и то и дело потягивал минералку. Пластиковая бутылка почти опустела, Глеб постукивал ей себя по ладони и развалился на стуле.

— И чего? — Он посмотрел на Риту. — Чего тут не так? Опять клиент с жиру бесится? Все нормально.

Рита глянула на монитор: основная часть закончилась, на экране ничего не происходило. Глеб сонно пялился в монитор, подпирая кулаками подбородок.

— Что за хрень... Ритка, ты меня разыгрываешь! Чего тебе надо?

— Смотри, — баллончик нагрелся в руках, но Рита не решалась разжать пальцы. Глеб дернул бровью и уставился на экран, Рита ждала.

— Качество отстой, конечно. Почему? Этого быть не может. Это не моя работа! — дошло вдруг до Глеба, он вытянул шею, смотрел то на монитор, то на Риту.

— погоди, сейчас, — судя по хронометражу, оставалось всего ничего. Глеб сцепил пальцы и нахмурился. Баллончик раскалился, но пальцы как судорогой свело.

— Опа, — сказал Глеб, — вот это мать твою. Женька, охренеть. Это что такое, это как, это она зачем?

Он настолько обалдел, что баллончик вернулся в сумку. Видео закончилось, Рита повернула ноутбук к себе и открыла почту.

— Читай.

Глеб чуть ли не носом ткнулся в монитор, прищурился зачем-то, зашевелил губами.

— Шалунишка пишется через «а»! — Глеб ткнул пальцем в монитор, — я точно знаю, у меня в школе по русскому пятерка была! Какой дурак это писал? А кому... Еп-перный театр. Ритка, я вижу то же, что и ты?

— Ага. — Рита захлопнула крышку ноутбука. — И клиенту писала не я, а она.

Мелькнула запоздавшая здравая мысль, что сейчас Глеб спросит, откуда взялась эта самая запись, что они только что смотрели, и тогда придется сознаваться. Наготове был ответ, что на всякий случай, если откажет основная камера — слабая отмазка, но ничего умнее придумать она не успела. Но Глеб на-

столько озверел, что эта мелочь его не заинтересовала.

— Три ляма! — Он выбрался из-за стола. — Капец идиотка. Значит, она сняла его на свою камеру, а теперь шантажирует?

— Точно, — Рита тоже встала и старалась не отходить далеко от сумки с баллончиком. — Клиент вышел на меня и сказал... Ну, ты сам все понимаешь. Он нас живьем в асфальт закатает.

На душе еще сильнее кошки скребли, но сделалось как-то спокойнее, что ли. Глеб не при делах, это все провернула Женя. Не захотела делиться или решила завести свое прибыльное, как верно заметил Пофигист, дело, устранив Риту. Впрочем, это уже неважно.

Глеб выругался, врезал ладонью в стенку, сел, снова вскочил, побагровел от злости. Рита наблюдала за ним и от души благодарила небеса, что не придется просить помощи у Пофигиста — с Женей они и сами справятся.

— Тебе бы хватило три миллиона? — рыкнул Глеб. И, не дожидаясь ответа, выкрикнул: — Нет, конечно, это ничто, гроши по сравнению с тем, что мы могли бы заработать даже за год! Дура, идиотка, я ей ноги вырву! Пошли!

Он выскочил из салона, Рита едва поспевала за ним. Пока возилась с ключами, Глеб убежал далеко вперед, Рита догнала его у светофора.

— Курва, — бормотал Глеб, сжимая пустую бутылку из-под воды, — вот дрянь безмозглая. Она бы еще написала — положите деньги под коврик. Тупая тварь.

— Только не бей ее, — попросила Рита и взяла Глеба под руку. Тот ругнулся сквозь зубы и швырнул бутылку мимо урны.

— Какое там бить, — буркнул в ответ, — сразу убью на фиг.

Рита незаметно переложил баллончик себе в карман. Не дело распылять перцовку в квартире, но все к тому, похоже, идет. Глеб жутко зол, от него можно ждать чего угодно.

Первый раз за все время она ехала на свой этаж в лифте. Глеб пялился в стенку напротив, неприятно хрустел пальцами и молчал.

— Я буду говорить, — сказала Рита, — ты просто следи за ней, если что-то пойдет не так.

— Ладно, — буркнул Глеб. Выглядел он уже нормально, только зубы сжал чуть ли не до хруста и смотрел точно сквозь стены. На площадке от лифта ша-рахнулась Шувалова, вот реально отскочила от разъехавшихся дверей и отбежала к своей новой двери. Глеб мрачно прошел мимо, Рита сделала вид, что впервые видит тетку и прошла как мимо пустого места, а та даже вслед не зашипела, как обычно. Глеб открыл дверь, ввалился в коридор.

— Женька, ты дома? — проорал первым делом. Рита ткнула его кулаком в поясницу, Глеб отмахнулся.

— Нет, я на Мальдивах, — донеслось из кухни. Рита перешагнула порог — Женя сидела за столом и красила ногти. Растопырила пальцы, полюбовалась на готовую левую руку и взялась за вторую.

— Привет, — она не смотрела на Риту, а сосредоточилась на кисточке с бледно-желтым лаком. Глеб куда-то подевался, в коридоре его не было, точно в воду канул. Рита поставила ноутбук на стол, включила.

— Осторожно, — поморщилась Женя, — стол качается. Чего там?

— У клиента замечания, посмотри, чтобы больше не повторять.

Женя страдальчески поморщилась, не отрываясь от маникюра.

— Погоди, я закончу, — она сноровисто красила ногти, — этот лак быстро сохнет. Сейчас, еще чуть-чуть...

Вошел Глеб, молча сгреб со стола все пузырьки и тюбики с кремом, обхватил Женю за талию и посадил себе на колени. Та замахала руками, уронила кисточку, завертелась, но Глеб держал ее крепко.

— Отпусти, я занята. Отстань.

— Давай вместе посмотрим.

Глеб нажал воспроизведение, пошла картинка. Женя прищурилась, вытянула шею, Глеб развернул ролик на весь экран. Женя подула на ногти, посмотрела в монитор и замерла. Рита отошла к двери и запустила руку в карман, сжала теплый баллончик с перцовкой. Отсюда она видела край монитора, там Пофигист с Олесей приступали к самому главному.

— Чего тут смотреть? — Женя заметно побледнела. — Ты это Олесье покажи, где она накосячила. Столько времени прошло, чего ты вдруг?

Она глянула на Риту, та отвела взгляд. Все понятно уже и так, надо подождать еще немного, еще минут семь или восемь.

«Кино» закончилось, пошла статичная картинка. Глеб положил Жене подбородок на плечо и щурился в монитор, Рита смотрела в окно. Было очень тихо, Женя выпрямилась, уперлась руками в край стола.

— Ну? Что тут такого? Все закончилось уже, отпусти!

Она дернулась встать, Глеб обхватил ее еще сильнее, сжал тонкие запястья.

— Пусти, дурак, ты чего, — дергалась Женя, — блин, лак размазался из-за тебя! Да отпусти уже!

Она могла трепыхаться сколько угодно, Глеб точно оглох. И тут картинка ожила, Женя замерла на месте и смотрела на саму себя — как она подходит, как снимает смартфон с полки и отходит за край кадра. Потом запись оборвалась, стало очень тихо. Глеб держал Женю за руки, но она не шевелилась и смотрела в стол.

— Зачем? — кое-как проговорила Рита. — Женя, зачем? Ты понимаешь, что ты натворила?

— А что я такого сделала? — вскинулась та. — Я просто хотела заработать! Ты платила мне копейки, а сама гребла лопатой, пока я с козлами разными... в кино снималась! Мне в этом бизнесе год или два оставалось, полно свежих шкур, конкуренция растет! А ты копейки мне кидала, как собаке!

— Я тебя сам собакам скормлю, — на ухо ей сказал Глеб, — шалава ты подзаборная. Ты чем думала, каким местом? Ты нас всех подставила.

«Она все-таки думала о будущем». Рита смотрела на побледневшую Женю, как та рвется из рук Глеба. Пузырьки и тюбики прыгали на столе, некоторые упали на пол и раскатились во все стороны. Женя вдруг вскрикнула и прикусила губу, Глеб по-прежнему держал ее за руки, но выкручивал кисть правой. Легонько так, еле заметно, но Женя закатила глаза и перестала сопротивляться.

— Я бы нашла тебе работу, — сказала Рита, — и на улице бы ты точно не осталась.

— Сука, — Глеб столкнул Женю с колен, та едва не врезалась в холодильник. — Катись отсюда, если еще раз тут увижу — лицо тебе порежу, будешь в туалете вокзальном клиентов обслуживать. Или на трассе.

Женя прижала к груди багровую на запястье руку, сжимала пальцы и кри-

вилась от боли.

— Ты мне руку сломал, скотина...

— Катись! — заорал Глеб во все горло. — Пошла на хер отсюда! Я сейчас сам тебя вышибу!

Он рывком поднялся, отпихнул мешавший стол, Женя кинулась в комнату, раздался шорох и стук. Пальцы как судорогой свело, Рита все еще сжимала баллончик и смотрела на Глеба, а тот матерился сквозь зубы.

— Сука, мразь, мы из-за нее клиента потеряли. Гадина, пусть платит теперь. Стоять!

Рита едва успела отскочить, Глеб ринулся в коридор и вырвал у Жени большую сумку.

— Если сперла что-то — прибью!

Дернул замочек так, что ткань треснула, и принялся выкидывать вещи, на пол полетела одежда, косметика, еще какая-то мелочь.

— Это что, — Глеб схватил с пола яркую коробочку, вытащил оттуда блистер с желто-белыми капсулами, — что это, мать твою?

Глеб сунул Жене блистер в лицо, та отпрянула, умоляюще глянула на Риту. Та подошла, присмотрелась, Глеб, не поворачиваясь, подал ей лекарство и схватил Женю за горло.

— Что это, курва, что это такое? Говори, гадина, или пришибу на фиг, никто искать не будет!

Он довольно крепко, до глухого стука, приложил Женю затылком о стенку. Рита читала название лекарства, но видела его впервые в жизни.

— Да какая разница, — сдавленно пробормотала Женя, — это мои таблетки, мне врач выписал.

Глеб глянул ей в глаза, отпустил и кинулся в кухню, по пути выхватил у Риты упаковку. Женя прижалась к стенке и держалась за горло. Рита прислушивалась к звукам за дверью, отчего-то казалось, что там их ждет Пофигист со своими бандитами или Черников, или все сразу.

— Рита, прости, — проговорила Женя, — я думала...

— Только о себе, — перебила ее Рита. — Это нормально. Ты бы получила три миллиона, а я — гроб и яму два на полтора. Ты хоть понимаешь, кого шантажировала?

— Прости, пожалуйста, — Женя не плакала, она смотрела на Риту в упор и вдруг свалилась на колени, грохнулась лицом в свое барахло. — Прости меня, я отработаю! Прости ради бога...

— Препарат применяется как снотворное и успокаивающее средство. Воздействие схоже с алкогольным, передозировка ведет к коме или смерти, — крикнул из кухни Глеб, — принимать только под контролем врача. Ты плохо спала, тварь, или для кого это? Для кого приготовила, мать твою?

Он выскочил в коридор и схватил Женю за волосы, та заорала, Рите больше всего на свете хотелось зажать уши или вообще бежать отсюда куда подальше.

— Хватит, — крикнула она, — все, достаточно! Пусть катится ко всем чертям.

Глеб плюнул Жене в лицо и отступил к стенке. Женя со слезами собирала свои вещи, запихивала их в сумку.

— У тебя час или полтора, — Рита отвернулась, — беги быстро, очень быст-

ро. Я звоню клиенту, он очень хочет с тобой встретиться. Если тебе повезет, то ты успеешь.

— Беги, дура, — Глеб открыл дверь и вытолкнул Женю на площадку, — пошла вон!

Рита ушла в кухню, села за стол. Капсулы лежали на клавиатуре ноутбука, на мониторе открыта страница из «вики» с названием лекарства. «Продается по рецепту». Рита убрала снотворное на полку, задвинула подальше и набрала номер, с которого звонил Пофигист.

— Все в порядке, — сказала она в ответ на короткое «слушаю».

— Уверены? — после паузы уточнил тот.

— Да, разумеется. Эта девушка у меня больше не работает.

— Девушка, — протянул Пофигист, — наверное, красивая девушка. И очень глупая. Хорошо, я вас услышал. Всего доброго.

И отбился, из трубки понеслись короткие гудки. Вошел багровый от злости Глеб, с грохотом поставил стол на место, прошелся по кухне туда-сюда.

— У тебя на всех компромат? — Он сел на порожек балкона и уставился на Риту. Та молча смотрела Глебу в глаза, он выругался сквозь зубы и растер лицо ладонями так, что щеки покраснели.

— Ну и правильно. — Глеб вскочил, снова пробежался туда-обратно и принялся заглядывать во все шкафы.

— Теперь делим прибыль пятьдесят на пятьдесят. — Рита следила за его метаниями. Глеб кивнул, привстал на носки, дотянулся до верхней полки и чем-то загремел там. Звук был в точности как из сумки Руснаковой, только солиднее, что ли.

— Я общаюсь с клиентами, обеспечиваю девок, контролирую оплату, а ты делаешь все остальное.

— Не вопрос, — Глеб страдальчески морщился и только что не подпрыгивал: нечто на полке забилося в дальний угол и в руки не давалось. — Давай хоть уборщицу в салон найдем, чтобы полы мыла. Или это тоже буду я? Кстати, раз такое дело, я отсюда съеду через пару дней. Только жилье себе найду.

— Ладно, будет тебе уборщица. — Рита вышла в коридор и бросила напоследок:

— Много не пей.

— Как получится, — пробормотал ей вслед Глеб. — Как поминки, блин. Вот зачем она так, а?

Задрожал в сумке телефон на беззвучке, посыпались сообщения. Ирка прислала больше десятка фотографий, и на половине из них вырезанные из камня скелеты танцевали парами и поодиночке, водили хороводы, махали косами, топтались по собратьям-скелетам и по вполне живым, судя по виду, людям. Или носились по холмам, полям и роцам, оставляя за собой развалины и пожары, ну и горы костей, само собой. Видно, что камень старый: полно пятен лишайника, а изображение местами стерто почти подчистую. «Макабра, пляска смерти, — сообщала Ирка, — это символ бренности бытия и равенства всех перед лицом смерти». Потом пошли фото пейзажей, бесконечные равнины с контурами гор на дальних окраинах, что едва угадывались в сизой ленивой дымке, и маки, маки вперемешку с васильками, просто море маков и васильков среди красивой белой высокой травы. «Возвращаемся в Марсель, — дальше шел плаксивый смайлик, — скоро домой. Ждите!»

— Если бы ты знала, как я тебя жду, — пробормотала Рита, уже вечером пересматривая фотографии. Утром она пришла на работу почти на час раньше, чтобы довести до ума отчет и заткнуть Милютину пасть уточненной. И очень удивилась, когда ключа на месте не оказалось.

— Ваша сотрудница взяла, — сообщил бодрый охранник. Сразу возникла перед глазами картина, как Руснакова приперлась ни свет ни заря и устроила в кабинете оргию. Рита бежала вверх по лестнице, потом по коридору, торопилась так, будто могла остановить что-то ужасное. Распахнула дверь, ворвалась в предбанник и оторопела вторично — на диване спала Анька. Рита так и застыла на пороге. Анька приоткрыла глаза, торопливо села и принялась приглаживать на голове торчащие лохмы.

— Ты чего? — только и выговорила Рита. Анька ссутулилась, зачем-то прижала руки к животу и отвернулась.

— Я с детьми к бабке вернулась, ездить далеко, — пробурчала она себе под нос.

— К бабке, — Рита не верила своим ушам, — зачем? Ты же... у тебя же...

Разом вспомнилось, как Анька еще неделю назад хвалилась своим вновь обретенным мужем, его любовью и заботой, а также квартирой, где будущий Анькин супруг гостеприимно разместил ее выводок. И вот нате, болт в томате — вернулась к бабке.

— Я аборт сделала, — еле слышно проговорила Анька и вжала голову в плечи.

— А. Понятно. — Рита чуть ли не на цыпочках прошла мимо и спряталась в своем кабинете. День начался с ошеломительных новостей, продолжение ждать себя не заставит, и лучше пересидеть бурю за закрытой дверью. И через полчаса напрочь забыла и об Аньке, и о работе — окружающее перестало существовать. В почте ждали пять писем, пять заказов от новых клиентов, каждый хотел срочно и требования выставлял вполне себе обычные, без драконов, лошадей и прочей живности. Рита ничего не видела вокруг себя, не слышала ни звонков телефонов, ни голосов за дверью — весь мир для нее был в этих письмах. Ну еще и на экране позитивно-оранжевого калькулятора, Марианкино наследство. Она откопала его на какой-то распродаже и носилась с ним как курица с яйцом, только что домой не уносила, так он ей нравился. А уходя, то ли забыла в ящике стола, то ли нарочно оставила. Рита еще и еще раз набирала цифры, складывала и вычитала, и каждый раз получалось так хорошо, что сердце подкатывало к горлу. Проверила снова, потом еще раз, потом зажмурилась и прижала к глазам кулаки. Если она выполнит эти заказы и все пройдет гладко, то на выходе получается недостающая сумма. «Продам салон и квартиру, плюс это». Рита снова застучала по клавишам, нажала большой «плюс» справа и сжала пальцы так, что ногти впились в ладони. Вприпрыжку, но даже после выплат девкам и гонорара Глебу хватает на квартиру в Москве, не в центре, увы, но в хорошем районе и недалеко от метро. Правда, больше ни на что не останется, придется работать, но это ерунда, какие наши годы. «Последний». Рита разослала всем ответы с условиями и суммой, пометалась по кабинету и позвонила Глебу. Тот отозвался быстро и неожиданно трезвым голосом, выслушал Риту и затих.

— Ну что, что? — не отставала Рита. — Давай, думай быстрее.

— Я думаю, — протянул Глеб, — думаю, не мешай.

Помолчал еще пару минут, пока Рита бегала по кабинету, ежесекундно обновляя почту, покашлял и сказал:

— Нормально, потянем. Если по два ролика в день, то справлюсь. Во всяком случае, очень на это надеюсь.

— Девочек сам выбери, — теперь замолкла Рита: пришел ответ от одного из заказчиков, тот соглашался с условиями, но предлагал свой сюжет, банальный до тошноты. Рита с восторгом одобрила прекрасный выбор, назначили дату и время — завтра в половине третьего.

— Короче, один точно есть, — сообщила Рита, — он хочет девочку с длинными рыжими волосами и в красном платье, тоже в длинном. Платит сразу наличкой. Хочет посмотреть на первый в жизни секс для вас обоих.

— С проституткой, — фыркнул Глеб, — что у людей в голове...

— Главное, что у них на счетах и в кошельке, — оборвала его Рита, — давай, приступай, ищи типаж. Я перезвоню.

Пришли еще два письма, пока она их читала, свалилось четвертое. Здесь трудностей не предвиделось, все будто один и тот же фильм для взрослых смотрели, различались только типаж, и тоже без фантазии. Двум было все равно, а один хотел блондинку с большой грудью, Рита на память прикинула Олесиных параметры и решила, что сойдет. А вот пятый озадачил, ему требовалась брюнетка маленького роста и похожая на мальчика. «Как пацан, без сисек и задницы». Рита вдумчиво изучала требования, прикидывая, где бы взять такое чудо, причем уже завтра. Вспомнилась вдруг тюнингованная Лерка из хранилища. «Она бы подошла», — подумалось мельком, но Рита отогнала эту мысль и отправила Глебу пожелания клиентов, а сама попыталась работать. В голову ничего не лезло, все валялось из рук, да еще и мышшь отказывалась работать, еле ползала по столу. Рита несколько раз врезала ей от всей души, потом бросила все, отвернулась к окну и стала смотреть на свою химеру.

— Скоро расстанемся, — сказала негромко. Зверюга щурилась на солнышко и подставляла теплым лучам запавшие бока.

— Надеюсь, тебя никто не обидит... — голоса за дверью стали громче, но слов было не разобрать, потом что-то грохнуло, и довольно сильно. Рита только собралась выглянуть наружу, как объявился Глеб. Скинул в мессенджер портфолио нескольких красоток, подходивших под описание, а потом позвонил.

— Я им в салоне на завтра назначил, — отчитался он, — все заняты, ни у кого времени нет. Ты придешь?

— Да, — помедлив, сказала Рита. Подумала, что кастинг им с Глебом лучше провести вместе, а в остальное она вмешиваться не будет. Завтра они отберут «актрис», значит, клиентов можно приглашать на следующий день. Через час их всех удалось удачно состыковать по времени, на карточку одна за другой свалились пять предоплат. Настроение резко повысилось — сумма выходила очень неплохая, и даже захотелось немного поработать. Но тут снова что-то грохнуло за дверью, голоса смолкли. Рита выглянула в общий кабинет — там Руснакова поднимала упавший стул, но как-то странно, только хватала руками воздух в направлении перевернутой мебели и словно не видела ее. Анька с Юлькой как два попугайчика сидели рядышком и испуганно таращились на растрепанную красномордую алкашку. Та вдруг что-то сообразила, глянула вниз, наклонилась, уронила с носа очки и грохнулась на колени. Следом поле-

тели мышь и клавиатура, Юлька ойкнула и закрыла руками тарелку с кусками арбуза. Анька мокрыми глазами смотрела точно сквозь стену и вряд ли понимала, что происходит. Рита вернула на место стул и клавиатуру, мышь не поддавалась, застряла где-то под столом.

— Она жива? — Юлька привстала с места и вытянула шею.

Рита схватила Руснакову за шкурку, потянула вверх и чуть не задохнулась. Как от нее воняло, боже мой, как от нее воняло, аж глаза слезились.

— Я сама, сама, — бормотала Руснакова, — извините, я потеряла равновесие.

«Совість ты потеряла». Рита молча выволокла ее из-под стола. Руснакова аккуратно поставила мышь на место, снова покачнулась, Рита успела подставить ей стул.

— Может, у нее сотрясение мозга? — предположила Юлька. Она так и торчала из-за стола, но подойти опасалась. Рита взяла сумку Руснаковой, тяжеленную, точно набитую кирпичами. Но кирпичи не звенят весело при каждом движении и не пахнут коньяком (или вискарем, или чем еще она там накидалась с утра пораньше до полного изумления).

— Наталья, пойдете, я провожу вас к врачу. — Риту, наверное, и в коридоре хорошо слышали. Руснакова встала сама и почти не качаясь выбралась в проход. Юлька отшатнулась, отъехала вместе со стулом к стенке и погладила Аньку по плечу. Та редела в арбуз и лопала ярко-розовые сочные ломти так, что за ушами трещало.

— Поплачь, поплачь, — Юлька жалостливо глядела на нее, — это у тебя гормоны, это нормально.

— Я дойду сама. — Руснакова отобрала у Риты сумку, и тут раздался истинно пасхальный звон. Юлька вытаращила глаза и зачем-то схватилась за свой телефон, Анька продолжала пожирать арбуз. Руснакова удалилась с гордо поднятой головой, Рита хотела пойти следом и убедиться, что все в порядке, но ограничилась тем, что вышла в коридор и посмотрела из окна. Алкашка благополучно преодолела ступеньки, повернула и пропала из виду, Рита вернулась к себе. В кабинете обнаружила три пропущенных на телефоне и все от Глеба. Закрылась от Юльки с Анькой, перезвонила. Сначала послышался ровный уличный шум с редкими сигналами машин, потом отозвался Глеб.

— Приезжай, — бросил он, — тебе лучше это увидеть. И лучше сейчас.

Да, это того стоило — Рита даже отошла от двери на несколько шагов и любовалась со стороны. Кто-то не пожалел времени и двух баллончиков с краской, они валялись тут же вперемешку с осколками от разбитых стекол. Два окна выбиты почти подчистую, на третьем здоровенная трещина наискосок через весь стеклопакет. Сама дверь и стены рядом расписаны похабными словами и картинками такого же содержания, причем художник работал с душой, что называется, и некоторые детали удались ему особенно хорошо.

— Это они в точку, — Глеб прохаживался вдоль стены, — прямо как в воду глядели.

«В точку». — Рита поглядела на дверь, на стены и отвернулась. Завтра кастинг, потом два дня съемок — и все, она свободна, и можно уезжать в столицу. Так она считала еще час или два назад, но Гончаров решил по-своему. Глеб достал ключи и возился с замком, Рита присматривалась к прохожим и припаркованным неподалеку машинам. Казались подозрительными все — и две

девчонки, что слушали громкую музыку без наушников, и согнутая тетка с набитыми сумками в обеих руках, и парень, что сидел на корточках и пялился в смартфон. И черный «Ниссан» тоже, и красная «Ауди» рядом, и даже велик, привязанный к дереву напротив магазина.

— Ты идешь? — Глеб обернулся на Риту, точно боялся в одиночку войти внутрь. Там все было в порядке, если не считать тех же осколков на полу и толстого слоя пыли на мебели. Глеб сгреб ногой осколки в угол, прошелся по салону. Рита тронула пальцем край трещины и выругалась сквозь зубы.

— Не отвяжутся, — негромко проговорил Глеб после обхода.

«И это в точку», — Рита смотрела в окно, мысленно прикидывая свой баланс. Гончаров не дал ей времени, и теперь может все испортить. Значит, в расходы придется включить еще одну статью.

— Предлагаешь заплатить? — Рита повернулась к Глебу. Тот привалился к стенке и заснул руки в карманы.

— Смотри сама, — начал он, — сначала к нам подослали быков, ты им свою позицию обозначила. Потом мы приходим и видим это, — он показал на разбитое окно. Ты снова отказываешься платить. Завтра к тебе придет пожарная, налоговая, СЭС, трудовая инспекция, любители истории и защитники старины...

— Они-то тут при чем? — Рита не успевала за ходом мысли Глеба. Тот ухмыльнулся:

— Выяснится, что дом — исторический объект, и в нем можно только бабочек разводить, и то в ограниченных количествах, а уж никак не оказывать населению услуги по стрижке волос. Это может нарушить уникальную экосистему мхов и лишайников в подвале и на перекрытиях, а город лишится редчайшего для этой долготы и широты архитектурного объекта эпохи кубизма, конструктивизма или неоклассицизма. Но скорее всего, салон тупо сожгут, и ты останешься ни с чем. У тебя есть страховка?

— Нет. — Рита растерялась. Глеб стебался от души, но в его словах была жутковатая правда: если салон сожгут (а это вероятнее всего), то она потеряет вложенные в него деньги, и, значит, прощай квартира. Ну, Гончаров, ты и сволочь, как тебя земля носит...

«Может, убить его? Нанять кого-нибудь, и дело с концом?» — мысль Рите очень понравилась, но останавливали цена вопроса и проблемы, связанные с реализацией. Надо искать исполнителя, такого, чтобы не подвел, и опять же, платить ему. Деньги, снова деньги, все из-за них, все ради них.

— Ты же хотела большой бизнес, — Глеб отклеился от стенки и прошелся от двери до окна, — а за размах платить надо.

У Риты зазвонил мобильный, Глеб чуть притормозил, но с шага не сбился, дошел до двери, развернулся и двинул обратно. Номер был незнакомый, Рита посмотрела на телефон, на Глеба и решилась.

— Если завтра денег не будет, пеняй на себя, — раздался развязный мужской голос.

— Сколько? — Рита посмотрела на Глеба, тот остановился и насторожил уши.

В трубке помолчали, потом хамским тоном выдали такую цифру, что Глеб присвистнул, а Рита невольно прикусила губу. Это была стоимость всех пяти заказов вместе взятых, причем с авансами, что уже лежали на карточке и

ждали своего часа.

— Вы же берете полтора-два процента с дохода, почему так много? Не надо делать из меня идиотку, я знаю расценки! — выкрикнула она в телефон.

— Это первый взнос, — ухмыльнулись оттуда, — за разрешение на работу. А потом будешь платить процент с дохода.

Рита смотрела на Глеба, точно ждала поддержки. Тот матюгнулся сквозь зубы и развел руками. Рита отошла к разбитому окну и смотрела на осколки под ногами. Выбора у нее не осталось.

— Я отдам деньги только Гончарову, — Рита носком туфли толкала осколки к стене, — а не его шестеркам.

— Позвони, когда будешь готова, — усмехнулись в трубке, и раздались короткие гудки. Глеб прижал два пальца к виску, точно застрелился, Рита прикусила губу.

— Охренеть, — Глеб выглядел растерянным, — вот это номер. Я не думал, что будет настолько до фига. И что теперь?

Он растерянно смотрел на Риту, та сжимала телефон в руках и смотрела в стенку. Заплатить придется хотя бы ради того, чтобы Гончаров дал ей эти несколько дней, а его бандиты не спалили салон. Значит, надо срочно найти деньги, а это значит, что сегодня ей всю ночь не спать и завтра, скорее всего, тоже.

— Глеб, убери тут все, стены надо отмыть, стекла поменять. — Рита вытаскивала всю наличку и сунула ее растерявшемуся Глебу. — Найми кого-нибудь и сделай все быстро. А завтра девками займись, выбери на свой вкус.

— А ты? — Глеб ошалело смотрел на деньги. — Вдруг не понравится?

— Главное, чтобы клиенту нравилось. — Рита прикидывала, где поблизости можно обналичить авансы. Снимать лучше в офисе, не в уличном банкомате — сумма большая, рисковать нельзя. Снять, взять такси, добраться с деньгами до дома, и завтра все будет хорошо.

— Ладно, — Глеб осматривался, прикидывая масштаб работ. Рита рванула к выходу.

— Вечером позвони! — крикнула напоследок и побежала к банку — до закрытия оставалось минут сорок или около того.

Налички получилось столько, что деньги с трудом влезли в сумку. «Молния» не закрывалась, пришлось снять пиджак и прикрыть им сумку. Через полчаса на кухонном столе образовался завал из крупных купюр. Рита разложила их по номиналу, пересчитала, достала ножницы, скотч и приступила к делу. Под утро, когда глаза уже слезились, будто в них насыпали песка, на том же столе денег стало больше в три с лишним раза. Рита отчаянно зевала, паковала пачки резинками и еще раз мысленно повторяла маршрут — парковка у ТЦ, круглосуточный магазин и ночная аптека. Рита сложила деньги в большую сумку, проверила, на месте ли карты, прихватила с собой перцовку и вышла на улицу. Через полтора часа все склейки перешли на три карты разных банков, оставалось только обналичить фальшивки.

Под утро пошел мелкий дождик, город заволокло туманом, стало тоскливо и прохладно, как всегда бывает ранней осенью. Лето пролетело в один миг, будто и не было его, и хоть днем потеплеет и будет солнечно, но сердце знает, что впереди дожди, а потом и снег. Рита постаралась отогнать эти мысли и остановилась на тротуаре перед светофором. В сумке лежали три карточки,

каждая ломится от денег, их надо снять как можно быстрее. Светофор зажегся зеленым, но Рита так и стояла на тротуаре. Был пятый час утра, выбор невелик, и если снимать сейчас, то придется идти к тем же банкоматам, где она недавно побывала. Это риск, очень большой риск, но времени нет. «Я же все равно скоро уеду отсюда». — Рита смотрела на желтый лист под ногами. Да, так и есть — она уедет сразу после съемок, продажу салона можно поручить риелтору и потом забрать у него деньги. А карточки сейчас же обналечить, разрезать и выкинуть — они ей больше не понадобятся. Понятно, что процессинг и служба безопасности банков отслежат операции, но и только — на исполнителя им не выйти, если он сам не пожелает сдаться.

На светофоре зажегся красный, Рита перебежала пустую дорогу и направилась к парковке у торгового центра. До открытия оставалось еще больше двух часов, машин было мало, они явно провели тут всю ночь, стояли мокрые от росы и с запотевшими окнами. К круглосуточной палатке с горячими сосисками подъехало корыто (по-другому назвать этот пепелац язык не поворачивался). Ржавый микроавтобус «Тойота», ободранный, точно его по асфальту протащили, бока мятые, через все лобовое стекло тянется трещина. Водителя Рита не заметила, да и не собиралась рассматривать, направилась сразу к банкомату. Закрыла камеру верной черной сумкой-кошельком, перебрала карты в кармане. Склейки она распределила равномерно, на каждой карте была ровно треть от общей суммы. Рита вытащила наугад первую попавшуюся карту и вставила ее в щель картоприемника.

— Девушка, подайте на ребенка, — раздался злобно-плаксивый голос. Рита глянула вбок — там топталась низкая сморщенная тетка непонятного возраста, с прямыми бесцветными патлами до пояса и бесцветными же глазами. Когда она говорила, зубы тоже казались прозрачными, смотреть на нее было мерзко и неприятно. Вот если бы дохлая рыба встала, завернулась в половую тряпку и разинула рот, было бы очень похоже. Рядом терлась девочка лет шести, вся беленькая-беленькая, ну точно зефирка, прямо белоснежная лапочка с розовыми щечками, аккуратными косичками и заплаканными глазками.

— Тетенька, я кушать хочу, — девочка скривила миленькое личико и вцепилась в материну руку. Картоприемник замигал зеленым, Рита повернулась к побирушкам спиной и набрала на панели пин-код.

— Девушка, подайте, — в голосе «рыбы» слышалась угроза, — ребенок два дня голодает. Вам денег на ребенка жалко?

— Работать иди, — посоветовала «рыбе» Рита. — Или я сейчас ментам позвоню, и они ребенка в приют сдадут, а тебя прав родительских лишат.

Банкомат задумался на пару мгновений, потом на экране появилась надпись «пожалуйста, подождите» и раздался чарующий шелест купюр. «Рыба» вполне отчетливо обозвала Риту сукой и зашла с другой стороны.

— Ты не мать, да? У тебя детей нет? Ты не рожала, не мучилась, грудью не кормила, как я, тебе не понять счастья материнства. У меня муж умер, мы голодаем, а тебе плевать! — на одной ноте бубнила она, Рита краем глаза следила за ней и на всякий случай расстегнула карман куртки, где лежал баллончик. Прикинула, что сможет залить «рыбе» глаза перцовкой и не задеть при этом ребенка, но это на крайний случай.

— Фаечка, попроси тетю, — «рыба» толкнула девочку к Рите. Милашка набычилась, надула губы и заревела так, что уши заложило.

— Кушать, кушать, хочу кушать! Тетя, дай денег, или тебя бог накажет!

Она подошла вплотную, задрала голову и смотрела на Риту. Мать толкала девочку вперед, банкомат отсчитал сумму, крышка ячейки поползла вбок, показалась стопка купюр. Рита потянулась за деньгами, девочка вдруг подпрыгнула, схватила черную сумку и рванула прочь.

— А ну стой! — Рита кинулась было следом, но сразу остановилась. Сумка пустая, там нет ничего, вот вообще ничего, даже мелочи, пусть подавятся. «Рыба» помчалась следом, патлы ее мотались по ветру, обе кинулись к ободранной «Тойоте». Воровок уже ждали, боковая дверца открылась, оттуда выглянул здоровенный черный мужик с гулькой на макушке, очевидно, это был умерший отец семейства. Он втащил обеих в машину, та рывком рванула с места. Рита представила, как ворюги потрошат пустую сумку, усмехнулась и повернулась к банкомату. Денег не было, через весь экран тянулась надпись «для возврата вашей карты обратитесь в банк-эмитент».

— Мать твою, — Рита пнула банкомат, — какой банк-эмитент! Дай сюда, быстро!

От ярости аж перед глазами потемнело, она колотила по банкомату руками, ногами, стучала по монитору кулаком, нажимала все подряд кнопки на панели, но толку не было. Обратитесь в банк-эмитент — это равносильно словам «попрощайтесь со своими деньгами». Процессинг уже засек все операции, логи записаны и сохранены на серверах, любой специалист как два и два сложит и «залит» на карту фальшивок (что вот в эту самую минуту лежат в кассетах банкомата), и попытку снять чистые деньги. Треть от суммы улетела в никуда, осознание этого придало сил, и Рита застучала по панели кулаками.

— Девушка, не переживайте вы так, — раздался мягкий мужской голос, — подумаешь, карту сожрал. Это бывает, банк вам ее сразу отдаст или новую делает.

Это говорил приятный круглолицый мужчина в приличном костюме, тоже розовощекий, как малолетняя курва Фаечка, только в очках и со смартфоном в руке. Дядечка ласково улыбался Рите и теребил в пальцах свою карту, как бы намекая, что пришла его очередь. Рита отошла, отвернулась, прижала ладони к щекам, зажмурилась. Если бы эта поганая Файка оказалась рядом, пришибла бы мелкую дрянь своими руками, а потом ее мерзавку-мать. От ярости и отчаяния аж челюсти свело, в голове мелькали цифры, складывались, вычитались, и Рита понимала, что она влипла, причем очень крупно. Банк отслеживает все операции сегодня же, теперь у них есть карта и вычислить владельца будет проще. Она не именная, но это дело времени. И этого времени у нее тоже нет, надо делать все очень быстро.

У двух других банкоматов все прошло благополучно, через полтора часа Рита вытряхивала из карманов и из-под футболки деньги, разложила их на кухонном столе, пересчитала. И снова свет померк от злости, кулаки сжались сами собой, и Рита отчетливо представила, как душит Фаечку, медленно, со вкусом, как та дергает косичками, хрипит, как у нее закатываются глаза. Один фиг, толку от нее уже не будет, понятно, что при таких родителях девка вырастет шалавой, а шалав не жалко...

— Тварь, гадина, — Рита прикусила палец и снова посмотрела на деньги. Их хватит ровно на оплату актрис и половину взноса Гончарову. А потом у нее не останется ни копейки. Наверное, придется пользоваться кредиткой,

чтобы купить еды.

— Мразина, дрянь, — Рита кое-как справилась с собой, сложила деньги в сумку для ноутбука. Выглядела она так приятно, застегнулась не очень легко, бока заманчиво округлились. И с этим богатством скоро предстоит расстаться. Рита позвонила Глебу.

— Как там у тебя?

— Порядок, — заявил тот, — все отмыли, стекло заменили, девки придут к десяти. Тебя ждать?

— Я позвоню.

Рита отбилась и набрала вчерашний номер. Там ответили не сразу, она хотела уже повторить вызов, когда раздалось сонно-развязное «але».

— Деньги есть, — бросила Рита, стараясь говорить спокойно. — Но отдам только в руки Гончарову, пусть приходит в салон, который вы чуть не сожгли. Это мое условие.

— Ух ты, — хихикнули с той стороны, — условия ставишь? Ну ладно, мое дело передать.

Раздались короткие гудки, Рита сжала телефон в руке и смотрела на сумку. Та стояла в прихожей, и чувство было такое, будто предстоит приятное путешествие в красивую теплую страну. Телефон заурчал, запищал, Рита вздрогнула и посмотрела на экран. «Рита, я задержусь, у нас «ЭйрФранс» забастовал, рейсы все отменили! Мы едем в Ниццу вместо Марселя. Нас оттуда заберет Аэрофлот! Ааааа, там promenade des Anglais, рынок Cours Saleya, холм du Chateau и МОООООООООРЕ!!!» — дальше шло фото самой Ирки, загорелой и похудевшей, она сидела за рулем автобуса, ну, как сидела, легла грудью на огромное рулевое колесо и сладко жмурилась в объектив. Потом блюдо с кучей круассанов, стаканчики с кофе, какие-то мутные огни и бирюзовая полоска моря за лимонными и оливковыми деревьями вдоль дороги. Вдруг стало легче, злость отпустила, Рита набрала Юльку. От ее «алло» захотелось немедленно извиниться и больше никогда не звонить по этому номеру.

— Юль, я опоздаю, — осторожно сказала Рита. — Справитесь без меня?

Юлька злобно сопела, потом раздался стук каблуков и грохот — похоже, Юлька выскочила под фикус и тут дала волю чувствам.

— Рита, эта сука убила моего ребенка! Мою дочку, представляешь? Ритка, она убийца, давай посадим Аньку за убийство, выкинем из окна или тоже убьем? Я так ждала, так надеялась... Рита, она у меня последнее забрала, она нарочно, я знаю!

Говорить что-либо было бесполезно, Рита слушала и ждала, когда закончится истерика. Юлька пошипела еще немного и принялась шмыгать носом, потом послышался тихий плач.

— Не надо, — сказала Рита, — Юль, не надо. Анька дура в пятом поколении, зачем тебе такой ребенок? Своего родишь, хорошего.

— Думаешь? — Юлькины мысли приняли другое направление. Она уже не плакала и говорила вполне нормально, хоть и немного гнусаво.

— У Ирки какая-то ерунда с вылетом, — перевела разговор на другое Рита, — забастовка приключилась. Поработай пока одна, пожалуйста. Я завтра приду, вот честное слово.

Подумала, что, может, больше никогда Юльку не увидит, и прикусила губу.

— Ладно, — согласилась Юлька, — уговорила. А с этой что делать? Она си-

дит, молчит и воняет. От какой болезни такая вонь, я не понимаю.

— Просто сидит? — уточнила Рита, Юлька угукнула утвердительно — ее мысли были уже далеко. — Тогда не трогай, — распорядилась Рита. — Завтра я разберусь.

Подумала, что если завтра наступит, то для Руснаковой это будет последний рабочий день. Дело зашло слишком далеко, и Юлька рано или поздно сообразит. И Ирка вернется в конце концов и тоже сразу все поймет, без намеков.

— Теперь я знаю, как пахнут зомби, — сказала Юлька, — только зачем мне это знание? Тогда я завтра не приду, к мощам съезжу, тут в пригороде есть одни, говорят, хорошо помогают при зачатии.

Как именно помогают, уточнять не стала, и Рите было не до того. Она присела рядом с сумкой, снова прикинула свой расклад. Да, как ни считай, как ни выкручивайся, денег не хватает. Можно, конечно, повторить заход со склейками, но сейчас это смерти подобно, придется выждать месяц или два, никак не меньше. Снова ожил телефон, зазвонил так резко, что Рита его едва не выронила.

— Рита, к тебе пришли, — спокойно сообщил Глеб. Фоном слышались женские голоса, смех, потом незатейливая песенка-рингтон.

— Кто? — Рита встала, снова села, прижала сумку с деньгами к себе.

— Мужик какой-то, — помедлив, сказал Глеб, — я его первый раз вижу. Сказал, что будет ждать тебя здесь.

«Гончаров? Как быстро». Рита вскочила, посмотрела на себя в зеркало. Нормально, все нормально, главное — не волноваться, и все будет хорошо.

— Я сейчас. Пусть ждет.

Она быстро оделась, на всякий случай положила перцовку в обычную сумку, которую всегда носила с собой. Потом взяла сумку с деньгами, та показалась тяжелой и расстаться с ней не было ну никаких сил. Рита повесила ее на плечо и пешком пошла в салон. По дороге придумала отличную отговорку, что мало денег — она только что открылась, заказов нет, потом, когда раскрутится, наберет и оплатит. «Пусть рассрочку дает и за стекло разбитое платит», — мелькнула отличная идея, и Рита поняла, что на все сто готова к разговору.

Веселье началось уже при входе — Глеб сидел за стойкой, перед ним стояли две девицы: одна с черной косой ниже превосходно накачанной задницы, вторая была голая, но в черных туфлях на высоченных каблуках. Но это так показалось с порога, на девушке были лосины телесного цвета и такая же облегающая футболка с большим вырезом. На пуфике сидела рыженькая длинноволосая красotka почти без юбки, из массажного кабинета доносился голос Олеси и еще чей-то, незнакомый, но слов было не разобрать.

— Привет всем, — в салон ворвалась Мелисса, — я не опоздала?

Она явно одевалась наспех, поэтому ограничилась черными джинсами в обтяжку и черной же майкой под белой рубашкой. А на белом диване развалился Игорь, он пялился на девок, строил им глазки и откровенно обалдел при виде Мелиссы. Та глянула на него как на пустое место, прошла мимо, кивнув Глебу, и пропала в кабинете за дверь. Игорь чуть шею не свернул, глядя красотке вслед, потом заметил Риту и радостно улыбнулся во всю пасть.

— Ритка, — Игорь приподнял зад над диваном и плюхнулся обратно. —

Привет! Это тебе.

Откуда-то из-под задницы вытащил три мятые белые гвоздики в шуршащем целлофане и замахал ими, точно отгоняя мух. Девки заинтересованно обернулись, Глеб лениво вышел из-за стойки, но смотрел в телефон, не обращая на Игоря ни малейшего внимания. Рита вырвала у Игоря цветы и бросила их на стол. Девки примолкли, Игорь развел руками и поднялся с места. «Помочь?» — прилетело в мессенджер от Глеба. Рита мельком глянула на него и покачала головой. И улыбнулась Игорю.

— Привет. Рада тебя видеть. Как дела?

Тот засунул руки в карманы джинсов и перекатывался с пятки на носок, бесцеремонно разглядывая «актрис», оценивая так смотрел, точно примерялся.

— Ты так быстро убежала в тот раз, что я тебя не догнал, — усмехнулся он и повернулся к Рите. — Куда торопилась?

Вопросы отпали — получается, Игорь шел за ней после их предыдущей встречи, но лично приперся в салон почему-то именно сегодня и выбрал не самый лучший день. Глеб красиво стоял у стойки и постукивал телефоном по стеклу столешницы. Из кабинета выглянула недовольная Мелисса, хотела что-то сказать, но мигом оценила ситуацию и спряталась обратно. Игорь жадно таращился на закрытую дверь, только что не облизывался вслед красотке.

— Извини. — Рита взяла телефон и быстро написала Глебу: «Займись девками, убери их». — «А этот хрен? Может, выкинуть?» — «Он скоро уйдет». — «Уверена?»

Нет, конечно, не уверена, но Рита продолжала улыбаться Игорю. Тот вконец растерялся: и от девок глаз оторвать не мог, и следил за Ритой, вот за каждым ее движением. Глеб быстро увел «актрис» в коридор, оттуда раздались голоса, потом стало тише. Игорь сосредоточился на Рите и тоже улыбнулся.

— Извини за прошлый раз. Были срочные дела.

— Да я уж понял, — Игорь прошелся по комнате от двери до окна, дернул пальму за лист, зашел за стойку и уселся на высокий стул. Рита вцепилась в ремень сумки так, что пальцы свело, мысли кружились осиным роем, а перед глазами то и дело мелькали яркие белые пятна.

— Хорошее место, — Игорь покрутился на стуле, — и коллектив тоже. Обалденные девки.

— Я открываю салон красоты, девушки пришли устраиваться на работу.

— А этот красавец? — Игорь резко затормозил и откинулся на спинку стула. — Это кто?

— Женский мастер, клиенткам нравится.

Игорь отъехал к стенке, закинул ноги на столешницу и нагло ухмыльнулся.

— Ага, с такими бицепсами и рожей, как из рекламы йогурта. Женский мастер, не смей меня.

Он вскочил со стула и мигом оказался рядом. Рита отпрянула, Игорь схватил ее за локоть.

— Будто я не понял, что это не парикмахерши, а шлюхи, — проговорил он негромко, — все девки как под копирку сделаны, я же вижу. Им не ногти пилить, а в порнухе сниматься.

— А ты специалист, — Рита не шевелилась, Игорь сжал пальцы еще силь-

нее, но боль была пока терпимой.

— И бордели всегда под салоны красоты маскировали, так удобно для всех, — Игорь улыбался ей в лицо и говорил все громче и громче, — кстати, менты особенно это дело уважают. Не знала?

Рита по-прежнему улыбалась и смотрела на своего бывшего. Мысль осталась только одна — как бы не вырвало, вот прямо сейчас, сию секунду, прямо на его не очень чистые джинсы или на белые с черными полосами на подошве кеды. Почему-то из всех эмоций и реакций организма осталась только тошнота как при отравлении, и Рита сдерживалась из последних сил.

— Ты бы хоть спросила, прежде чем деньги тратить. Всегда ты так, ничего не соображаешь, а суешься... — Игорь отпустил ее, отступил на шаг, оглядел оценивающе, как до этого Мелиссу, и бросил с ухмылкой: — Лучше бы сиськи себе вставила, толку было бы больше.

— Ты зачем пришел? — перебила его Рита. Игорь развалился на диване, закинул ноги на белые подушки. Тренькнул телефон, пришло сообщение от Глеба: «Пора пробы начинать. Он еще здесь?» — «Уходит уже». — «Пиши, если что». — «Ок».

— Увидеть тебя хотел, — Игорь продолжал мерить ее взглядом. — Мы давно не виделись, я соскучился. Очень соскучился, — тихо добавил он.

— Пойдем посидим где-нибудь, — предложила Рита. Игорь моментально посерьезнел, подошел и взял ее за руку.

— Лучше покажи мне свою квартиру, — сказал он, сжимая ей пальцы. — Пойдем к тебе. Я помогу.

Он забрал сумку с деньгами, повесил себе на плечо. Схватил со столика гвоздики, сунул их Рите в руки и галантно распахнул дверь. Сначала показалось, что на улице идет дождь или вот-вот начнется, как тогда, когда они с Черниковым везли пса в приют, но нет. Солнце всего лишь спряталось за тучу, дождя не намечалось, просто с мира будто все краски стерли. Вокруг шла обычная жизнь города, но только черно-белая, да еще и пылью присыпанная, как бывает на очень старых выгоревших фото. Игорь держал Риту под руку, гвоздики качались перед глазами, как маятник у старых часов, цветы пахли могилой, от запаха тяжелела голова и клонило в сон. Кажется, звонил телефон, но звук был очень тихий, и Рита решила, что это просто кажется. Неожиданно ее сильно рванули за руку, так, что едва удержалась на ногах. Игорь зло смотрел ей в лицо и щелкал пальцами перед глазами.

— Обалдела? Не видишь, куда идешь? Глаза протри! — заорал он и покраснел от злости. Так было и раньше, когда его что-то бесило или раздражало, Игорь никогда не скрывал своих эмоций. Рита увидела, что они стоят на краю тротуара, по дороге несутся машины, а светофор горит красным.

— Дура, куда тебе бизнес делать, когда ты дорогу перейти не можешь! — Игорь еще крепче схватил Риту под руку и поправил ремень сумки на плече. С мира точно пелену сдернули, враз вернулись и краски, запахи и звуки, Рита улыбнулась Игорю.

— Извини, я задумалась. Дома нет ничего, может, все-таки зайдем куда-нибудь?

— Пиццу закажем, — Игорь пристально смотрел на светофор. — Хреновая ты хозяйка, раз гостя нечем угостить. Ничего не меняется, все, как всегда.

Перешли дорогу, наконец свернули к парку и через несколько минут ока-

зались на ее этаже. Рита открыла дверь, вошла первой и быстро осмотрелась — чужих вещей не было. Глеб забрал все, с чем пришел, остался только глобус на подоконнике и пара забытых Женей футболок в стиральной машине. Рита поставила гвоздики в вазу, Игорь молча прохаживался по квартире, заглядывал в шкафы и ящики, облазил гардеробную, пристально осмотрел кухню, лоджию и даже постучал кулаком по стеклу.

— Неплохо, — буркнул он, — хотя тесно, конечно. Чего однушку-то взяла? На нормальную денег не хватило?

— Мне одной хватает, — Рита следила за Игорем и за брошенной в коридоре сумкой. Та небрежно валялась на столике под зеркалом и вот-вот грозила свалиться на пол.

— Только о себе и думаешь, — вздохнул Игорь и уселся за стол. — Сколько отдала, колись быстро.

Рита села напротив так, чтобы видеть сумку. Игорь стучал пальцами по пустому столу и смотрел Рите в глаза.

— Сколько, спрашиваю? Ну?

В его голосе звучала угроза. Рита вспомнила, что перцовка осталась в сумке, а до нее еще надо добраться. Там же, кстати, остался и телефон, а она сидит тут с пустыми руками и глупо улыбается. Игорь перегнулся через стол, хотел схватить ее за руку, но Рита успела отстраниться и назвала сумму, точно кость озлобленному псу бросила. Игорь сжал кулаки.

— Нормально, — он смотрел в потолок, что-то прикидывая, огляделся еще раз и спросил: — Только не говори, что на зарплату. Где деньги взяла?

— Заработала, — Рита продолжала улыбаться, а сама переместилась на край стула и тоже прикидывала — успеет ли добежать до сумки и найти там перцовку, если дело примет дурной оборот. Получалось, что не успеет, ладони разом взмокли, дышать стало тяжело.

— Где, как, когда успела? — допытывался Игорь. Рита смотрела то в стол, то в окно, на облака, коих становилось все меньше и меньше, а на пол лоджии упал первый солнечный луч.

— Ладно, не говори, я и сам знаю. Девками торгуешь. Прибыльный бизнес.

— Какие девки, о чем ты, — Рита хотела встать, но Игорь опередил ее и оказался в дверях.

— Проститутки, — уточнил он, — обычные шлюхи. У тебя не салон красоты, а бордель, возможно, уже свои клиенты, которые тебе доверяют и хорошо платят. А потом ты покупаешь квартиры.

Рита закинула руки за голову и привалилась к стенке. Игорь уперся в плитку ладонями около ее головы и ухмыльнулся.

— Давай сделаем так: я сейчас позвоню в полицию и сообщу, что по такому-то адресу находится притон. Менты прискачут быстро, они такое любят, ты им разом все показатели раскрываемости улучшишь. А если притона нет и все девушки честные, то менты уедут ни с чем. Давай?

Игорь вытащил телефон и принялся тыкать пальцем в экран. Рита улыбалась и смотрела в стенку перед собой. Сейчас Глеб проводит кастинг, сегодня вечером и завтра начнутся съемки, надо платить Гончарову, сдавать заказ и уматывать из города. Какие менты, о чем вообще разговор.

— Чего ты хочешь?

Игорь занес палец над экраном, постоял так и сжал телефон в ладони, раз-

вел руками.

— Рита, ты дура. Как была душой, так душой и помрешь. Неужели трудно догадаться? — Он даже поморщился с досадой. — Денег, конечно, денег, чего еще. Надо делиться, дорогая, особенно с теми, кто когда-то тебе помог. Так ты улучшишь свою карму.

— У меня карма стерильная, нечего улучшать. — Рита оттолкнула его и встала из-за стола. Игорь показал ей мобильник и отошел к плите.

— Я звоню, имей в виду. Мне терять нечего.

Рита взяла сумку с деньгами, положила ее на кухонный стол, открыла. Игорь так и застыл на месте, отложил телефон и плюхнулся на табуретку. Посидел так, притянул сумку к себе и принялся перебирать аккуратно упакованные пачки.

— Половина твоя, — Рита с порога наблюдала за ним. — Теперь ты мой компаньон. Согласен?

Игорь как во сне перекладывал деньги, сложил на столе пирамидку, рядом вторую, подвинул их, занялся третьей, потом сгреб все деньги и свалил обратно. Рита улыбалась и по шажку отступала в коридор. Перцовка была совсем рядом, только руку протяни, но не успела совсем немного.

— Обалдеть, — пришел в себя Игорь, — вот это я понимаю бизнес. Кто тебе подсказал, ты сама бы не додумалась?

— Ты.

Рите пришлось остановиться, а Игорь вскочил было и тут же плюхнулся обратно.

— Я? — Вид у него сделался до того глупый и растерянный, что Рита едва удержалась от смеха.

— Ну да. Ты же смотрел фильмы, ну, такие, для взрослых. Я и вспомнила. Я очень скучала по тебе.

Игорь закрыл лицо руками, замотал головой и прижал ладони к щекам. То ли плакал, то ли смеялся — непонятно, Рите было не до того. Она вдруг вспомнила кое-что, подбежала к шкафчику, открыла, приподнялась на носки и принялась шарить на верхней полке. Пальцы наткнулись на блистеры со снотворным, Рита схватила их и замерла. Игорь подошел сзади, обнял ее, прижал к себе и зашептал на ухо:

— Ритка, я ведь тоже скучал, как собака, веришь? Вот на фигу ты ушла тогда, я чуть с ума не сошел. Повеситься хотел..

От ткнулся носом ей в шею, выдохнул горячо и запустил руки ей под футболку. Рита сжимала снотворное в кулаке и не шевелилась.

— Давай начнем все сначала, — бормотал Игорь ей в ухо, — ведь нам было так хорошо вдвоем. Ты же помнишь?

«Конечно, помню», — Рита прикусила язык. Игорь задрал ей юбку, толкнул к столу, задышал тяжело и часто. Рита резко повернулась и оказалась с ним лицом к лицу.

— Давай отметим, — она уперлась кулаками ему в плечи, — выпьем за встречу. И за наше партнерство.

Игорь отпустил ее и плюхнулся на стул. Рита принялась шарить по шкафчикам и полкам, Игорь пересчитывал купюры в пачках.

— Где же она? — Рита покрутилась еще немного, Игорь ее точно не слышал. Он пересчитал почти половину содержимого сумки, отодвинул на край

стола, освобождая место для новых пачек. Почти полная бутылка вискарря нашлась в шкафчике у холодильника, Рита спрятала ее и бокал под полотенце, но могла бы и просто так пронести — Игорь ничего не видел, кроме денег, на Риту он внимания не обращал, будто ее тут и не было.

— Я сейчас, — Рита выскочила в коридор, закрылась в ванной и включила воду. Налила себе половину бокала, потом разломала капсулы и через горлышко высыпала в бутылку порошок. Руки дрожали, порошок сыпался мимо, бутылка покрывалась желто-белым налетом. Рита взболтала виски, посмотрела на свет. Цветной порошок таял на глазах, Рита снова встряхнула бутылку.

— Ну где ты там? — раздался недовольный голос. Рита быстро умылась, пригладила волосы и посмотрела на себя в зеркало.

— Или ты, или он. Выбирай.

Она отпила немного виски из своего бокала, скривилась и пошла в кухню. Там Игорь с довольным видом складывал деньги в сумку.

— На квартиру не хватит, — сообщил он, — но можно накопить. Ты дальше как собираешься?

— Наливай. — Рита поставила перед ним бутылку и бокал, подняла свой и сделала еще глоток. Виски будто выдохся за эти несколько дней, она пила его, будто воду. Игорь ловко скрутил пробку и налил себе полный стакан, сделал большой глоток, поморщился.

— Дрянь какая, не могла приличный вискаррь купить? — Он ощерился желтыми зубами. Рита сделала вид, что тоже пьет, но за стол не садилась. Игорь отхлебнул еще и привалился плечом к стене.

— Давай так, — он накрыл стакан ладонью, — ты отбираешь девок, а я работаю с клиентами и занимаюсь расчетами. У тебя есть постоянные заказчики?

— Есть. — Рита смочила губы виски и не сводила с Игоря глаз. Тот вдруг странно мотнул головой и едва не выронил бокал, удержал его в последний момент.

— Передашь мне их контакты, с этого дня я сам буду вести переговоры. Кстати, прайс у тебя есть?

— Нет, — Рита снова сделала вид, что пьет виски. От запаха едва не стошнило, снова послышался звонок мобильного, но так далеко, будто доносился из-за стены.

— Охренеть, — Игорь лязгнул зубами, точно пытался откусить край бокала. Дрожащими руками поставил пустой на стол, Рита тут же подлила ему еще и села напротив. Игорь держал бокал обеими руками и мотал головой, как игрушка на торпедо машины. — Ты же не умеешь вести дела, — язык у него заплетался, рожа покраснела, а белки налились кровью, — придется все самому налаживать.

Рита вцепилась в свой бокал, точно прикрывалась им, и ждала. Игорь отпил еще, скривился, тряхнул головой и врезался в стенку.

— Мать твою, зараза, — он прижал стакан к ушибленному месту, — Ритка, ну ты и дура, кто так дела ведет... Дай пожрать что-нибудь, я с утра не ел!

И еще раз приложился к бокалу, осушил его почти полностью. Рита подлила еще, для порядка заглянула в пустой холодильник и пошарила на полках.

— Вот, — она отдала Игорю почти целую шоколадку, — закуска!

Тот разломал плитку в упаковке, разорвал ее и принялся выковыривать

сладкие обломки. Слопал несколько вместе с фольгой, снова скривился и накати́л еще.

— У тебя получится лучше, — улыбнулась Рита, — мы разбогате́ем и всегда будем вместе. Правда?

Игорь поднял растрепанную башку, глянул на нее безумным взглядом и грохнулся на стол. Пустой бокал свалился на пол и чудом не разбился, откатился за холодильник. Рита вскочила, сгребла со стола деньги, запихнула их в сумку и спрятала ее на верхней полке в прихожей. Потом кинулась к Игорю, кое-как подняла его — тот дышал, но глаза у него не открывались и воняло так, точно где-то поблизости затаилась Руснакова.

— Не вздумай помереть тут, сволочь, — Рита с размаха ударила Игоря по щеке, но у него лишь голова мотнулась. Рита бросилась в коридор, нашла мобильник, заметила, что пропустила несколько вызовов, и все от Юльки, но на нее сейчас было плевать. Скинула очередной ее вызов и вызвала такси. Машина ожидалась через одиннадцать минут, Рита быстро вымыла стаканы, засунула бутылку в свою сумку, бросила гвоздики в мусорку и принялась тормошить Игоря. Тот побледнел, губы его неприятно шлепались, с угла рта капала слюна. Рита сдернула его со стула, кое-как поставила на ноги и потащила в коридор. Игорь повис на ней всей тушей и еле передвигал ноги, мотался из стороны в сторону. Рита вытащила его на площадку, и только закрыла дверь, как подъехал лифт, оттуда вышла соседка-блондинка, радостная и довольная, как после первого свидания. Увидела Риту, Игоря, враз помрачнела и отошла в сторонку, демонстративно приняхалась. Рита протащила Игоря мимо и втокнула в лифт, двери съехали перед носом любопытной тетки. Зато таксист сразу все понял правильно, он помог Рите затолкать Игоря в машину и закрыл за ними двери.

— На пруды? — уточнил он и посмотрел в зеркало на Риту. Та обняла Игоря и заботливо вытерла ему физиономию бумажным платком. Показалось или нет, но дышал Игорь как-то не так, точно вполсилы, а на коже появился синеватый оттенок.

— Да, да, — торопливо подтвердила она, — и побыстрее, пожалуйста.

Таксист спорить не стал и вырулил со двора. Рита следила за молодым немногословным парнем и в темпе прикидывала, что он может запомнить. Получалось, что ничего такого: вышла из подъезда парочка, мужик в хлам, женщина вполне себе трезвая — обычное дело, это не запрещено законом. Доехали до парка, расплатились и пошли себе прогуляться, вернее, она Игоря на себе потащила.

Это был не тот вылизанный и прозрачный парк в центре, а кусок леса на окраине города. Тут имелись два водоема, называемые прудами, довольно большие, когда-то ухоженные, а сейчас заросшие камышом и осокой. На берегах еще торчали в траве развалины пристани с затонувшими лодками и беседка, от которой осталась лишь дырявая крыша на ржавых столбиках. Дальше за лесом шла федеральная трасса, и движение там не замирало ни на секунду, даже отсюда слышался ровный гул множества моторов. Парк этот особенной популярностью не пользовался, тут обретались в основном собачники да местные маргиналы, превратившие лес и берега прудов в помойку. Впрочем, вглубь Рита не пошла, она доволокла Игоря до ближайшей уцелевшей лавки напротив сломанной карусели и сгрузила свою ношу. Игорь немедленно зава-

лился на бок, сильно дернулся всем телом, будто ток через него пропустили, и затих. Рита села рядом, достала бутылку, открыла, задрала Игорю голову.

— Пей, тварь, давай, пей. — Она кое-как разжала ему зубы и вылила виски в рот. Игорь задергался, руки и ноги у него задрожали, виски забулькал в горле. Глотать он не успевал, вискарь выплескивался на лицо, на одежду, на лавку, мерзко воняло солодом и патокой. Игорь дергался, точно его за ниточки тянули, тряс головой и бился затылком о ствол старой рябины, кривой и трухлявой, от этого мерного стука становилось не по себе. Наконец бутылка опустела, Рита встала, отошла на несколько шагов. Игорь развалился на лавке, как недавно на диване, дергался, но уже не так активно, и напоминал сейчас червяка на компостной куче, жирного, мокрого и слепого. Рита отвернулась и быстро пошла к прудам, на ходу засовывая в горлышко бутылки обрывки блистера от снотворного. Парк она знала плохо, вернее, совсем не знала, поэтому сначала забрела в заросший крапивой и лопухами овраг, постояла на краю сломанного мостика и пошла обратно. Издалека посмотрела на Игоря, тот сидел спиной к рябине и вроде не шевелился, как показалось со стороны. Из кустов выскочил веселый мокрый лабрадор с палкой в зубах, он подбежал к Рите, обнюхал ее и умчался, врезав палкой по коленке.

Рита пошла следом по мокрой тропке и скоро оказалась на берегу покрытого ряской пруда. Над водой стлался туман, летали стрекозы, по воде расходились круги. Пес гавкнул, появилась его хозяйка, невысокая толстая тетя с мятым недовольным лицом. Она смерила Риту презрительным взглядом, отобрала у пса палку и запустила ее в середину пруда. Пес прыгнул в тину и шустро погреб на свободное от ряски пространство. Рита отошла за огромную, нависшую над водой березу, что еще чудом держалась на берегу, встала на мокрые вылезшие из земли корни и выкинула бутылку в пруд. Пес уже схватил палку и греб обратно, услышал звук и закрутил башкой. Тетка принялась звать его к себе и тоже оглядывалась. Рита отбежала в кусты и по скользкой траве добралась до тропинки, пошла вверх. Шла, не торопилась, разглядывала деревья, траву, вспомнила, как когда-то сама вот так же гуляла со своей собакой недалеко от дома, как пес в теплый и ясный майский день залез в болото и выбрался грязный по самые уши, зато довольный и счастливый. И как она вела собаку домой, как на них смотрели прохожие, как мыла его потом специальным шампунем и как пес мужественно терпел ненавистную процедуру.

Игорь так и сидел на лавке с запрокинутой головой. Сидел спокойно, не дергался, не дрожал, не мотал башкой. Просто сидел и смотрел в небо, когда Рита остановилась поодаль. Ничего не происходило, только вонь стала еще сильнее, а у Игоря на лице появились странные белые полосы. Рита подошла, присмотрела и зажала ладонями рот, отвернулась, снова посмотрела на своего бывшего. Он захлебнулся собственной рвотой, она, как недавно вискарь, обильно лилась изо рта и забила ему горло, на лавке и траве было полно вонючих пятен.

— Вот так, скотина. — Рита еле сдерживала тошноту, земля буквально уходила из-под ног, качалась и тоже дрожала, деревья сошли с мест и двинулись вправо-влево, как в пляске макабра, рябина повалилась вперед, Рита едва успела отскочить. Постояла еще немного, приходя в себя, открыла глаза — нет, рябина на месте, и остальные деревья, и лавка тоже. И Игорь там же, никуда не делся. Рита отвернулась и побрела к выходу. Тут народа стало больше, по-

явились и добрые пенсионеры с лыжными палками, и мамыши с орущими детьми, и подростки на великах и самокатах. А ведь еще час назад только ветер гулял в верхушках старых берез — говорят, раньше тут было кладбище, причем богатое, с надгробиями и мраморными плитами, от коего люди и время не оставили и следа, только россыпь маргариток на полянках с подозрительно ровными краями. Рита обошла двух мамашек, что курили прямо посреди велосипедной дорожки, не обращая внимания на свое дерущееся потомство, прошла мимо огромных разбитых вазонов. Дунул сильный ветер, порыв буквально чуть не сбил с ног, волосы упали на лицо. Рита повернулась, отвела волосы назад и тут над символическими воротами, нелепым деревянным сооружением, увидела камеру. Та смотрела точно на вход, рядом помещалась вторая, она следила за дорожкой к пруду.

Две камеры наблюдения видели, как она с Игорем зашла в парк — оцепенение спало только дома. Рита прошла в комнату, потом в кухню, поставила чайник, выключила, вернулась в коридор и остановилась в полумраке. «Меня с ним видели, как мы вдвоем заходим в парк, потом я выхожу одна. А его уже нашли, наверное». Стенка, как недавно деревья, двинулась куда-то вбок, зеркало поплыло вверх и пропало, пол быстро пошел навстречу и наступила ночь. Заканчивалась она медленно, точно зимний рассвет подступал: сначала немного посветлело вблизи, а потом в сумраке проступили и дальние углы. Рита поняла, что лежит около входной двери, та буквально перед носом, и, кажется, неплотно закрыта, и еще очень болит локоть, а на ногах валяется что-то тяжелое. Тумбочка, как оказалось. Рита кое-как спихнула ее, та перевернулась, загремев ящиками. Рита попыталась сесть, но правая рука отозвалась такой болью, что перед глазами потемнело. Когда окончательно наступил рассвет, Рита полежала еще немного и села без помощи рук. По правой от локтя вниз и вверх расползлось здоровенное голубоватое пятно, оно на глазах наливалось синевой, рука при малейшем движении отзывалась адской болью. «Перелом?» — Рита осторожно потрогала кровоподтек, не обращая внимания на боль, огляделась. По всему выходило, что она свалилась в обморок прямо в коридоре и просто чудом не ударилась головой об угол столика под зеркалом, до него оставалось совсем немного. Но зацепила при падении тумбочку, заодно врезалась локтем в плитки пола. Встать Рита пока не решалась, сидела на полу, поджав ноги, и приходила в себя. Сознание она в последний раз теряла еще в школе, в старших классах, когда на спор с подружкой не ела три дня, а только пила кофе или крепкий чай. Причем грохнулась в школе, на уроке, перепуганная учительница и медсестра быстро вытрясли из нее правду и отругали почем зря.

Посидела еще немного, поднялась аккуратно, постояла у стенки и подергала ручку двери. Так и есть, открыто, забыла повернуть задвижку замка. Снова повезло, а могло быть и хуже. Она закрыла дверь и побрела в ванную. При одном только взгляде в зеркало сразу захотелось выключить свет и не смотреться туда еще неделю, не меньше. Рита умылась дрожащими руками, полюбовалась синим с фиолетовым отливом локтем и вспомнила, что в кухне есть аптечка, а в ней обезболивающее. И нашла, а заодно и пол-литра настоящего французского коньяка, что сама привезла из Франции и берегла на особый случай. Так и стояла с таблетками в одной руке и бутылкой темного стекла в другой, пока не раздался странный звук из коридора. Длинный, тягучий, по-

том он оборвался, потом раздались несколько коротких сигналов, потом снова что-то загудело. «Телефон». Рита поставила бутылку на стол, рядом бросила таблетки и пошла искать сумку. Та валялась за тумбочкой, Рита поставила ее на место, выудила мобильник. Семь пропущенных, и все от Юльки — у нее явно было полно новостей, и вряд ли хоть одна приятная. С утра висело непрочитанное сообщение от Ирки: «Ритуля, я задержусь, у нас все еще забастовка, Ницца тоже не отпускает, улетаем в три захода!» И фото набережной, уходящей в бесконечность вместе с лазурным морем, белые шапки Альп на горизонте в сиреневой дымке, и снова вино, вино, вино, среди коего затесался здоровенный котелок с мидиями.

— Я тоже хочу в Ниццу, — Рита едва не выронила телефон, руки задрожали, к горлу подкатил ледяной комок, желудок сжался до размеров наперстка.

— Я тоже хочу в Ниццу, мать вашу, я что — хуже всех?! Я тоже хочу на пляж, хочу вина и мидий! В лаванду хочу упасть или в море! — Слезы лились вот просто ручьями, точно где-то сказали «можно», а соленая вода только этого и ждала. Фотки расплывались, лазурное море сливалось с полумраком коридора, божественный нектар белого, соломенного, розового и красного оттенков тонул в синеве, отчаяние и страх плескались через край, и не было во всем мире лекарства, чтоб унять эту боль.

— В Ниццу хочу, в Баден-Баден на воды или хотя бы в Париж. — Рита от слез ничего не видела перед собой, запнулась за коврик и снова едва не загремела на пол. Стало до того горько и обидно, что даже слезы казались солонее. Рита чуть ли не на ощупь добралась до кухни, открыла коньяк и прямо из горлышка сделала большой глоток. И ничего не произошло, будто воды отхлебнула, даже странно. «Обманули, что ли?» — она поднесла бутылку к носу, принюхалась. От запаха аж голова закружилась, а вот вкуса не было, хоть ты тресни. Ни со второго захода не почувствовала, ни с третьего, а вот после четвертого поняла — не обманули. Ледышка внутри растаяла и сгинула, как не бывало, стало очень тепло и спокойно, слезы исчезли, только голова немного кружилась, боль в локте прошла, а руки и ноги не слушались от слова совсем. Ну, бутылку держать она могла, качаясь и держась за стенки, выбралась в коридор, прихватила телефон и без приключений добралась до кровати, плюхнулась на спину. Поставила бутылку на живот, посмотрела на себя в темный экран телефона, тот дрогнул, загудел, посыпались сообщения, несколько штук одно за другим. И все от Черникова.

Страус (или кем там при жизни была эта игрушка) выглядел довольно потрепанным, Каштан основательно потаскал его по вольеру и на фотографии сидел с довольным видом, сжимая игрушку в зубах. Потом на коротком видео рвал несчастного страуса так самоотверженно и с полной самоотдачей, что стало смешно до слез. Дальше Черников пытался у зверюги игрушку отобрать, Каштан поворчал-поворчал, прижимая потрепанную птицу лапой к песку, но отдал-таки и преданно глядел куда-то вверх. А на последней фотке был просто пустой вольер, да еще и дверца открыта. «Твоего хозяева забрали, — имелась подпись под фото, — хотели тебе деньги передать, вознаграждение. Они у ребят, можешь забрать в любой момент».

— Да иди ты, — Рита еще раз пролистала фото, села поудобнее и отпила немного из бутылки. Вот сейчас коньяк раскрылся во всей красе, в голову шибало только от одного запаха, а божественный вкус вышибал слезу, но совсем

иного рода, нежели десять минут назад. Пса забрали хозяева, он снова дома — разве это не повод выпить еще немного? А потом еще. Когда в бутылке осталась половина, а на синий локоть вполне можно было опираться, Рита поставила бутылку на пол, легла поудобнее и позвонила Черникову.

— погоди, — бросил тот, — я сейчас. Одну секунду.

Было слышно, как он быстро стучит по клавишам, чертыхается, снова раздается приятный стук, потом звонок рабочего. Черников что-то сказал неразборчиво, потом раздался тихий щелчок, потом Рита повернулась на бок и закрыла глаза. Перед глазами возникла заблеванная физиономия Игоря, его запрокинутая башка и кривая рябина. Желудок немедленно отозвался спазмом, на лбу выступил ледяной пот.

— Привет, — раздалось в полусне, — ты чего не на работе?

— Я на больничном. — Рита вытерла лицо и приподняла бутылку за горлышко: коньяка осталось больше половины, вечер будет приятным.

— Ничего серьезного, надеюсь? Помощь нужна? Говори, не стесняйся.

— Нет, — Рита перевернулась на спину, — завтра выйду. Зуб лечила. Всю ночь болел, пришлось сдаваться.

— Ужас какой, — Черников ходил по кабинету, слышался звук его шагов, — бедняжка. Я тебя так понимаю. Больно?

— Очень. — Спазм прошел, Рита открыла бутылку и еще раз вдохнула волшебный, снимающий любую боль запах. Не обманули, коньяк был прекрасен, и только ради него стоило стонать во Францию еще раз. Еще много-много раз.

— Я даже Шумилину не предупредила...

— Она завтра сама тебя найдет, — с ехидцей в голосе перебил Черников.

— Зачем?

Черников прошелся туда-сюда, снова раздался звонок рабочего, но быстро оборвался, судя по скрипу, Черников уселся на место и чем-то постукивал по столу.

— Тут такое дело... Короче. Тетка твоя, волосатая которая, с лестницы грохнулась и ногу сломала.

Хмель как ветром сдуло, Рита села на кровати и едва не уронила бутылку. Подхватила ее в последний момент и поставила на подоконник. Руснакова сломала ногу — вот это номер.

— Как...

— А так, — перебил Черников, — шла-шла и навернулась твоя красотка. В хлам была потому что, прямо на рабочем месте. В дрова, или как тебе больше нравится.

— погоди, — Рита старательно делала вид, что ничего не понимает, а самой петь хотелось от радости. Нет, Руснакову жалко, ей наверняка очень больно, но проблема решилась сама собой и не надо никого звать на помощь. Алкоголь бывает полезен, очень полезен, что бы там ни говорили.

— Ты хочешь сказать, что она пьяная пришла на работу и сломала ногу?

— Ну да, — Черников щелкал чем-то и говорил не очень уверенно, как показалось Рите.

— Короче, «Скорую» вызвали, тетку увезли, увольнение по соглашению сторон уже оформили, осталось только подпись ее получить. Завтра мой человек в больницу к ней поедет. Кстати, она, судя по всему, алкашка со стажем, я на нее посмотрел...

— А почему ты мне сразу не сказал? — выпалила Рита.

— Откуда я знал, — отпирался Черников, — как я мог это проверить?

— Что у нее муж мошенник, а сын наркоман ты знал, что у нее долги по кредитам и за квартиру, ты тоже знал, а что она пьет как лошадь ты не знал? Да еще и со стажем! Ты кого мне одобрил?

— Такое не отследишь, — оправдывался Черников, — это надо кучу запросов отправлять и ответ ждать месяцами. И потом, она могла не попасть на учет, если раньше не лечилась. Урок мне, конечно, учту на будущее.

От его слов так и тянуло перекреститься, но вместо этого Рита сделала хороший глоток из бутылки, скривилась и выдохнула — коньяк делал свое дело, стало легко и весело, и все проблемы казались глупыми и мелкими, что ли.

— Я что-то такое подозревала, — Рита снова улеглась на спину, — от нее так воняло, но не перегаром. Странный запах, тухлятиной как будто.

— Могла зажевывать чем-то, — предположил Черников, — так многие делают. А почему ты мне раньше не сказала?

— Думала, что кажется. Не хотела тебе мешать.

— Ты не мешаешь.

Он замолчал, Рита прижала бутылку к животу. Та постепенно нагревалась, было очень приятно трогать ее округлые бока и слушать, как важно и солидно переливается внутри божественный нектар. Черников снова заходил по кабинету, потом раздался тихий щелчок и негромкий вдох-выдох.

— Куришь? — спросила Рита. — В кабинете?

— Все ты видишь, — пробормотал Черников сквозь зубы, — окно открыл. Я так, балуюсь. Дел полно, еще и Тарновский в больницу загремел. Одни нервы, никакой жизни. Еще и алкашка твоя.

— Тебе Каштана надо домой забрать, — улыбнулась Рита. — Вы с ним отлично ладите. И он такой красивый.

— Серьезный пес, — по голосу было понятно, что Черников тоже улыбается, — и умный до ужаса. Он озверевает один, меня же дома почти нет. Пусть так пока, я ему мяса привез, ну, и остальным тоже, денег еще оставил. Там ему лучше, с другими собаками. В пятницу хочу съездить. Поедешь со мной?

Рита села на кровати, и сразу стало понятно, что резких движений лучше не делать. И вообще, коньяк лучше всего закрыть и убрать на место, ибо продолжение смерти подобно. И срочно надо что-то поесть, хоть даже пиццу заказать, чтобы завтра выглядеть человеком. И не забыть позвонить Глебу.

— Поеду, конечно, — сказала она, — обязательно. Люблю собак, особенно больших и умных. Вот разбогатею — и буду помогать приюту для брошенных породистых животных.

— Понял тебя, — фоном слышалось, как тренькает рабочий телефон, — давай завтра все обсудим.

— До завтра.

Рита положила телефон, поднялась на ноги, прошлась немного, не отдаляясь от кровати. Ничего, мотает немного, но это пройдет. Зато ледышка внутри растаяла, как не бывало ее, и полиция в дверь пока не ломится. Кстати, еще не факт, что ее найдут, камеры могли не работать.

— Земля тебе пухом, скотина. — Рита сделала еще один глоток и понесла коньяк на место. Вспомнилось, что это выражение насчет земли пухом имеет продолжение: чтобы собаки раскопали твои кости. Вернее, так: пусть земля

тебе будет пухом, и мягко покрывает песок, чтобы собаки могли вырыть твои кости. Что-то вроде последнего проклятия, древнеримского, кажется.

Только она поставила бутылку на место, как зазвонил забытый на кровати мобильник. Пришлось тащиться обратно, ноги слушались плохо, зато голова была ясной и мысли не путались. Звонила мать, Рита села на край кровати и смотрела на экран. Звонок оборвался, потом пошел заново, потом снова оборвался, потом мать позвонила в третий раз. Рита сбросила вызов и внесла номер в черный список. Посидела немного, посмотрела в окно и набрала Юльку.

— Ритка, у нас тут такое, такое! Ты где вообще? Руснакова ногу сломала, представляешь!

— Я знаю, — сказала Рита, — она пьяная была.

— Ага! — Юлька только что не кричала. — Прикинь, прямо на работе накидалась, поперлась на обед и с лестницы навернулась! Вот дура!

«Еще какая», — Рита снова облегченно вздохнула. Аллилуйя, проблема решена и больше такой глупости она не совершит. Тоже урок, кстати.

— Ужас! — кричала Юлька в телефон.

— Еще какой, — подтвердила Рита. — У вас как, нормально, надеюсь? Я завтра выйду, сегодня зуб вырвали.

— Лечись быстрее! — потребовала Юлька и отбилась. Рита пошла в ванную приводить себя в порядок. А назавтра пришлось-таки топтать к врачу: рука болела адски, кровоподтек расползся чуть ли не до кисти. Но обошлось без перелома, трещину снимок тоже не показал, просто сильный ушиб. Пожилой вежливый врач выписал Рите больничный и отправил лечиться. Неделю сидеть дома она не собиралась, но один свободный день пришелся очень кстати.

Глеб постарался на совесть, Рите понравились все, кого он выбрал, особенно рыженькая — с ней он сделал проб больше всего, да и девка была что надо. Рита прикинула сумму, что придется отдать «актрисам», и настроение снова испортилось — денег было впритык, на Гончарова оставалось меньше половины. «Может, черт с ним? Снимем по-быстрому и разбежимся?» — эта мысль не отпускала уже сутки. От него никто не звонил, не приходил, на салон тоже никто пока не покушался, ожидание затягивалось. «Нарочно маринует». Рита еще раз посчитала все, свела баланс, и от итоговой цифры хотелось плакать. Можно не платить, а сдать заказ, получить свое и в тот же день уехать из города, но тут остается квартира, да и за салон она последнее отдала, и что — все это бросать? Нет, платить придется, и получается, что платит она за выход, а не за вход. Рита позвонила Глебу.

— Все хорошо, завтра начинаем. Я звоню клиентам.

— Давай, — без энтузиазма согласился Глеб. Голос у него был уставший и Рите показалось, что она оторвала Глеба от какого-то важного дела.

— Ты как там, не переутомился? — стараясь не улыбаться, спросила она.

— Нормально все, нормально, — пробурчал Глеб, — я в форме, не переживай.

И отбился. «Надеюсь». — Рита отправила заказчикам сообщения, посидела еще немного перед ноутбуком, прошлась по квартире, рассмотрела пристально свой правый локоть — в зеркале отражалось бесформенное синее пятно, но края его уже заметно пожелтели. Еще прошлась, проверила почту и вызвала такси.

В обитаемой части лесопарка народу было полно, но Рита туда не пошла.

Она издалека поглядела на нелепую деревянную арку, на вазоны у ее подножия и сразу направилась к знакомой тропинке. Пробралась через кусты мимо сломанной карусели и оказалась на потрескавшемся от времени асфальте дорожки. Если пойти направо, то попадешь на разрушенный мост через овраг, если налево, то окажешься на тех самых прудах, где когда-то, по городской легенде, водились карпы. По тропе налево она прошла ровно половину пути, остановилась, когда впереди показалась знакомая кривая рябина и пустая лавочка под ней. Рядом никого, ни одной живой души, даже птиц не слышно, и лягушки примолкли, точно перед грозой. Дальше Рита не пошла, постояла еще немного, пока не начал накрапывать мелкий теплый дождик, накинула капюшон. Снова посмотрела на лавку и быстро, не оглядываясь пошла к выходу.

Скорее всего, Игоря приняли за алкаша, что перебрал и глупо помер, таких за год сотнями находят в самых неожиданных местах. И в городских новостях ничего не было — она два дня подряд смотрела все выпуски, особенно про разный криминал, но там рассказывали про обычную соседскую поножовщину, а вчера показали бабу, что с топором кидалась на полицейских, якобы защищая своих детей. И одновременно угрожала этих самых детей сжечь живьем, если полицейские не уберутся прочь. Про труп в парке не было ни слова. «Надеюсь, тебя уже закопали». Рита вышла к остановке маршруток и спряталась под козырек. Дождик усилился, он будто смывал все следы, перешел в настоящий ливень, и пришлось снова вызывать такси. Дождь закончился за полночь, а вместе с ним ушла и тревога. Рита наконец заснула, да так крепко, что не слышала будильника и второй раз за все время работы в банке утром опоздала почти на полчаса. И первое, что услышала еще в «предбаннике» — возбужденно-радостный Иркин голос:

— Мы в три захода улетали, я сначала в первую группу попала, на утро, потом в третью, потом снова в первую, потом все-таки в третьей оставили! Мы целый день в Ницце провели, наелись, нагулялись, я даже искупалась напоследок! Потом приехали в аэропорт, а нас регистрировать отказались, представляете!

Юлька что-то отвечала, но неразборчиво. Рита приоткрыла дверь в кабинет и слушала Иркины восторги:

— Потом наша гид пошла ругаться, и персонал вообще убежал, потом мы ждали часа полтора, а в аэропорту вообще никого, кроме нас, представляете! Потом толпа китайцев приперлась, их стали регистрировать, и мы хотели у них паспорта украсть! Потом нас позвали, а до взлета всего двадцать минут, но мы успели! Даже в дьюти-фри успели!

Не было никаких сил сдержать улыбку: Ирку настолько распирало от эмоций, что она даже изменила своему правилу и не пошла на больничный после отпуска, а прибежала на работу.

— Чего купила? — деловито поинтересовалась Юлька. — Почему? Такс-фри оформила?

Анька улыбалась по-коровьи и таращила заспанные глаза. Потом схватила загудевший телефон и пропала из виду.

— Баба, баба, ты дура? — донеслось приглушенное из-под стола. — Капсулы надо в барабан стиралки кидать, а ты куда их зафигачила? Вот и выгребай теперь все! Нет, это ты дура, я тебе сто раз говорила...

Ирка презрительно глянула туда и повернулась к Юльке — та слушала очень внимательно.

— Духи, «Диор» и «Шанель». Еще вина взяла бордоского три бутылки, тушь и еще по мелочи, — перечисляла Ирка. — И то еле успела! Мы после паспортного зону магазинов проскочили и оказались уже за границей как бы, а там ничего, только коридор! Пришлось бежать обратно, хорошо, у нас в группе мальчик один хорошо говорил по-французски... Ой, девочки, как он пил всю дорогу, еще в Шереметьево начал, и так две недели подряд. Но всегда стильный, вежливый, два телефона угробил — один утопил в Сан-Себастьяне, второй где-то потерял... В общем, мальчик уговорил мадам пропустить нас в магазин.

Рита там не была, но подумалось, что у мадам просто выхода другого не было: она оказалась на пути к магазинам, и русские туристы не оставили ей ни единого шанса.

— Там наша девочка работала, такая лапочка, помогла нам все выбрать и очень быстро... Мы потом так бежали на самолет, так бежали, что в последний момент запрыгнули! Меня между двумя китайцами посадили, они такие вонючие, мама дорогая... Ритуля, Ритуля, привет!

Ирка в легком лавандового цвета платье рванула навстречу и только что на шее у Риты не повисла. Расцеловала в обе щеки, отскочила, вся роскошно-загорелая, в облаке немислимых ароматов и принялась шуршать большим бумажным пакетом с изображением оливкового дерева в окружении готических букв, непонятных, но очень красивых.

— Ритуля, это тебе, настоящее прованское мыло, лучшее в мире, из настоящей лаванды! Нюхай сейчас же!

Она сунула Рите в руки огромный сиреневого цвета плоский обломок, по виду напоминавший разломанную плитку шоколада, только почему-то с веревочкой на уголке. Вблизи оказалось, что это лавандовое мыло, и от запаха кружилась голова, хотелось плакать и смеяться, как от вина.

— Потом нам еду принесли, картошку с курицей, и эти китайцы начали жрать фиолетовые водоросли из пакетиков, передавали его друг другу мимо меня! До сих пор не пойму, как меня не стошнило в эти водоросли... Это тебе, держи. Оно с розовым маслом.

Если бы Ирка достала из сумки охапку роз, то было бы очень похоже. Нежный тонкий запах от бело-зеленой «плитки» смешался с лавандовым, и мысли о работе враз испарились. Юлька держала подарок за веревочку и вдыхала аромат, закрыв глаза, на лице у нее появилась глуповатая, типа Анькиной, улыбка.

— Какая прелесть... Ооо, как оно пахнет! Иришка, ты супер, спасибо! — бормотала Юлька и только что носом не возила по куску мыла. Ирка с довольной улыбкой выудила из пакета что-то длинное, яркое и дрожащее, Рите показалось, что это что-то вроде страуса (или аиста), похожего на игрушку для Каштана. Ирка потрясла этим чем-то, и стало понятно, что это человечек и он гремит при каждом движении, причем довольно громко и противно.

— Анютка, это твоему ребеночку, — Ирка направилась к Анькиному столу, — это надо повесить над кроватью и дергать вот так. — Она рывком потянула игрушку за ноги, та содрогнулась и загремела.

— Внутри натуральный сушеный горох, детки слышат этот звук и переста-

ют плакать. Тебе пригодится. Держи.

Ирка широким жестом протянула Аньке игрушку. Та заворочалась медведицей, сдвинула стол так, что Ирка еле успела отскочить, и вылетела из кабинета. Промчалась мимо Риты с моментально покрасневшей рожой и сгнула в предбаннике.

— Ты мне деньги должна за витамины и фрукты, — проорала ей вслед Юлька, — слышишь, тупая курица? Я на тебя в суд подам!

— Что такое? — Обескураженная Ирка прижимала игрушку к груди. — Что случилось? Всего три недели прошли...

— Все хорошо. — Рита наконец добралась до своего кабинета, положила мыло на подоконник. Показалось, или химера покосилась и даже чуть повернула голову, учуяв знакомый запах? Хотя это могло быть игрой теней в кленовых ветках, да чем угодно могло быть в этот солнечный ветреный день. Ирка продолжала шуршать пакетом и чем-то стучать, потом проверила свою красоту перед зеркалом, поправила платье.

— Одно взяла? — Юлька подошла и рассматривала обновку вблизи. — Тебе очень идет и ткань отличная. Дорого?

— Ну, так, — ушла от ответа Ирка. Значит, вещь дорогая и отдала она за нее немало.

— Я сейчас приду, — Ирка элегантно повесила пакет на локоть, — меня Лариса и Валюшка ждут. Я скоро.

И уплыла в облаке запахов и эмоций. Юлька вздохнула и села за свой комп. Боком вползла зареванная Анька, гнусаво призывая Лизу не прыгать по кровати, а Диму вылезти из-под этой самой кровати и что-нибудь покушать.

— Воровка, — довольно громко проговорила Юлька, — я тебе еще проценты не насчитала. Хотя хорошо, что ты аборт сделала, мир чище будет. От тебя один бракованный генетический материал рождается, и так дебилов полно.

Анька разинула рот, но из трубки раздался просто дикий детский визг, будто ее бракованное потомство там убивали. Юлька показала Аньке неприличный жест, та вжала голову в плечи, и тут ворвалась Ирка.

— Девочки, представляете, у Тарновского инфаркт, он наполовину парализован! А главный безопасник теперь Черников! Приказ еще не подписан, но это формальность!

— Да ладно? — Юлька развернулась на стуле. — С когда он главный? Тарновский умер или еще нет? Рита, ты слышишь? Ты Черникову галстук отдала?

Анька тупо пялилась на Ирку и мучительно соображала, чем это грозит ей лично и как повлияет, если вообще может повлиять. Соображала с такими гримасами, что смотреть на нее было тошно, впрочем, Ирке было не до того.

— Галстук? — переспросила Ирка. — Черников забыл у тебя галстук?

И со всех ног кинулась к Рите. Та едва успела закрыть дверь у Ирки перед носом, что было ну очень невежливо, даже хамски, но ей, как той мадам на границе, никто выбора не оставил. Отдохнувшая Ирка выпила бы у нее всю кровь, а Рите требовалось время, чтобы прийти в себя. Ни радости, ни каких-то других эмоций она не испытывала, просто приняла информацию к сведению. А еще подумалось, что в пятницу она поедет проведать Каштана уже с целым руководителем департамента по безопасности, если поездка вообще теперь состоится. Но это можно узнать хоть сейчас. И она позвонила Черникову

на рабочий.

— Привет, — почти сразу отозвался тот. Голос у него был задумчивый и как будто неживой, так говорит смертельно уставший человек. Да еще и сквозь зубы, значит, снова курит прямо на рабочем месте.

— Поздравляю с повышением, — сказала Рита. — Ты теперь большой босс.

— Ага, — безразлично ответил Черников, — прямо огромный.

— А как Тарновский?

Ирка сказала что-то насчет парализации, и Рите было реально жалко Тарновского. Все-таки столько лет вместе проработали, и вот нате, инфаркт. А ведь не старый еще мужик.

— Выкарабкается, — сквозь зубы бросил Черников. Он явно был чем-то очень занят и говорил с Ритой только из вежливости.

— Я насчет пятницы, — быстро сказала она, — предупреди, пожалуйста, если передумаешь ехать.

— Зайди, — попросил Черников, — обсудим это дело. Можешь сейчас?

— Хорошо.

Рита поглядела в окно на химеру за кленовыми ветками, взяла за веревочку кусок мыла, и, как недавно Юлька, с минуту дышала терпким сильным запахом. Перед глазами вставали то бескрайние лавандовые поля, то закаты над морем, то белый песок, горы белого песка, хотя последнему было объяснение.

— Эта дюна с каждым годом все больше и больше, она сползает в лес, просто пожирает его. А песок такой мелкий, мягкий, по нему так приятно ходить. Туда мы поднимались по деревянной лестнице, а вниз шли пешком, по песку. Это просто восторг! — доносилось из-за двери. Рита собрала волосы в хвост, потом снова распустила их, накрашила губы и пошла к Черникову.

В кабинете под крышей пахло табачным дымом. Новый глава департамента по безопасности сидел на подоконнике и курил в открытое окно. Кивнул Рите, затаился, показал ей на свое кресло в торце темного, идеально чистого и пустого стола:

— Сядь туда.

— Да ладно, могу и постоять, — Рита не могла сдержать улыбку. Черников волновался как первоклассник, то застегивал, то расстегивал пиджак, то принимался терзать галстук (новый и очень красивый, идеально под новый темно-синий костюм), не забывая при этом затягиваться дымом. Причем курил что-то крепкое, у Риты запершило в горле, и она замахала руками, отгоняя сизые клубы.

— Собаки не любят запаха табака, ты в курсе? Каштан рассердится на тебя или обидится.

— Разберемся, — Черников выглянул из окна и щелчком отправил туда окурочек, — ты садись, садись.

И подвинул ей кресло с высокой удобной спинкой. Рита села, устроилась поудобнее и посмотрела на Черникова. Тот щелкнул мышью, и монитор ожил, появился черный квадрат на белом фоне. Черников стукнул по клавиатуре, но ничего не произошло. Рита смотрела на Черникова и улыбалась все шире, тот сосредоточился на квадрате и терзал в пальцах свежую сигарету. Вдруг квадрат стал серым и появилось изображение. Первые две секунды ничего не происходило, только Рите показалось, что по объективу то ли тряпкой мазнули, то ли веником — мелькнуло что-то полосатое, растрепанное и про-

пало. Еще несколько мгновений, и она увидела себя, только черно-белую и злую, и сразу узнала место и время: парковка у ТЦ, где Файка-воровка утащила ее сумку с банкомата, а потом слиняла с папашей-покойником на раздолбанном японском корыте. Черников отвернулся и смотрел в окно, Рита не сводила взгляд с экрана. Она уже знала, что будет дальше — шок, ужас, осознание масштаба той бездны, куда только что угодила, и истерика. По-другому назвать происходящее никак нельзя, прям живая иллюстрация к этому выражению. «Я паршиво выгляжу, — мелькнуло в голове, — мне нельзя так психовать, я просто чудовище». Почему-то в этот момент ее больше всего волновало, что Черников видел ее вот такую: растрепанную, озверевшую, потерявшую контроль над собой идиотку. К счастью, скоро на экране появился очкастый дядька, он помотал головой, скривил губы, потом глянул влево и pokrutil пальцем себе у виска. Потом сосредоточился на банкомате.

Черников курил, Рита смотрела ему в спину и не могла пошевелиться. В эту минуту она отчетливо понимала, что такое паралич — вроде видит все, слышит и даже дышит нормально, но не чувствует ни рук, ни ног. Их будто вообще нет, вообще ничего нет, кроме этого квадрата на мониторе с застывшими датой и временем в правом нижнем углу.

Черников вышиб в окно второй окурок и сунул руки в карманы.

— Твою карту идентифицировали по предыдущим операциям. Ты снимала по ней наличку в других наших и не только наших банкоматах, то есть занималась обналичкой фальшивок. Это не может продолжаться вечно, ты же понимаешь? И это будет тяжелая статья.

— Да, — кое-как проговорила Рита. Страх не отпускал, окреп, точно мороз под утро, а перед глазами все плыло и покачивалось. Казалось, и сам Черников включился в пляску макабра, он как-то странно мотался около окна, будто не знал, что выбрать — шагнуть наружу или остаться.

— Сдашь меня? — Рита точно слышала себя со стороны. Не она говорила, не ее голос, но, кроме них двоих, в кабинете никого не было.

— Пока эту запись никто, кроме меня, не видел, но я буду делать свою работу, — не поворачиваясь, сказал Черников. Рита встала — ноги были как не свои, пришлось придерживаться за край стола, чтобы не упасть. Постояла, глядя на ставший снова черным квадрат, и тут сердце ухнуло так, что пришлось снова сесть. Черников точно ничего не замечал, или не хотел замечать, все смотрел в окно.

— Я видел тебя в своем доме, — сказал он негромко, — сто раз, наверное. Ты бегала к тому красивому мужику с девятого этажа, он живет в квартире педика и постоянно меняет баб. Он действительно так хорош?

Рита встала, медленно вышла из кабинета и пошла к себе ничего не видя перед собой. И тут откуда только силы взялись, она пришла в себя. Закрыла дверь на ключ, опустила жалюзи, села, встала и заметалась по узкому помещению. Зубы стучали как от холода, колотила дрожь, Рите казалось, что если она остановится, то сразу умрет, вот моментально, как умирают от ножа или от пули. Но быстро выдохлась, ходила, уже еле-еле переставляя ноги, и все ждала, ждала, когда постучат в дверь, когда начнут ломать ее, когда полетят щепки, когда заорет Юлька (а она обязательно заорет!), а Анька смоеется, как дворняжка, — они всегда бегут при малейшей опасности. И ничего не происходило, если только не считать, что телефон уже минут пять заливадается на

все лады и ползает по столу. Номер показался знакомым, Рита только собралась ответить, как телефон умолк.

И через несколько мгновений зазвонил снова, в два раза громче, как показалось. Рита отшатнулась, пошла к двери, остановилась, постояла, глядя в стенку и вернулась. Села в кресло и нажала зачем-то громкую связь.

— Здорóво, валькирия, — развязно бросили с той стороны. — Готова, говоришь? Тогда сегодня тебя будут ждать. Салон не вариант, назови сама любое другое место и время.

Ницца, Баден-Баден, Париж, Мессина, Ватикан — куда угодно, лишь бы подалее отсюда, от этого поганого городишки, истинной клоаки этого мира, но Рита молчала. На той стороне тоже ждали, но не очень-то терпеливо — то хмыкали, то алекали, то гнусно хихикали, причем казалось, что ее слушают несколько человек. Ну что же, как говорится, двум смертям не бывать.

— Сегодня в семь, в «Контрразведке», — Рита ляпнула первое, что пришло ей в голову. — А если ваш Гончаров не придет или пришлет тебя, например, то я сожгу эти деньги.

Из трубки донеслось приглушенное «охреть», потом стало очень тихо, потом раздался тот же спокойный нагловатый голос:

— Гончаров приедет. А если ты не придешь, он найдет способ тебя найти. Мир-то тесен.

Он говорил что-то еще, но Рита нажала отбой. Этот вопрос решился, теперь дальше, а летом хоть и длинные дни, но времени все меньше и меньше. Рита набрала Глеба.

— Они позвонили, — сказала сразу, Глеб угукнул и притих. Рита тоже молчала и выводила на листке кривые загогулины — рисовать она никогда не умела и всю жизнь завидовала тем, у кого это хорошо получается.

— Надо идти, — выдал неуверенно Глеб, — а то они нам всю малину испортят. Я одну тварь со знакомой рожей вчера недалеко от салона видел.

— Сегодня в семь, в «Контрразведке», — Рита закрашивала кривоватый квадратик. — Пойдешь со мной?

Заштриховала фигуру справа налево и принялась чертить в другом направлении. Полоски получались неровные и наползали одна на другую, но Рита старалась.

— Не вопрос, — сказал Глеб, — отчего ж не пойти, пойду. Но если мне морду попортят, то съемки под вопросом.

— Я учту. — Рита дорисовала последнюю полоску и принялась рвать листок. — Позвоню ближе к делу.

И когда в половине седьмого она подошла к ресторану, Глеб уже ждал ее недалеко от входа. У дверей с ручками-«калашами» курили парни и девушки, смеялись на всю улицу и неохотно расступились, пропуская Глеба и Риту внутрь. Тут был полумрак и очень весело, в меру громкая музыка чертовски бодрила, да так, что от напряжения дрожала каждая прожилка в теле, а на большом экране два бугая вдумчиво разглядывали друг друга, стоя нос к носу — явно перед тем, как эти самые носы друг дружке разбить до крови.

— Сюда прошу, — подскочил вертлявый, длинный, как глист, официант, весь в черном, с черными же неприятно блестящими глазами. Он провел Глеба и Риту на второй ярус и усадил спиной к окну, через один от того самого столика, где она когда-то обедала с Черниковым. Глеб устроился на стуле и за-

крутил головой, потом впился взглядом в экран, где бугаи вдумчиво били друг другу морды.

— Ну кто так бьет, осподи, кто его учил! Да хрен ли ты открылся, приду-рок! Ну, кретины, ну кто так делает!

— Прошу, — официант подал Рите меню в кожаной папке, до того тяжелой, что Рита немедленно уронила ее на стол. Глеб аж подпрыгнул на месте, схватил меню, открыл, закрыл, подвинул Рите, снова придвинул себе. Тем временем вернулась компания куривших, они занимали два столика у окна, и сразу стало так шумно, что даже музыка чуть заглохла, а в окно и вовсе смотреть стало неприятно, взгляд то и дело натыкался на чей-то затылок.

— Что тут у нас, — Глеб изучал меню, — так, это закуска, а выпивка где?

— На последней странице, — глист в черном почтительно изогнулся, — прошу обратить внимание — у нас самые дешевые цены в городе...

— Чего? — Рита повернулась к нему. — Что у вас, какие цены?

Глист уже понял, что облажался, но не понял, где именно. Заморгал, заулыбался мерзко узкими мокрыми губами, прищурил глазки и повторил:

— Дешевые...

— Какие, на фиг, дешевые? Ты в уме, мать твою? Цены не могут быть дешевые, понял? Ты понял, спрашиваю?

На нее оборачивались, компания за столиком примолкла и наблюдала за Ритой. Глеб сначала шикал, потом дергал ее за руку, потом вскочил, обнял за плечи и попытался усадить на место. Рита скинула его руку, бросила сумку от ноутбука на стол и шагнула к официанту. Тот попятился к перилам, Рита не отступала и буквально загнала его в угол:

— Слушай меня, жертва ЕГЭ! Цены в принципе не могут быть дешевыми, никогда, ясно! В задницу засунь себе эти дешевые цены, скотина! За такие выражения убивать надо, расстреливать через повешение! Пошел вон, дайте мне другого официанта!

Еще немного, и она расцарапала бы «глисту» физиономию. Тот жался к перилам и боком-боком пробирался к лестнице. Глеб придерживал Риту за локти и что-то говорил успокаивающе, но ее было не остановить.

— В какой шараге ты учился, ты хоть буквы знаешь? Подпись свою поставить можешь или крестик рисуешь? Из какого сарая тебя выпустили? Ты, дешевка!..

Она себя неважно слышала, кровь колотилась в ушах, руки стали ледяными, перед глазами прыгали золотые искры. И тут в ворохе огоньков она увидела Черникова, тот сидел наискосок от огромного экрана за небольшим столиком и смотрел на нее снизу вверх. Наверное, когда машина врежется в столб или в забор, то бывает очень похоже — Рита разом осеклась и не сводила с Черникова взгляд. Тот поднял стопку, качнул ею в сторону Риты, выпил залпом и отвернулся. «Повышение отмечает? — крутанулось в голове. — Что он пьет, интересно, водку или коньяк? Тут, наверное, хороший коньяк, но у меня есть получше, настоящий французский. Господи, что в голову лезет...» Рита схватилась за ледяные перила, официант тем временем сгинул с глаз долой, вместо него поодаль стояла девушка в униформе заведения и улыбалась с испуганным видом.

— Ритка, прекрати, — Глеб взял ее под руку, — пошли, на тебя все смотрят. Обычно мужики дебош устраивают, а тут ты выступила. Пошли, пошли, са-

дись. Девушка, нам воды, сок и поесть чего-нибудь.

— Что предпочитаете? — пискнула официантка. По ее взгляду стало понятно, что по русскому языку у нее в лучшем случае была тройка. Но злость уже спала, Рита вернулась за столик и посмотрела на себя в маленькое зеркальце. Там отражалась бледная, с красными щеками физиономия, волосы растрепаны, глаза на мокром месте. «Он снова видит, какая я хабалка», — Рита косилась в сторону кованных перил, но Черникова отсюда не было видно. Надо встать, подойти к краю и посмотреть вниз, вот тогда...

— Что за шум? — Рита и Глеб одновременно подняли головы. На спинку свободного стула обеими руками опирался скуластый старичок в сереньком пиджаке и наглухо застегнутой рубашке в клеточку под ним. В комплекте имелся бордового цвета галстук, затянутый, как удавка, на морщинистой шее, образ довершали голубые свободные джинсы и белые кроссовки. Дед улыбался, поправлял квадратные очки и смотрел то на Риту, то на Глеба, а потом сосредоточился на сумке от ноутбука. Рита положила ее себе на колени, дед ухмыльнулся и плюхнулся на свободный стул.

— Тебе чего, дедуля? — Глеб перегнулся через стол. — Видишь — занято. Я с девушкой поужинать пришел.

Дед продолжал улыбаться прекрасными белыми зубами (явно неродными, ну не могло быть у старика таких превосходных клыков), достал тряпочку из кармана и принялся протирать очки.

— Да я с вами посижу, — ухмыльнулся он, — неужели жалко места для старика...

— Вали на хрен, — вмиг взбеленился Глеб, — я тебя выкину сейчас. Охрана, мать вашу, уберите этого козла, или я сам!

Охрана, два бугая, точно сошедшие с экрана, как из-под земли нарисовалась. Парни мигом оказались у стола и положили Глеба лицом в столешницу. Рита вцепилась в сумку обеими руками и смотрела то на багрового притихшего Глеба, то на старика. Тот тщательно протер очки, аккуратно сложил тряпочку, убрал ее на место и легонько помахал рукой:

— Все, все, отпустите. Все нормально.

Парни отошли, Глеб выпрямился, оглянулся и уставился на бугаев, точно запоминая их. Официантка принесла сок, минералку и салаты, дедок откинулся на спинку стула и оценивающе оглядел Риту.

— Ну, будем знакомы, красотка. Маргарита, верно?

— Верно.

— Василий Дмитриевич Гончаров, к вашим услугам, голубушка.

Дед постучал пальцами по столу. Глеб ругнулся сквозь зубы, показал исподтишка ближайшему бугаю неприличный жест и выпрямился. Подозрительно глянул на деда, хотел что-то сказать, но передумал. Гончаров покрутил головой, поморщился и перегнулся через стол. От старика пахло дорогой туалетной водой, а под рукавом обнаружили здоровенные золотые часы, и тут Рите вполне стала ясна суть выражения «котлы», бытовавшее лет двадцать назад. Вот точно котлы, в яблочко, что называется.

— Шумно тут, — дед поморщился, — народу много. Пойдемте, Марго, со мной. Тут есть удобное местечко.

— Здесь говори, — сунулся ему навстречу Глеб, — тут тоже нормально. Никуда она не пойдет, или вместе со мной.

Дед развел руками, хлопнул себя по бедрам.

— Ну вот что ты будешь делать, — Гончаров смотрел на Глеба как на нашкодившего ребенка, — сказано — шумно, неудобно. Ты спорить будешь? Давай, поспорь.

Парни встали у Глеба за спиной, тот заозирался, привстал, но его силой посадили обратно. Со стороны это, наверное, выглядело дружеской шуткой — парни не быковали, не перли напролом, они просто держали Глеба, точно на привязи, и у него не осталось выбора.

— Да мы быстро, — успокоил его Гончаров, — порешаем все, и она вернется к тебе. Я ее сам приведу, за ручку, а ты выпей пока, закуси. Пойдем, голубушка.

И быстро, как пацан, сбежал по ступенькам и оказался в проходе между столиками. Один бугай остался наверху, второй топал за Ритой. Гончаров прошел еще немного вперед и оказался напротив столика, где сидел Черников. Тот будто ничего не замечал вокруг, смотрел то в стопку, то на экран и даже не глянул на Риту, когда она под руку с Гончаровым прошла мимо. Старик уверенно топал к выходу, но так же уверенно миновал дверь с «калашами», повернул в проход и скоро остановился перед небольшой дверцей.

— Прошу, — он распахнул перед Ритой дверь, пропуская вперед. Охранник точно растворился, Рита оглянулась на всякий случай, но того поблизости не было. Она сняла сумку с плеча и вошла в кабинет. Гончаров мягко закрыл дверь. Тут было очень тихо, музыка сюда почти не долетала, мебель вся кожаная, два темных дивана, темная «плазма» на стене и овальный длинный столик из полированного дерева. Гончаров положил на него очки, Рита села напротив и поставила сумку на мягкий зеленый коврик. Гончаров откинулся на спинку стула с изящно изогнутыми ножками и принялся рассматривать Риту в упор.

— Какая красивая и злая, — он снова надел очки, стекла бликовали, и Рита не видела его глаз. Ощущение было не из приятных, но она старалась не показывать вида.

— Мужика тебе надо, причем срочно, — бросил Гончаров и повернул голову. Вошел официант, тот самый безграмотный черный «глист». Увидел Риту, запнулся на ходу и рысцой подбежал к Гончарову.

— Чайку мне принеси, — распорядился тот, — погорячее. А девушке... Тоже чайку.

— С лимоном, пожалуйста, — сказала Рита.

«Глист» уставился на Гончарова, тот постучал пальцами по столу и медленно кивнул. Официант сгинул, Гончаров достал из кармана большое желтое яблоко, вытер его рукавом и положил перед собой. И снова развалился на стуле, положил руки на подлокотники.

— Слушаю тебя, — бросил он.

— Почему я должна вам платить? — Рита старалась смотреть только на яблоко, его вид почему-то успокаивал. Сердце уже не колотилось бешено, руки не дрожали, и она очень надеялась, что голос звучит уверенно.

— Все платят, — Гончаров расстегнул пиджак и принялся копаться во внутреннем кармане. — Это закон.

— Это беспредел, — перебила его Рита.

— Это божий закон. — Гончаров вытащил из кармана небольшой нож с бе-

ло-зеленой наборной рукоятью, взял обратным хватом, прижал лезвие к запястью. Потом перехватил рукоять двумя пальцами и положил нож рядом с яблоком. — Бог велел делиться.

— С кем, — усмехнулась Рита, — с бандитами?

— С теми, кто следит за порядком...

Гончаров осекся и повернул голову. Вошел официант, притащил на подносе обычные граненые стаканы в подстаканниках, большой чайник, блюда и нарезку лимона. Поставил все на середину стола и убрался восвояси. Гончаров выждал, пока не закроется мягко дверь, и подтянул поднос к себе. Налил чай, кипяток, судя по столбу пара над стаканом, но не доверху. И принялся резать яблоко на блюде, резал на мелкие кусочки и кидал в чай. Рита сама налила себе черного, как коньяк, чая и взяла с блюда ломтик лимона. Гончаров с усмешкой следил за ней и набивал стакан яблочными ломтиками.

— За каким порядком? — Рита постаралась вложить в эту фразу максимум презрения. — Вы о чем вообще?

Гончаров долил чай поверх яблок и принялся помешивать вареву ложечкой на тонкой длинной витой ручке.

— Дороги кто в порядок привел — думаешь, наше ворье местное? Они и улицу не подметут без пинка хорошего. Или тебе нравится, когда в домах нет света и воды? Готова под кустом задницу лопухом подтирать? Или нравится, когда пацаны по улицам шляются и дурь глотают? Или когда в больнице оборудования нет, люди умирают. Или не нравится, что наша спортшкола на первом месте в области, что трое пацанов в этом году уже в олимпийский резерв вошли, а не сторчались? Это все денег стоит, и хороших денег.

Рита обхватила ладонями подстаканник, от металла шло приятное тепло, точно от костра. Гончаров шумно отхлебнул свое месиво и глянул на Риту поверх очков.

— А вы не много на себя берете? — Она старалась говорить быстро и презрительно. — Или вы тот самый бог? Вернее, местночтимый святой, так кажется, это называется. Ждете, что вам памятник поставят благодарные потомки?

— Не хами мне, детка, — Гончаров поставил стакан на стол.

— Я вам не детка, — отрезала Рита. Она бросила в чай еще две дольки лимона и вдохнула приятный запах. От страха не осталось и следа, только злость на себя и на этого старикашку, что возомнил себя вершителем судеб этого мира, и ее судьбы в том числе. Да с какого перепуга???

— Дура ты, — с каменной рожей отозвался Гончаров, — и сиськи у тебя маленькие. Ты что творишь, вообще соображаешь?

Он крутанул нож на столешнице. Тот завертелся волчком, бело-зеленые полосы рукояти и блестящая сталь клинка слились в одно яркое живое пятно. Смотреть на него было неприятно, Рита хлопнула по ножу ладонью, и тот отлетел на край стола. Гончаров подхватил его и убрал в карман.

— Набрала на всех компромат и думаешь, что все можно? Люди заплатили, между прочим, за место, хорошие деньги заплатили, а ты что устроила? Дался тебе этот дом. Так дела не делают.

И она сразу поняла, о чем речь, о доме с химерой. Хотела сказать, что этот дом трогать нельзя, что его строил знаменитый архитектор, что он же построил другой прекрасный дом на Остоженке в Москве, что такие дома надо бе-

речь и на выстрел не подпускать к ним торгашей и прочих оптимизаторов потому, что это убьет город. Гончаров следил за ней, снова снял очки, набычился, во взгляде его было столько злости и презрения, что оставалось только нахально улыбаться.

— Я тоже слежу за порядком, — перебила его Рита и отпила немного чая, что успел остыть и одуряюще прекрасно пах лимоном. — Этот дом мне нравится и я не дам его снести. Я святая?

— Шлюха ты, — ровным голосом сказал Гончаров, — и бизнес у тебя грязный. И уважения к старшим нет. Вдвойне плати.

Рита приподняла удивленно брови и принялась разглядывать свой маникюр.

— Это порядок или беспредел? Я запуталась.

— Это штраф, — пояснил Гончаров и снова полез в карманы пиджака. Достал из правого древний кнопочный мобильник с крохотным экраном, принялся нажимать белые клавиши, и те отвечали противным писком. Поднес к уху, буркнул что-то неразборчиво, отбился и принялся постукивать телефоном по столу.

— Штраф тебе за хамство.

— Квитанцию пришлите, — Рита улыбнулась еще шире. Старик перестал пугать или бесить ее, как еще несколько минут назад, он вызывал жалость и даже брезгливость, от одного вида засаленного галстука хотелось плакать. Вошел бугай-охранник с большой черной сумкой в руках, положил ее на стол, сам стал у закрытой двери. Сумка шевельнулась будто сама по себе, поползла по столу, Гончаров открыл застежку-«молнию» и вытащил наружу белого маленького щенка спаниеля. Крохотный, с бессмысленными голубыми глазенками, толстыми лапами и коротким хвостиком, малыш зевал и недовольно жмурился. Его только что разбудили, вырвали из сладкого крепкого сна, и щенок недоуменно таращился по сторонам. Гончаров поставил малыша на пол, лапы у щенка немедленно разъехались. Пес сделал несколько неуверенных шагов, принюхался и сделал на коврике приличных размеров лужу. Гончаров засмеялся, охранник у двери будто застыл.

— Ах ты безобразник, — Гончаров поставил щенка на стол и потрепал его по спинке. Щенок обрадовался, замахал хвостиком и затряс длинными ушами. Рита отодвинула чай и протянула руку к щенку. На курносой мордочке у него было несколько крупных пятен, темнее, чем основная шерстка, но это малыша несколько не портило, наоборот, казалось, что это веснушки. Щенок ткнулся Рите носом в ладонь, лизнул пальцы.

— Вот так, — Гончаров подхватил щенка под брюшко, погладил между ушей и с силой швырнул малыша о стенку. Раздался глуховатый жуткий звук, щенок тяжело упал на пол, забарахтался и громко заскулил. Рита вскочила, охранник моментально оказался перед ней и толкнул в плечи. Рита не удержалась и упала на диван, Гончаров поднялся, подошел к щенку и с силой пнул его в живот. Малыш застонал, заплакал почти по-человечески, пополз к двери, Гончаров ударил его еще раз, и щенок отлетел в дальний угол. Он рыдал в голос, пытался подняться, но лапы не держали, а на мордочке появились темные пятна. Гончаров подошел к щенку, Рита снова вскочила, отбила руки охранника.

— Не надо, пожалуйста. Не трогайте его.

Гончаров обернулся и хитро посмотрел на нее.

— Как там в вашей дурацкой книжке написано — никогда ничего не просите, особенно у тех, кто сильнее вас? Сами предложат и сами дадут? Да с какой стати я буду тебе чего-то давать?..

— Простите, если нахамила вам. Вот деньги, — Рита кинула на стол сумку, сбила стакан с чаем, тот разлился по ковру. Щенок скулил и глухо кашлял, пятен на полу становилось все больше и больше. Охранник маячил перед Ритой, закрывая ей обзор, она металась вдоль стола, стараясь не выпускать щенка из виду. Гончаров подошел, охранник отвалил обратно к двери.

— Сколько здесь? — Гончаров дернул «молнию» и принялся перебирать пачки денег. Рита не сводила со щенка глаз, а тот полз, как слепой, тыкался носом в стену, скреб лапами и плакал так, что еще немного — и сердце разорвется от боли.

— Половина, — Рита мельком глянула на Гончарова. Тот скривился разочарованно и прикидывал вес сумки на руке. — Я отдам позже, пока денег у меня нет. Бизнес только начался. Ваши люди мне клиентов распугали и салон испортили.

— Дешевка, — Гончаров выругался, швырнул сумку на пол и с размаха ударил щенка ногой в толстый мягкий бок. Малыша швырнуло на стенку, он врезался в нее мордочкой, кровь брызнула из разбитого носа. Щенок скулил, дрожал и все пытался куда-то ползти, Гончаров перевернул его на спину и наступил на горло. Живот и грудь у малыша были в крови, щенок сопротивлялся, дергал лапами и даже пытался укусить врага. Гончаров надавил сильнее, и щенок захрипел.

— Не надо, — попросила Рита, — не надо, пожалуйста. Я заплачу позже всю сумму, и штраф тоже.

Она смотрела, смотрела на щенка, как тот бьется все тише и тише, как запрокидывается у него ушастая голова, как меркнет взгляд голубых бессмысленных глаз. Гончаров убрал ногу и брезгливо оттолкнул щенка. Тот ударился спинкой о ножку стола и не шевелился.

— Само собой, заплатишь, еще как заплатишь, — Гончаров закрыл сумку с деньгами и снова взялся за свой чай. Отхлебнул шумно, слопал яблоки и щелкнул пальцами. Рита смотрела под стол — щенок вроде дышал, дернулся несколько раз и заскулил еле слышно. Гончаров что-то говорил, но Рита не слышала его. И тут над головой грохнуло так, будто граната взорвалась. Рита выпрямилась и едва успела отшатнуться — стол сдвинули вбок, Гончаров стоял напротив и орал ей в лицо:

— Я с кем говорю, курва??? Быстро встала!

Щенок перевалился на бок и тяжело дышал, с хрипами, с кашлем, он плевался чем-то темным и пытался встать на дрожащие лапы. Гончаров шагнул к нему, Рита вскочила и загородила дорогу. Гончаров попятился, оглядел ее еще раз с ног до головы и показал на стол.

— Станцуй-ка мне стриптиз. Давай, давай, пошла, — он снова щелкнул пальцами. Рита смотрела то на полуживого щенка, то на стол, то на ухмылявшегося Гончарова. Тот снова взял свой паскудный стакан и шумно, как конь, хлебал яблочные помои.

— На столе мне спляши, — лыбился он и сверкал очками, — я такое только в кино видел. Покажи, что можешь.

Он взял щенка за шкурку, встряхнул, малыш повис безжизненно, и Рите показалось, что щенок уже не дышит. Гончаров бросил щенка на пол.

— Станцуй стриптиз, тогда я подумаю, — он толкнул Риту к столу. — Давай, раздевайся, трусы тоже снимай. Ну, чего встала?

Рита попятилась к столу, села на край и выставила руки перед собой. Гончаров торчал напротив, засунул руки в карманы и широко расставил ноги. Щенок ожил, зашевелился и тоненько заскулил, попытался отползти, но лапы плохо его слушались. Гончаров обернулся, посмотрел вниз, потом на Риту.

— Хорошо, хорошо, я станцую, но только не здесь.

Гончаров повесил сумку с деньгами на плечо, подобрал щенка и повернулся к Рите.

— А ты права, — протянул он, — не здесь. Оденься красиво, будто на свидание собралась, — подмигнул он ей по-свойски, — морду намажь как полагается, и приезжай ко мне в Еремино. Пацанам моим позвони, они тебя отвезут. Но учти, что проценты с завтрашнего дня пойдут.

— Проценты? — Рита не сводила со щенка глаз.

— А ты как думала? — хохотнул Гончаров. — Конечно, проценты, раз сразу весь долг не отдала. И, кстати, привези мне все, что у тебя есть на этих похабников. Возьму как проценты за пару дней. Так что времени у тебя не много.

Охранник открыл дверь, Гончаров вышел и пропал в коридоре. Рита кинулась следом, но там уже никого не было. Стемнело, зажглись фонари и подсветка зданий, по проспекту шел плотный поток машин, свет фар резал глаза. Рита выскочила на крыльцо, побежала дальше, едва не выскочила на проезжую часть, развернулась и чуть не сбила с ног Глеба. Тот схватил ее за руки и потащил за собой.

— Вон он, вон, смотри! Выезжает как раз!

От парковки отчаливала белая «Нива», Гончаров сидел за рулем, больше в салоне никого не было. Гончаров послал Рите воздушный поцелуй через стекло и неторопливо вырулил на проспект. Рита кинулась следом, Глеб перехватил ее в последний момент.

— Такси, надо такси, срочно, — Рита рвалась следом за «Нивой», машина еще виднелась в потоке. На перекрестке зажегся красный, машины встали, «Нива» притулилась сбоку, скоро она сольется с потоком и сгинет в темноте.

— Такси, Глеб, вызови такси...

— Далеко собралась?

Рита развернулась, ее уже никто не держал, можно было бежать куда угодно. И Глеб куда-то подевался, а напротив стоял Черников и курил, выдыхая дым в сторону позолоченных «калашей». Двери распахнулись, из них вывалилась компания со второго этажа, но Черников не шелохнулся. Закурили, казалось, все разом, дым поплыл клубами, голова закружилась, асфальт поехал куда-то вбок. Но все быстро вернулось на место, и Глеб нашелся, он, оказывается, стоял неподалеку и, зажав одно ухо ладонью, кричал в телефон:

— Машину от «Контрразведки»... Рита, куда мы едем?

— В Еремино, — Рите казалось, что она кричит, но губы еле шевелились, язык плохо слушался.

— Куда? Рита, блин, я ничего не слышу! Минуту, я сейчас!

Глеб подбежал к ней, загородил Черникова, тот невозмутимо дымил и теперь пристально смотрел на Глеба.

— Рита, ехать куда? Машина сейчас будет!

— В Еремино, — повторила она громче, — в Еремино, быстрее!

Встала на носки, вытянулась, высматривая «Ниву», но та уже пропала из виду. На глаза навернулись слезы, дыхание перехватило, Рита прикусила ко-
стышки пальцев и зажмурилась, чтобы не заплакать.

— Поехали.

Черников отшвырнул окурок и подошел к Рите.

— Поехали, чего стоишь? Или уже не надо?

Глеб закрутил головой, сунул телефон в карман и толкнул Черникова в
грудь.

— Без тебя разберемся, не лезь. Рита, пойдём, сейчас подъедут за нами...

— Машина здесь, — Черников придержал Глеба за локоть, — можно ехать.

— Да отвали уже! — Глеб развернулся и врезал Черникову кулаком в жи-
вот. Вернее, целился туда, Черников легко увернулся, точно ждал именно это-
го удара, пропустил Глеба перед собой, перехватил за руку и вывернул ему за-
пястье. Глеб грохнулся на колени и аж зубами заскрипел от боли.

— Ты охренел...

— Это ты отвали, — Черников наклонился к нему, — мы сами справимся.
Рита, ты идешь?

Он отпустил Глеба и достал ключи от машины. Черный монстр замигал фа-
рами из темноты, потом что-то негромко щелкнуло. Глеб выпрямился и тряс
раненой рукой, зыркнул злобно на Черникова и попытался врезать ему левой.
Удара снова не получилось, Черников просто перехватил Глеба за руку и
швырнул к дверям «Контрразведки». Те распахнулись, и Глеб пропал в крас-
новатом полумраке, все, кто курил перед входом, притихли, и вокруг Риты и
Черникова образовалась пустота.

Черников поправил выбившуюся из-под ремня рубашку, поглядел на Глеба,
что с матюками выбирался из предбанника, кивнул в сторону парковки:

— Едешь или нет? До Еремино километров десять. Или передумала?

Рита глянула на Глеба, на притихшую толпу, на подъехавшее к ресторану
такси и быстро пошла к «роверу», села сзади. Черников моментально оказался
за рулем и внедорожник, как недавно «Нива», постоял немного на обочине и
вклинился в поток машин. Черников опустил стекло, высунулся наружу и вы-
ехал на встречу. Рита вцепилась руками в спинку переднего сиденья и смот-
рела через лобовое стекло. Только сейчас сообразила, что не запомнила номер
гончаровской «Нивы» и просто высматривала в потоке белые машины.

— Чего ты забыла в этом Еремино? — Черников обгонял машины, не обра-
щая внимания на гудки и крики водителей.

— Надо кое-что забрать, — у Риты глаза слезились от напряжения, пальцы
как судорогой свело. Показалось, что впереди и справа мелькнуло что-то похо-
жее на гончаровскую машину, но вблизи оказалось, что это не то. Поток впе-
реди поредел, Черников еще прибавил газ и вернулся на свою полосу. И тут
началось — он гнал точно по взлетке, скорость росла, внедорожник мотало по
дороге, разметки для него будто не существовало. Рита держалась за спинку
сиденья уже из последних сил, а к глазам снова подступали слезы. Они не
успеют, не догонят, а если догонят, то будет поздно.

— Пристегнись, — Черников смотрел на нее в зеркало заднего вида, — сиди
спокойно. И не ори, если что.

— Ты пьяный, — Рита смотрела на дорогу, на машины, как те чуть ли не со свистом пролетают мимо и остаются позади. А на спидометр смотреть не хотела, да чего туда смотреть, и так все понятно. Их остановят минут через пять или десять, на дороге полно камер, и низко летящий «ровер» уже наверняка отследили, скоро посадка.

— Да какое там, я только начал, — Черников легко обошел фуру и отмахнулся в ответ на длинный презрительный гудок. — Хотел повышение отметить. Имею право? Имею.

«Ровер» влетел в поворот, наклонился, справа мелькнул указатель «Еремино» — стрелка красиво изгибалась влево и вверх, под ней был указан километраж, но машина уже промчалась мимо. Проскочили районную больницу, рынок, огромный торговый центр на окраине города, потом переезд на железке. Дальше пошел лес и поля, на их дальних краях мерцали огоньки, до того жалкие и сиротские, что смотреть туда не хотелось. Впереди показались красные габаритки, Черников вдруг резко скинул скорость и закурил в открытое окно.

— Быстрее, быстрее, — торопила Рита. Черников преспокойно затянулся и выдохнул дым.

— Куда быстрее-то, — бросил он сквозь зубы, — вон он, твой крендель престарелый. Говорил, что догоним, а ты не верила.

Рита привстала, подалась вперед — и точно, в полумраке виднелся силуэт белой «коробочки». Гончаров дисциплинированно ехал в правом ряду, и Черникову стоило больших усилий держаться от «Нивы» подальше.

— Он тебя чем-то обидел? — Черников снова посмотрел на Риту в зеркало. Она села, отвернулась к окну. Вдоль дороги мелькали тощие березки, потом показалась на миг и пропала серебристая лента реки. Рита узнала место — они проезжали тут год или два назад, когда председатель правления банка отмечал юбилей и от корпоратива на природе отвертеться было ну никак невозможно. Кстати, хорошо время тогда провели в снятом на целый день доме отдыха: и место красивое, высокое, в сосновом лесу, и накормили вкусно. Ну и напоили, само собой.

— Что он тебе сделал?

Рита будто очнулась, а Черников по-прежнему смотрел на нее в зеркало и крутил в пальцах новую сигарету.

— Деньги украл. Все мои деньги.

Это было почти правдой, хоть она и отдала их Гончарову сама. Но картинки до сих пор стояли перед глазами — и белый толстый щенок, и жуткие глухие звуки ударов, и кровь на курносой мордочке. И довольная гончаровская рожа за блестящими стеклами очков.

— Те деньги? — спросил Черников с упором на «те». Рита кивнула.

— Экая скотина.

«Нива» вдруг пропала из виду, Черников резко дал по тормозам, и Рита врезалась в спинку переднего сиденья. «Ровер» тяжело разворачивался поперек полос, шедшая следом «Лада» съехала на обочину, остальные машины тоже освобождали дорогу.

— Тут съезд есть, — Черников развернул тяжеленный внедорожник, — я и забыл. Можно дорогу до Еремино срезать, получится ближе.

«Нива» как в воду канула, Рита напрасно всматривалась в темноту. Дорога тут была пустой, лес обступал ее с обеих сторон, но это был чистый светлый

лес, вдоль обочин росли огромные сосны, и в салоне приятно пахло хвоей и смолистой корой. Черников врубил дальний свет и гнал по разделительной, впереди мелькнули и пропали красные огоньки.

— Вон он, — азартно выдохнул Черников, — не ушел. А ты боялась!

Дорога шла вверх и постоянно поворачивала, «Нива» то пропадала из виду, то вновь появлялась далеко впереди. Справа за ветками сосен появились желтые приятные огоньки, их становилось все больше, послышался собачий лай.

— Вот оно, Еремино твое.

— Обгони его, — попросила Рита. Черников посерьезнел и уставился на дорогу.

— Здесь?

— Здесь, мать твою, именно здесь, где еще! Обгони или поворачивай назад на фиг! Пожалуйста!

Голос сорвался, деревья за окном теперь точно плыли в медленной реке, та здорово тормозила движение, скорость почти не росла. Зато «Нива» удачно притормозила, колеса ее крутились еле-еле, внедорожник поравнялся с ней, и Рита увидела Гончарова, как тот медленно поворачивается влево, как снова блестят его очки, как меняется выражение его лица, а «Нива» снова набирает скорость, «ровер» начинает отставать. Рита вскочила, перехватила руль и вывернула его вправо, Черников ничего не успел сделать. Раздался грохот, металлический лязг, Риту отбросило назад, она больно врезалась затылком во что-то очень твердое. «Ровер» развернулся поперек дороги, а «Нива» исчезла, как сквозь землю провалилась. Черников с матюками тормозил еще прущую по инерции машину, та останавливалась медленно, как товарняк. Рита не выдержала, открыла дверь на ходу и выпрыгнула на дорогу, упала, чуть не угодив под колеса, вскочила и побежала к обочине.

И остановилась в последний момент, едва не улетела в овраг. Тут он был довольно глубокий, точно пещера или расщелина в горах, пахло сыростью и свежей землей, будто внизу раскопали могилу. «Нива» висела над этой бездной, машина врезалась в сосну, весь передок смят в гармошку. А потом, наверное, ее отбросило дальше, и машина успокоилась, впечатавшись в дерево со стороны водительского сиденья. Рита попробовала спуститься к «Ниве», ноги заскользили по мокрой траве, и просто чудом удалось удержаться на ней.

— Ритка, ты больная, ты голову проверяла? Ты что творишь? — Черников оказался рядом и схватил Риту за локти. — Куда ты прешь, зачем? Ох ты ж мать твою, вот это номер! Отвали-ка.

Он оттолкнул Риту на дорогу и сам ловко съехал вниз, потом раздался глухой хлопок. Ждать не было сил, Рита кинулась в темноту очертя голову, слетела следом и летела бы дальше, если бы Черников не поймал ее на полдороги.

— Довольна? Смотри, смотри, — он одной рукой держал ее, а другой шарил по карманам костюма. Нашел зажигалку, щелкнул, вытянул руку. За треснувшим стеклом пассажирского места виднелся неподвижный силуэт — седая голова странно свернута набок, человек не двигается. Огонек погас, силуэт исчез. Рита вырвалась и бросилась к «Ниве», распахнула дверцу и не успела отскочить. Гончаров рухнул на нее всей тяжестью, завалился на оба сиденья, голова его странно дергалась, очки слетели и пропали в темноте.

— Отойди. — Черников снова добыл огонь и наклонился над Гончаровым. Прижал пальцы к его шее зачем-то, постоял так немного и схватился за теле-

фон.

— Надо «Скорую», он еще жив.

— Не надо. — Рита взяла Черникова за руку и закрыла экран мобильного ладонью. — Не надо «Скорую», не звони. Пусть он сам.

Черников опустил телефон, посмотрел на Гончарова, на Риту. Из салона «Нивы» донесся слабый, на грани слышимости писк. Рита заглянула в окно на задней дверце, но внутри было очень темно. А писк повторился.

— Ты знаешь, кто это?

— Гончаров, бандит. Он украл мои деньги. Вытащи его.

И сама вцепилась в ворот клетчатой рубашки, потянула на себя. С тем же успехом она могла вытаскивать слона из домика или тащить шкаф на десятый этаж. Гончаров не шелохнулся, у него начались судороги или конвульсия, руки странно и неприятно двигались, голова билась о порог. А писк сделался громче.

— Точно, это смотрящий. На нем весь город держится. Не будет Васи — начнется передел. Это война, ты понимаешь?

— Мне плевать, — Рита смотрела в окно задней дверцы. Показалось, или там шевелится на полу что-то светлое, живое и стонет от боли все громче и громче. Черников то задирает голову к небу, то кусал губы, потом пнул колесо «Нивы» и выволок труп Гончарова из машины. На траву следом выпали две сумки — из-под ноутбука и еще одна, вроде коричневого цвета, но в темноте не разобрать.

— Забери деньги, — Рита отпихнула свою сумку и сунулась в салон. Тут было темно и очень душно, мерзко воняло чем-то сладким, писк доносился из-под пассажирского сиденья. Пришлось лезть еще дальше, Черников что-то кричал, но Рита не слушала.

— Иди ко мне, иди, иди, — бормотала она в темноту, — иди, маленький, не бойся. Иди, сюда, малыш.

Писк стих, в темноте будто неяркий ночник включили — появилось белое пятнышко, как просвет. Рита потянулась туда, и пальцы коснулись мягкой щенячьей шерстки. Пес заскулил, попытался гавкнуть, но дал взять себя на руки. Рита выбралась с ним из машины, щенок не сопротивлялся, прижался к ней, и Рита чувствовала, как бешено бьется маленькое, насмерть перепуганное сердечко. Черников с двумя сумками в руках выдохнул шумно и замотал головой. Сумки полетели Рите под ноги.

— Какая твоя?

— Эта, — она толкнула черную, — возьми, там все мои деньги.

— А это тогда чья? — Черников расстегнул молнию на второй, она оказалась набита долларами и евро, причем купюрами, которые в Европе называют «русские деньги», номиналом от полтинника и выше. Аккуратные пачки в банковской упаковке вывалились на траву, Черников принялся собирать их и кое-как запихал обратно.

— Это не мое, — Рита положила еле живого щенка себе на плечо и гладила малыша по спинке.

— Бросим тут? — Черников сделал вид, что хочет зашвырнуть сумку в овраг.

— Забирай все и поехали.

Рита вскарабкалась по мокрому склону и уселась на заднее сиденье «рове-

ра». Черников бросил сумки на переднее сиденье, плюхнулся за руль и обернулся к Рите.

— Супер, — он смотрел на щенка, — я провел чудный вечер. Мы угробили смотрящего, сперли его деньги. Если не ошибаюсь, то это общак. Как ты думаешь, что будет дальше?

— Война, ты сам сказал. — Рита насторожилась: щенок странно дышал, даже хрипел, и снова заскулил от боли. Он свернулся в клубок, ткнулся носом Рите в живот и дрожал всем телом. Рита накрыла его ладонями и посмотрела на Черникова.

— Надо к ветеринару, быстрее.

— Лучше в аэропорт, — сказал Черников, вытащил из пачки сигарету, сломал ее и выкинул в окно. — Заграник у тебя есть?

— Есть, и виза открыта, — Рита осторожно погладила щенка по голове, и тот перестал дрожать.

— Ну вот и отлично. Купишь билет и сматывайся. Вот этого, — он похлопал по круглому боку коричневой сумки, — тебе на всю оставшуюся хватит. А, чуть не забыл.

Черников выскочил из машины, побежал к «Ниве», залез в салон и через несколько минут вернулся с маленькой пластиковой коробочкой, откуда торчали провода.

— Регистратор, чисто на всякий случай, — он принялся разбирать корпус и вытащил карту памяти. — Так что предлагаю сразу отсюда в аэропорт, а эту малявку я ребятам отдам, он у них не пропадет. И Каштан мой за ним присмотрит.

Щенок завозился под руками, закашлялся и принялся облизывать покрытую темными пятнами мордочку. Рита взяла его под теплое мягкое брюшко и повернула поудобнее. Аэропорт — это хорошая мысль, до Шереметьево езды час с небольшим, а оттуда весь мир открыт. Можно и в безвизовую страну, где всегда тепло и снег видели только по телевизору. И денег хватит, Черников прав, но не на всю жизнь. Все равно найдут, и очень скоро, так что какой смысл? Да и дело не только в этом.

— Я не поеду, — Рита гладила притихшего щенка, — почему я должна бегать от этих скотов? Я не воровка, я свое забрала, я живу по своим правилам. И никому их не навязываю, заметь. Мир меняется, так что пусть катятся со своими понятиями куда подальше. Война так война.

Черников сунул обломки регистратора и карту в карман, ткнулся лбом Рите в висок и так застыл. Она тоже не двигалась, закрыла глаза и чувствовала, что еще немного, и затопит слезами «ровер» по самую крышу.

— Я слышал, что женщина, чтобы оттаять сердцем, должна постоянно гладить животных, собак, кошек — неважно. Ритка, где ты так замерзла, кто тебя заморозил?

Рита запустила пальцы ему в волосы и прикусила губу, чтобы не заплакать.

— Потом расскажу. Погнали к ветеринару.

Минута, две — черная махина развернулась и покатила, набирая скорость, через лес на трассу, и дальше в город. Слезы отступили, сердце билось ровно, мысли больше не путались, и очень хотелось спать. Щенок повозился на коленях и затих, Рита положила руку ему на спинку и закрыла глаза. Черников ку-

рил в открытое окно, в машине приятно пахло дымком, мокрой травой и хвоей. «Да какая там война, — подумалось в полусне, — Гончарова нет, воевать некому». Но если все же начнется... Если деньги на твоей стороне, то неважно, кто против.